

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Цинпаева Разият Шамиловна

**Благотворительность в России как социокультурный феномен
второй половины XVIII – начала XX века.**

Специальность – 24.00.01 – теория и история культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата культурологии

Научный руководитель: к.и.н., доцент

Калякина Александра Викторовна

Москва - 2018

Оглавление:

Введение.....	3
Глава I «Социокультурные, аксиологические и семантические характеристики феномена благотворительности»	22
§ 1.1 <i>Подходы к изучению феномена благотворительности в России.....</i>	<i>22</i>
§ 1.2 <i>Семантическое наполнение понятия «благотворительность» во второй половине XVIII – начале XX века</i>	<i>26</i>
Глава II «Мотивационная структура благотворительности в России и ее социокультурная обусловленность»	49
§ 2.1 <i>Влияние религиозности на мотивационную структуру благотворительности</i>	<i>55</i>
§ 2.2 <i>Традиционные моральные ценности российского общества как основа светской благотворительности</i>	<i>65</i>
§ 2.3 <i>Роль государства в жизни общества.....</i>	<i>71</i>
§ 2.4 <i>Благотворительная деятельность августейших особ как стимул развития российской благотворительности</i>	<i>82</i>
Глава III «Основные этапы становления феномена благотворительности в России»	96
§ 3.1 <i>Первый этап – 1760-е – 1800-е гг</i>	<i>104</i>
§ 3.2 <i>Второй этап – 1800-е – 1860-е гг.</i>	<i>116</i>
§ 3.3 <i>Третий этап – 1860-е – 1910-е гг.....</i>	<i>147</i>
Заключение	160
Список литературы	166

Введение.

Благотворительность в разных видах и формах существовала в России на протяжении многих веков, в нее были вовлечены все слои общества, независимо от материального достатка или социального положения. В разные эпохи масштаб и популярность благотворительной деятельности были различны. Принято считать, что своего пика, по масштабам, по географическому и социальному охвату, по разнообразию сфер реализации, благотворительность в России достигла ко второй половине XIX века, что позволяет исследователям называть этот период «Золотым веком» российской благотворительности. «В конце XIX века в России действовало свыше 5000 благотворительных обществ и учреждений, суммарный капитал которых превышал 250 млн. руб., и которые располагали недвижимостью общей стоимостью свыше 66 млн. руб. Они ежегодно собирали свыше 1,2 млн. руб. членских взносов и около 8 млн. руб. пожертвований, что позволяло им оказывать разнообразную и масштабную помощь различным слоям населения империи. Свыше 1,2 млн. детей и взрослых ежегодно пользовались той или иной помощью благотворительных организаций»¹.

Подобный опыт не может не вызывать интерес в контексте возрождающихся в настоящее время в России традиций благотворительности. После достаточно длительного периода советское государство взяло на себя обязательства по попечению нуждающихся, возникла ситуация, когда были забыты отработанные веками механизмы социального вспомоществования нуждающимся, а вместо них адаптируются традиционные западные формы благотворительной помощи. Исследование региона, его политических, экономических и, самое главное, социокультурных проявлений предполагает

¹ ПСЗ-П. Т. 29. №28492.

выделение ряда социокультурных доминант² - набора региональных черт, складывающихся в процессе его формирования, определяющих логику его развития в целом, а также обуславливающих особенности отдельных сфер жизни общества. Даже поверхностный сопоставительный анализ особенностей благотворительности России и зарубежных странах, говорит о том, что существенные отличия, наблюдаемые в их культурах благотворительности, продиктованы различиями не столько историческими, сколько социокультурными, а также ценностными ориентирами, принятыми в обществе, составляющими основу национального характера. В данном исследовании национальный характер трактуется, вслед за философом и социологом И. Коном как «общность выработанных и усвоенных в ходе совместного исторического развития психологических черт и способов действия, закрепленных групповым самосознанием»³.

Нам представляется, что благотворительность в России – социокультурный феномен, неотъемлемая часть российской культуры, с одной стороны отражает ее ценности и традиции, формируется под влиянием национального характера, констант и доминант культуры, с другой - является элементом, формирующим культурные и социальные парадигмы российского общества.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется тенденциями в современной культурологии, направленными на изучение морально-нравственных и социокультурных аспектов жизни общества. Анализ истоков возрождающихся форм социальной активности, таких как благотворительность, меценатство, волонтерство, становится ключевым в

² Данная концепция развивается в рамках «Регионоведения» как учебной и научной дисциплины и разработана в ряде трудов коллектива кафедры региональных исследований МГУ имени М.В. Ломоносова, подробнее о которых будет упомянуто ниже.

³ Кон И. С. Национальный характер — миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9. С. 228

понимании природы российской благотворительности и ментальности в целом.

Возникшая в постсоветский период необходимость в благотворительной поддержке некоторых категорий наших граждан, и ряда социальных институтов (как, например, образование и культура), в первые годы после распада Советского Союза удовлетворялась деятельностью западных благотворительных фондов, активно развернувших свою деятельность в нашей стране в первой половине 1990-х гг.⁴ Позже в России стали возникать отечественные благотворительные организации, появилась социальная ответственность бизнеса, однако к моменту их возникновения и распространения в российском культурном пространстве уже утвердились западноевропейские формы и механизмы оказания благотворительной помощи. Отражая реалии и ценности западного мира, предложенные модели благотворительной поддержки не отвечали традиционным культурным ценностям и реалиям России, что привело к непопулярности благотворительности и недоверию к благотворителям и меценатам. Сложившееся несоответствие культурных традиций и отсутствие понимания традиционных форм российской благотворительности оказали влияние на формирование негативного имиджа благотворительности в обществе.

Цель данного диссертационного исследования - сформировать целостное представление о характере, формах и содержании благотворительной деятельности в России, выявить ее социокультурную и сословно-содержательную специфику, проследить динамику развития этого явления со второй половины XVIII до начала XX века.

⁴ Наиболее активную деятельность на территории России в это время вели такие фонды как «Открытое общество» Дж.Сороса, Московский Центр Карнеги, Британский фонд CharityAidFoundation, фонд MacArthurFoundation и др.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи:**

- выявить ценностно-смысловое наполнение понятий «благотворительность», «филантропия», «общественное призрение» и др., актуальное для понятийной и языковой картин мира носителей русского языка и культуры исследуемого периода;
- раскрыть содержание, которое вкладывалось в явление благотворительности в разные временные периоды;
- установить ключевые мотивы, побуждавшие к благотворительности, раскрыть природу их происхождения и социокультурную обусловленность, а также степень актуальности в зависимости от сословной принадлежности благотворителя и хронологического периода;
- предложить новую систему периодизации российской благотворительности, отражающую ее развитие как самобытного явления социокультурной жизни в исторической динамике;
- дать характеристику выделенным этапам на основании набора критериев, позволяющих составить “профиль” благотворительности для каждого этапа, оценить степень развития данного явления, уровень вовлеченности и отношение общества к благотворительной деятельности.

Объект исследования – благотворительная деятельность российского общества во второй половине XVIII - начале XX в. Рассматривается как частная, так и государственная деятельность по призрению и попечению разных категорий нуждающихся. Исследование стремится охватить наиболее популярные в Российской империи сферы благотворительности, а также классифицировать наиболее активные категории участников

благотворительно процесса. Феномен благотворительности рассматривается на материале центральных российских губерний.

Предметом исследования являются механизмы формирования и становления благотворительности как социокультурного феномена.

Источниковая база исследования. Масштабность и сложность исследуемого явления продиктовала необходимость привлечения максимально широкого круга источников: законодательных актов, официальных финансовых отчеты ведомств и организаций, наряду с мемуарами известных деятелей в сфере благотворительности, а также материалами печатных периодических изданий и др. Весь привлеченный корпус источников можно разделить на несколько крупных категорий:

1. Законодательные акты о благотворительности. Главным источником информации об основных тенденциях и изменении государственной политики в сфере благотворительности стало Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). В процессе исследования были изучены тома с 15 по 40 Первого собрания (ПСЗ-I) (1649 – 1825) и собрание второе (ПСЗ-II) (1825 – 1881), а также законодательные акты с 1881 по 1913 г. Анализ количества законов о благотворительности в разные исторические периоды позволил определить внутреннюю периодизацию исследования.

2. Официальные отчеты государственных ведомств и отдельных благотворительных обществ. Финансовые отчеты, статистические данные, а также общие сведения о деятельности отдельных организаций в основном представлены в архивных фондах. Для данного исследования были привлечены фонды Государственного архива Российской Федерации в Москве (ГАРФ 640, 641, 642, 663, 1813) и Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА 128, 758, 761, 766, 1101, 1284, 1287, 1309) Материалы фондов, включающие не только официальные документы, но и личные обращения, внутреннюю переписку, проекты

развития отдельных учреждений, конкретных направлений благотворительной деятельности, дают представление об объемах и наиболее популярных сферах благотворительности в разные временные периоды, а также позволяют проследить общие настроения, цели и стремления участников благотворительного процесса на разных уровнях.

3. Источники личного происхождения – личная и деловая переписка, мемуары членов императорской фамилии: Императрицы Марии Федоровны – супруги Павла I (из архивных материалов ГАРФ), Императора Александра I (опубликованные и архивные материалы), Императрицы Марии Федоровны - супруги Александра III (опубликованные и архивные материалы); мемуары, дневники и письма представителей дворянства и купечества, занимающихся благотворительностью (В.Головиной, Е.Дашковой, М.Барятинской, П.Уваровой, А.Бахрушина, С.Мамонтова, С.Морозова и др.). Данные источники представляют более подробную и эмоционально окрашенную информацию о внутренних механизмах, мотивации, отношении к благотворительности

4. Материалы СМИ. Для данного исследования были отобраны и проанализированы материалы периодической печати (за весь рассматриваемый период) разной политической и идеологической направленности (Трудолюбивая пчела, Трутень, Кошелек, Современник, Вестник Европы, Северная пчела, Северная почта, Русский инвалид, Русский вестник, Нива, Санкт-Петербургские и Московские ведомости, и др.). Контент-анализ материалов СМИ проводился с целью выявления отношения общественности, сформированного на страницах газет и журналов, а также транслируемого на читателей этих изданий. Анализ этих источников также позволил выявить динамику популярности тех или иных сфер и форм благотворительности в разные исторические периоды.

5. Толковые словари, изданные с конца XVIII до начала XX века. Словари были взяты в первой редакции, поскольку для чистоты исследования

особое значение имело восстановление содержания ключевых понятий благотворительности, присущих каждому из исследуемых временных периодов. Этот подход позволил избежать анахронизма в их интерпретации.

Хронологические рамки исследования.

Политика просвещенного абсолютизма становится толчком к развитию светской благотворительности в России. Высочайший пример «человеколюбивой» деятельности русских монархов на протяжении второй половины XVIII и XIX столетия вдохновлял и стимулировал широкие слои русского общества в сфере благотворительности. Именно этот период и рассматривается как отправная точка данного исследования. Начиная с этого периода отмечается переход от бессистемной подачи индивидуальной милостыни и отдельных попыток государства принять меры по сокращению нищенства к созданию единой системы учреждений для оказания помощи нуждающимся по единому плану, регламентированному общероссийским законодательством и функционирующему в рамках общегосударственной системы. С одной стороны этот процесс связан со стремительными социально-экономическими изменениями, с другой – с ростом общественного самосознания, культурной и национальной самоидентификации, все меньше обусловленной религиозностью. Ключевым моментом в этой связи становится общегражданское осознание долга перед обществом. Немаловажным обстоятельством становится зарождение, а затем и становление, именно в этот период, класса буржуазии, укрепление ее материального благосостояния, что позволило ее представителям активно включиться в процесс благотворительности.

Завершается исследование 1913-1914 гг., когда несмотря на все нарастающие масштабы благотворительности, система ведомств и учреждений как таковая уже окончательно сформировалась, основное внимание общественности переключилось на внешнеполитические задачи страны, а возникавшие благотворительные организации лишь расширяли уже

существующий корпус заведений по поддержке определенной категории нуждающихся.

Степень научной разработанности проблемы.

Благотворительность как объект исследования предоставляет широкие возможности для выбора проблем и предметов для изучения. Наиболее популярно исследование благотворительности в рамках истории, социологии и философии, реже - экономики и культурологии.

Исторические исследования феномена благотворительности в основной своей массе концентрируются на рассмотрение таких аспектов как:

1) Исторические формы и механизмы благотворительной деятельности. В рамках этого аспекта традиционно с хронологической точностью рассматривается процесс возникновения и функционирования благотворительных организаций в России. Наиболее крупные работы посвящены историческому процессу складывания системы благотворительности в государственном масштабе. (Соколов А.Р., Ульянова Г.Н., Семин О.В., Разуваева Н.А., Власов П.В.)⁵;

2) Биографии и деятельность благотворителей и их семей. Исследования этой области традиционно посвящены благотворительному пути отдельных деятелей или семей, подробно освещается тот путь, который проходит человек от первых шагов в оказании благотворительной поддержки, до момента, когда в эту деятельность вовлечена большая часть его средств, времени и сил. Ряд работ по этой тематике посвящен меценатской деятельности представителей столичного и провинциального купечества во второй половине XIX века.

⁵Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства. СПб.: Лики России, 2006., Соколов А.Р. Российская благотворительность. Исторические исследования. СПб, Гиперион, 2005, Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX-начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества, Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг. Выпуск 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н.Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2000., Семин О.В. Становление государственного призрения в России в XVII веке (Историко-социальный аспект), Разуваева Н.А. История российской благотворительности во II половине XIX – начале XX века (по материалам Пензенской губернии), дис. к. и. н., Пенза, 2006. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России / П.В. Власов; общ. ред. А.К. Голицын. - М., 2001.

Исследования деятельности представителей дворянства в этой сфере освещают более ранний период XVIII – начало XIX века. Особое место занимают работы, посвященные изучению благотворительной деятельности членов императорской фамилии. Многие публикации были приурочены к 400-летию дома Романовых. (Хитров А.А., Кононова Т.Б., Бадя Л.В, Боханов А.Н.)⁶;

3) История деятельности благотворительных организаций. В отличие от первой группы исследований данные работы посвящены изучению деятельности отдельных благотворительных заведений, подробно касаются вопросов внутреннего устройства быта, финансовых вопросов, судеб людей, связанных с его деятельностью. (Фалько Е.И., Милуков И.И., Поповки А.А.)⁷;

4) Благотворительность как краеведение, часть истории края. В исследованиях деятельности региональных благотворительных организаций или деятелей отражен местный материал, расширяющий представление о жизни российского общества в исследуемый период и месте в ней благотворительной деятельности. Особая ценность данных исследований состоит в том, что они вводят в научный оборот уникальные материалы региональных архивов, документы, статистические данные, сведения из региональных изданий, как правило мало задействованных в общих исследованиях. (Бабенко Н.А., Якубсон И.В., Разуваева Н.А., Зиновьева С.Н. и др.)⁸.

⁶ Хитров А.А. Российская благотворительность под покровительством Дома Романовых, СПб, Алтейя, 2015, Кононова, Т. Б. Благотворительность императорского дома (XIX в.) / Кононова Т. Б. ; под общ. ред. Жукова В. И. - М. : Союз, 2003., Бадя Л.В. Благотворительность и меценатство в России. - М.: Дашков и К0, 1993. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России, М.1989, Демина И.С. Благотворительная деятельность семьи принцев Ольденбургских в России: XIX - начало XX вв.: Автореф. канд. ист. наук. — СПб, 2006.

⁷ Фалько Е.И. Из общественной жизни дореволюционной России: Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество (1895–1918)//Историческая феноменология №2, 2002; Фалько Е.И. Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество (1895-1918). (Реконструкция документального комплекса): Автореф. канд. ист. наук. — М., 2003., Милуков И.И. Деятельность благотворительных организаций г. Казани: 60 годы XIX в. - начало XX в.: Автореф. канд. ист. наук. — Казань, 2006. Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге.: Автореф. канд. ист. наук. — Воронеж, 2013.

⁸ Бабенко Н.А. Эволюция благотворительности на Ставрополье в середине XIX - начале XX веков : историко-социальный аспект.: Автореф. докт. ист. наук. — М, 2006; Якубсон И.В. Благотворительность в Московской

Еще одно направление исследований на тему благотворительности – социологические исследования – рассматривает 1) благотворительность как социальное движение (Покотилова Т.Е., Фомин Э.А., Ю. Зеликова, Костина Е.Ю., Апресян Р. Г., Бадя Л.В., Вербицкий А.)⁹; 2) Благотворительность по отношению к различным социальным группам (Скоч А.В., Гузенко Е.С., Галиуллина С.Д.)¹⁰; 3) Благотворительность как социальное взаимодействие (Петрова А.В., Якимец В.Н., Апресян Р.Г., Флямер М.М.)¹¹.

Психологические аспекты благотворительности: мотивация и общественное поощрение, затрагиваются во многих фундаментальных работах, но помимо эпизодических обращений к данным вопросам существует и ряд отдельных исследований на эту тему (Горбунова М.Ю., Бажина У.Н., Бобровников В.Г., Голкова М.Л.)¹². Значительное внимание уделяется изучению религиозной основы благотворительности (Власова А.В., П.Дерябин, АЗабелин, В. Юпочевский, М.Мчедлов, И.Петропавловский и др.)¹³; экономическим процессам и структурам. (Казакова Н.В., Загоруйко

и Тульской губерниях во второй половине XIX - начале XX вв.: Автореф. канд. ист. наук. — Тула, 2011; Разуваева Н.А. История российской благотворительности во второй половине XIX - начале XX вв.: По материалам Пензенской губернии.: Автореф. канд. ист. наук. — Пенза, 2006. Зиновьева С.Н. Благотворительные организации Санкт-Петербурга: 1900-1917 гг.: Автореф. канд. ист. наук. — СПб, 2005.

⁹Покотилова Т.Е. Теоретико-методологический и историографический аспекты феномена российской благотворительности. - Ставрополь: изд-во СГУ, 1998; Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России. М., 1997; Фомин Э.А. Благотворительность как социокультурный феномен в России / Э А Фомин, Е.З. Чикадзе – СПб. Питер, 2009; Апресян, Р.Г. Филантропия: милостыня или социальная инженерия? // Общественные науки и современность. №5, 2008; Апресян Р.Г. Дилеммы благотворительности//ОНС Общественные науки и современность М. №6, 1997; Бадя Л.В. Благотворительность и нищенство в России Краткий исторический очерк - М, 1993; Вербицкий А. Эта выгодная благотворительность // Вестник благотворительности, №5 (27), 1996; Костина Е.Ю. Благотворительность в российском обществе как социальный институт и вид социальной деятельности: Автореф. канд. социолог. наук - Владивосток, 2005.

¹⁰ Скоч, А.В. Меценатство и благотворительность в сфере отечественного образования: правовые основы /А.В.Скоч. М.: ПЕРСЭ, 2003.; Гузенко Е.С. М Благотворительность в системе образования конца XIX - начала XX века :На материалах Казанской, Симбирской и Саратовской губерний: Автореф. канд.истор.наук – Саратов, 2002; Галиуллина С Д., Дегтярев А.Н. Попечительство и благотворительность в сфере образования Российской империи // Социальная политика и социальное партнерство: научно-практический журнал. - 2010.

¹¹ Петрова А.В. Благотворительность как социально-ролевое взаимодействие: теория и история процесса: Автореф. канд. социол. наук – Екатеринбург, 2003; Либоракина М.И. Социальное партнерство. Школа культурной политики. / М. И. Либоракина, М. Г. Флямер, В. Н. Якимец. - М., 1996; Якимец, В.Н. Теория и практика межсекторного социального партнерства в России: Монография / Авт.: В. Н. Якимец, Л. И. Никовская, Л. Н. Коновалова. - М.: Государственный университет управления, 2004.

¹²Горбунова Е.Ю. Благотворительность в России и ее роль в общественно-культурной жизни на рубеже XIX -XX вв.: Автореф. канд. ист. наук. – М. 1996.

¹³ Власова А.В. Благотворительность Русской Православной Церкви в исследовательской практике дореволюционного периода// Вестник Челябинского государственного университета – 2009, №4.

Н.М., Потапенко М.С.)¹⁴ В последние годы все больше работ посвящено благотворительности на современном этапе, проблемам и механизмам ее осуществления. Предпринимаются попытки исследования благотворительности как социально-ролевого взаимодействия, вида социальной деятельности, изучаются ее механизмы. (Жуков Г.В., Хамова Т.Ю., Тульчинский Г.Л.)¹⁵

Однако все эти подходы практически не учитывают особенностей национальной культуры, традиционных ценностей, их совокупного влияния на процесс формирования и развития благотворительности в России, не выявляются мотивы и цели благотворителей. С этой точки зрения данная работа уникальна как изучающая социокультурный аспект российской благотворительности.

Исследование социокультурной обусловленности развития региона и общества его населяющего на протяжении последних двадцати лет проводятся на кафедре региональных исследований МГУ имени М.В. Ломоносова. В рамках учебного и научного направления «социокультурное регионоведение» сложился комплекс общетеоретических трудов, затрагивающих многие аспекты жизни региона. Вопросы региональных доминант освещены в статьях И.В. Павловского, О.В. Маринина, социокультурные особенности России в исторической перспективе проанализированы в монографиях и статьях А.В. Павловской. Тема культуры коллекционирования и собирательства, исследование вклада благотворителей и меценатов в эти сферы, а также в

¹⁴Загоруйко, Н.М. Проблема оценки экономической эффективности корпоративной благотворительности/Н.М. Загоруйко// Благотворительность в России - СПб., 2003.; Захаров, Е.П. Организационно-экономический механизм функционирования благотворительных фондов: Автореф. дис. канд. экон. наук / Захаров, Е.П. - М. 2002.

¹⁵Жуков, Г.В. Благотворительность как инструмент франдрейзинга в социокультурном пространстве современного общества: Автореф. канд. культурологии. - Краснодар, 2002; Хамова, Т.Ю. Влияние благотворительной деятельности на общество и социальные процессы // Благотворительность в России - СПб., 2001., Тульчинский, Г.Л. Благотворительность в современной России: проблемы и организация // Благотворительность в России - СПб., 2001; Тульчинский, Г.Л. Благотворительность в современной России: проблемы и Проблемы // Благотворительность в России- СПб., 2005.

развитие музейного дела нашла отражение в научных статьях и докладах А.В. Калякиной.¹⁶

Таким образом следует отметить, что до сих пор, несмотря на достаточно серьезную научную разработанность данной темы, российская благотворительность рассматривалась исключительно как явление историческое, отвлеченное от современности, или как результат социального взаимодействия. Анализ же генезиса культурных традиций благотворительности впервые проводится в рамках настоящего исследования. В качестве теоретической основы используются совокупные наработки регионоведов и культурологов в сфере социальной и культурной жизни общества.

Методология исследования.

Междисциплинарный характер диссертации требует широкого спектра методов научного исследования, применяемых в гуманитарных науках: культурология, история, регионоведение и социология. **Методологическую основу** данного исследования составили структурно-функциональный метод, позволивший разделить исследуемый феномен благотворительности на составные части и выявить соотношение между ними, а также проследить механизмы деятельности предмета исследования; социокультурный подход с помощью которого удалось соединить культурные и социальные основы благотворительной деятельности и выявить специфику ими обусловленную; аксиологический подход, позволивший осветить аспект ценностного наполнения как основных понятий, так и явлений повседневности, влиявших

¹⁶ Павловская А.В. Русский мир М., Слово, 2009; Павловская А.В. Россия и Запад: догнать и перегнать? // Россия и запад: диалог культур, М., 2012; Павловская А.В. Национальный характер в условиях глобализации: перспективы изучения//Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2004, № 1; Павловский И.В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность//Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014, №№ 3,4; Павловский И.В. Регионоведение в контексте общегуманитарного образования// Россия и запад: диалог культур, М., 2012, №1; Павловский И.В. Гомогенные и гетерогенные регионы в социокультурном регионоведении. Россия и Запад: Диалог Культур. XVIII Международная конференция. Материалы конференции, М., 2016; Калякина А.В. Национальный музей как явление культурной жизни русского общества (середина XIX века)//Вопросы музеологии, 2015, том 12, № 2; Калякина А.В. Грантовая поддержка учреждений культуры//Справочник учителя учреждения культуры, 2004, №5.

на складывание феномена благотворительности. **Метод** последовательного социокультурного анализа в контексте историко-культурного генезиса, социальных взаимодействий был использован для установления доминирующих характеристик, определяющих динамику развития данного феномена. В рамках социокультурного анализа благотворительность рассматривалась как элемент общественной жизни, с одной стороны определяемый особенностями российской традиционной культуры, с другой, фокусирующий ее базовые ценностные установки, которые определяли дальнейшее развитие форм и сфер благотворительной деятельности.

Методы объективности, историзма и системности позволили проанализировать и воссоздать поэтапное формирование государственной системы благотворительности в России. Биографический и психологический методы использовались для анализа источников личного происхождения и выявления типических реакций национальной культуры на феномен благотворительности, благодаря применению этих методов удалось конкретизировать механизмы мотивации и логику социального поведения на поприще благотворительности. В исследовании традиционных сфер и форм благотворительной деятельности использовались диахронический, статистический, сравнительный типологический методы анализа. В работе с материалами периодических изданий, а также с источниками личного происхождения использовались текстологический и контент-анализ.

Гипотеза диссертационного исследования базируется на представлении о том, что благотворительность в России есть социокультурный феномен, неотъемлемая часть российской культуры, с одной стороны отражающая ее ценности и традиции, формирующаяся под влиянием национального характера, констант и доминант культуры, с другой - является элементом, формирующим культурные и социальные парадигмы российского общества.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые анализ благотворительности основан не на политико-правовой или экономической стороне явления, а на его культурно обусловленных основаниях и социокультурной специфике. Впервые в исследовании феномена благотворительности дается определение «благотворительности» и ряда смежных понятий, основанное на выявлении их содержания, представления и понимания благотворительной деятельности, бытовавших в русском обществе второй половины XVIII – начала XX вв. с позиций культурологии; выстраивается целостная мотивационная структура благотворительности; определен набор наиболее значимых для российской культуры мотивов, сформировавшихся под влиянием исторических и национально-культурных традиций. Впервые установлена связь между традиционными для культуры ценностями и особенностями феномена благотворительности. Выявлен факт влияния ценностных ориентиров на такие аспекты благотворительной деятельности, как сферы благотворительной поддержки, формы ее оказания, мотивацию, формирование образа благотворительности в обществе. Предлагается новый подход к периодизации благотворительности в России, выделены критерии для определения этапов развития этого феномена как явления социокультурной жизни. Для анализа образа благотворительности впервые используются материалы периодической печати более чем за 150 лет.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в теорию структурного функционализма в культурной антропологии. Благотворительность рассматривается как механизм взаимосвязи структурных элементов общества, в результате которого формируются культурно-обусловленные модели поведения.

Практическая ценность заключается в том, что обобщение исторического опыта России в сфере благотворительности, анализ механизмов благотворительной деятельности, выявление ее роли и места в развитии российского общества позволит адаптировать эти механизмы к современной

действительности, а также переориентировать современную благотворительность на ценности, более традиционные для страны, делая ее тем самым более близкой обществу, активнее вовлекая его членов в этот процесс. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании курсов «Русский мир», «История отечества», «Русский мир в контексте мировых цивилизаций». На базе данного диссертационного исследования может быть разработан ряд самостоятельных учебных курсов и учебных программ.

Положения, выносимые на защиту.

1. В исследуемый период благотворительная деятельность понималась российским обществом одновременно как богоугодное дело и как социальный долг. Она носила светский характер, подпитываемый религиозно-нравственными чувствами. Для описания этого типа деятельности, как правило, использовались слова, имеющие русские корни («благотворительность» и «призрение»). Понятия иностранного происхождения («филантропия» и «меценатство») имели семантические отличия, в большей степени подчеркивали не нравственное содержание этой деятельности, а ее институциональную и финансовую стороны.

2. Набор мотивов, побуждавших к благотворительной деятельности, определялся ценностями традиционной культуры, доминировавшими в определенную историческую эпоху. Для России факторами, определявшими специфику развития благотворительности в исследуемый период, являлись: религия как первый опыт социального служения; давление установившейся в обществе системы морально-нравственных представлений; государственное присутствие как гарант стабильности; персонификация власти, олицетворявшейся монархом

или представителями императорского дома, которые служили примером для частной благотворительности.

3. Религиозный фактор был ключевым элементом мотивации благотворителей лишь на начальных этапах формирования культуры благотворительности. Он определял нравственное наполнение, мог стать поводом к первым шагам, однако впоследствии деятельность благотворителей определялась в большей степени общественным долгом.

4. Ключевая роль в популяризации благотворительности, в определении ее основных направлений и форм принадлежала членам императорского дома. Эта деятельность рассматривалась обществом как пример попечения о подданных и как образец христианской самоотверженности. Под ее влиянием в обществе формировались устойчивые модели благотворительности.

5. СМИ играли серьезную роль в популяризации и создании позитивного имиджа благотворительности в обществе. Современный неблагоприятный имидж благотворительности в России стал результатом отхода от традиционной ценностно-культурной парадигмы благотворительной деятельности и адаптацией традиционных западных форм общественного попечения.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты исследования были изложены в докладах автора на шести международных конференциях: IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», Санкт-Петербург (29 – 31 октября 2013 г.), IV Международная научная конференция "Музеология - музееведение в XXI веке: Проблемы изучения и преподавания" (23 – 25 мая 2014 г.), XI Международная конференция

НОПРИЛ «Языки и культуры в современном мире» , Париж (2 – 6 июня 2014 г.), XVII Международная конференция "Россия и Запад: диалог культур", Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, (27 – 29 ноября 2014 г.), Проблемы изучения, сохранения и продвижения русской культуры в XXI веке, Государственная Третьяковская галерея, Москва (12 ноября 2015 г.), II Международный симпозиум Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира, Москва (29 – 31 октября 2015 г.).

Положения и выводы диссертационного исследования представлены в девяти научных публикациях, в том числе шести статьях в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов кандидатских исследований, общим объемом 2,7 п.л.

Содержание диссертационного исследования отражено в 9 публикациях автора, выполненных по теме исследования.

Научные статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры:

1. Цинпаева Р.Ш. К вопросу о периодизации российской благотворительности как социокультурного феномена // Культура и цивилизация. 2018. №5. – 0,4 п.л.

2. Цинпаева Р.Ш. Периодическая печать как зеркало российской благотворительности второй половины XIX века // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 1-6. – 0,3 п.л.

**Статьи в других рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
по специальности 24.00.01 – теория и история культуры:**

3. Цинпаева Р.Ш. Особенности развития благотворительности национальных окраин Российской империи в первой половине XIX века // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 9. С. 79-83. – 0,2 п.л.
4. Цинпаева Р.Ш. Традиции благотворительности в реалиях современной России // Вестник Российской нации. 2017. № 6. С. 35-43. – 0,4 п.л.
5. Цинпаева Р.Ш. Благотворительность в Российской империи на страницах периодических изданий 1860х – 1880х гг. // Альманах «Казачество». 2017. № 25. С. 50-56. – 0,3 п.л.
6. Цинпаева Р.Ш. Мотивационная структура благотворительной деятельности в России во второй половине XVIII – начале XX в. // Миссия конфессий. 2016. № 18. С. 74-79. – 0,3 п.л.

Статьи в прочих изданиях:

7. Цинпаева Р.Ш. Исторический и социокультурный аспекты формирования российской культуры благотворительности // Россия и запад: диалог культур. 2018. №17. URL: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-07-59/542-2018-04-29-20-16-12.html> – 0,3 п.л.
8. Цинпаева Р.Ш. К вопросу о ценностно-смысловом наполнении терминов «благотворительность» и «филантропия» в России и на Западе // Россия и запад: диалог культур. 2016. №10. URL: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-11-32/434--q-----lr--lr-----q.html> – 0,3 п.л.

Цинпаева Р.Ш. Российская культура благотворительности в сфере образования: традиции и инновации // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 дек. 2015 г.). ЦНС «Интерактив плюс». Чебоксары. 2015. С. 53-56. – 0,2 п.л.

Глава I «Социокультурные, аксиологические и семантические характеристики феномена благотворительности»

§1.1 Подходы к изучению феномена благотворительности в России.

Современные общественные и гуманитарные науки имеют в своем арсенале обширный набор подходов и методов для изучения проблемных полей перед ней возникающих. Вопросы, связанные с историей и культурой благотворительности, в отечественной науке изначально являлись предметом изучения истории, а чуть позже социологии, и только в конце XX – начале XXI века попали в сферу интересов других гуманитарных наук.

Историческая наука первая обратила свое внимание на изучаемый феномен в связи с тем, что благотворительность в нашей стране традиционно вовлекала большое количество крупнейших исторических фигур: членов правящей династии, крупных политических и культурных деятелей. Она также была связана с важными событиями и вехами в истории России, и, кроме того, испытывала на себе сильное влияние как политических, так и социальных преобразований. *Исторический подход* к изучению благотворительности на первый взгляд является наиболее обоснованным и актуальным в свете необходимости изучения генезиса данного явления в конкретных исторических условиях. Тем не менее, хронологическое выстраивание последовательности событий, а также установление причинно-следственных связей между отдельными историческими периодами не дает нам полного представления об особенностях распространения благотворительности в обществе, а также не позволяет определить роль и место изучаемого явления в культуре; его случайность или, наоборот, характерность для данной социальной общности.

Социология, также неоднократно прибегающая к анализу благотворительной активности российского общества, в основе своих исследований опиралась на структурно-функциональный подход¹⁷.

Согласно теории структурно-функционального анализа, любая системная единица организации обязана быть функциональной, то есть вносить свой вклад в деятельность для достижения организационных целей, а значит, способствовать адаптации системы в целом. При этом функциональность системы может быть разделена на два аспекта: адаптивная часть функции - повышение устойчивости, эффективности взаимодействия с другими организациями - и регулятивная часть функции - осуществление регулирования внутренних связей и поведения отдельных частей системы¹⁸. В практике исследований благотворительности такой подход выражается в представлении данного феномена как системы взаимосвязанных элементов – благотворительных учреждений, образующих жесткую структуру. При этом адаптивная часть функции системы благотворительности реализуется за счет участия государственных структур в деле общественного призрения, а регулятивная проявляется в жестком сословном разделении благотворительных учреждений, характерном для второй половины XVIII – начала XX века. Поэтому большая часть социологических исследований благотворительности фокусируется скорее на анализе социальной работы, а не благотворительности как явления социокультурной жизни российского общества.

Тем не менее, использование социологических методов и подходов помогают восстановить механизмы реализации благотворительной деятельности и принцип организации социальной помощи в масштабах

¹⁷Основы функционализма и структурно-функционального подхода заложил Г.Спенсер, в последствии данный принцип был развит в трудах Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р.Мертон, К.Дэвиса.

¹⁸ Спенсер Г. Индукция социологии // Философия и общество 1997, № 3

страны, однако не позволяют определить истоки его специфики, а также упускают культурную обусловленность многих явлений.

В процессе накопления научного знания, развития таких наук как культурология, культурная антропология и другие, а также погружения в отдельные аспекты социокультурной жизни общества эти подходы претерпевают изменения в зависимости от сдвига интересов исследователей к тому или иному аспекту изучаемых процессов. Как справедливо отмечал П.Сорокин «аспекты социокультурного изменения, находящиеся в центре внимания сегодня, уже не те, что интенсивно изучались в XVIII и XIX веках. В противоположность интересу, доминировавшему в XVIII и XIX веках, главный интерес философии общественных и гуманитарных дисциплин в XX веке сместился в сторону изучения социокультурных процессов и связей, остающихся неизменными везде и всегда или повторяющихся во времени и пространстве».¹⁹ И действительно, основным инструментом философии, социологии и культурологии в настоящий момент становится подход *социокультурный*, который нацелен на выявление социальных и культурных оснований особенностей жизни общества, а также его духовных традиций. Он позволяет определить представления конкретного социума, которые являются направляющей силой общественного сознания, определяют экономическую, социальную, политическую и духовную жизнь общества.

«Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей».²⁰ Данное исследование

¹⁹ Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм //Американская социологическая мысль - М.- 1996. С.372.

²⁰ Лапин Н.И. Социокультурный подход и социально-функциональные структуры//Социологические исследования №7, 2000. С.4

подходит к вопросу изучения благотворительности как социокультурного феномена с точки зрения специфики социальных взаимодействий субъектов и объектов, а также культурный традиций, которые определяют особенности этих взаимодействий.

Лежащее в основе культурологических исследований понятие «культура» определяется в зависимости от того, какая форма ее проявления в обществе будет рассмотрена. В рамках исследования процесса зарождения и развития феномена благотворительности в России в наибольшей степени рассматриваются ценностные ориентиры и ценностное наполнение социальной деятельности, определяющее культурную парадигму. Соответственно, культура будет пониматься как совокупность материальных и духовных ценностей, иерархия идеалов социума и индивида.

Однако изучение благотворительности как социокультурного феномена невозможно без рассмотрения взаимодействия и взаимовлияния социальных и культурных изменений в исторической динамике. Целью обращения к историческому и культурному прошлому России является выявление природы существующих ценностных ориентиров, бытовавших на отдельных исторических этапах, а также их оценка с точки зрения доминантности в рамках исследуемого социума и изменчивости на протяжении всего исследуемого периода.

Таким образом, возникает необходимость с одной стороны расширения социокультурного подхода, внедрения механизмов аксиологического анализа, расширения круга рассматриваемых аспектов, с другой – введение временных и пространственных границ для оценки подлинности или ложности выявленных характеристик.

§ 1.2 Семантическое наполнение понятия «благотворительность» во второй половине XVIII – начале XX века.

Прежде чем говорить о складывании системы благотворительности в России, о ее основных чертах и принципах, представляется целесообразным определить, что же такое благотворительность не только и не столько в терминологическом отношении, сколько в плане культуры.

Первостепенное значение для осмысления благотворительности как явления социокультурного имеет определение ее ценностно-смыслового наполнения в понятийной и, как следствие, языковой картине мира исследуемой культуры и региона²¹. «Язык — зеркало окружающего мира, он отражает действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения».²² Поэтому трактовка основных единиц лексико-семантического поля «благотворительность», таких как «филантропия», «благотворительность», «общественное призрение», «человеколюбие» и др., в данном исследовании будет производиться на основании значений, которые вкладывалось в вышеуказанные понятия носителями русской культуры как носителями представлений о мире, заключенном в словах и выражениях русского языка²³. Стоит также помнить, что язык несет на себе отпечаток и истории его носителей, поэтому ценностно-смысловое наполнение исследуемых нами понятий менялось в зависимости от эпохи. Это значит, что принципиальное значение для корректного понимания феномена

²¹ В данном исследовании вслед за лингвокультурологом С.Г. Тер-Минасовой культурная (понятийная) картина мира понимается как отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное.

²² Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008. С.36.

²³ Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., Языки славянской культуры. 2005. С.9.

благотворительности второй половины XVIII – начала XX века имеет выявление актуального на тот период содержания на основе письменных свидетельств изучаемой эпохи.

В современной исследовательской литературе по теме благотворительности вопрос терминологии является наименее проработанным и структурированным. Каждый исследователь, анализируя явления, происходившие в социальной сфере, выстраивает свой терминологический ряд: благотворительность, филантропия, общественное призрение, меценатство и даже спонсорство, и интерпретирует его в разрезе своей научной области. Некоторые исследователи, обращаясь к проблеме дефиниций, сходятся во мнении, что большую часть изучаемых понятий, а именно «благотворительность, филантропия и общественное призрение» можно употреблять как полные синонимы. Другие проводят их дифференциацию по экономическому или организационному принципу. Приведем лишь некоторые примеры определений благотворительности, встречающиеся в исследовательской литературе:

- Благотворительность и филантропия ... – идентичные понятия, означающие оказание помощи как отдельным лицам, так и организациям: сострадание, сердечное участие в жизни больных, немощных, нуждающихся; материальное или иное поощрение общественно значимых форм деятельности.²⁴

- Благотворительность как социальный феномен характеризуется прежде всего проявлением целенаправленного внимания к людям, не способным в силу объективных или субъективных причин обеспечить себе своими собственными силами хотя бы минимально соответствующее уровню цивилизованности общества условия

²⁴ Мельникова В.П. Холостова Е.И. История социальной работы в России. М., 2001. С. 27.

существования, оказанием им помощи в сохранении и организации своей жизнедеятельности, поддержанием их материально и духовно.²⁵

- Общественное призрение — законом установленная организованная помощь нуждающимся, осуществляемая особыми лицами на основе социального законодательства из расчета экономической государственной выгоды.²⁶

Как видно из данных определений, в трактовке ключевых понятий не учитываются этические, культурные и мотивационные аспекты, что, безусловно, не дает возможности проникнуть в суть благотворительности как социокультурного феномена. В этой связи особенно актуальным в рамках культурологического исследования представляется трактовка ключевых понятий, передающая содержательную специфику деятельности, а не ее формальные признаки или механизм реализации.

Для анализа содержательной специфики и ценностно-культурного наполнения были выбраны следующие единицы лексико-семантического поля благотворительность: благотворительность, филантропия, общественное призрение, попечение, человеколюбие, меценатство. На первом этапе были проанализированы определения, данные в толковых словарях дореволюционного периода, а также приведен краткий анализ словарных толкований советского периода, что позволило более явственно проследить динамику изменения трактовок выделенных нами терминов, а также объяснить причину ухудшения имиджа благотворительности на современном этапе.

Изучая столькомплексное и многогранное социокультурное явление как благотворительность нельзя брать за основу только материалы словарных дефиниций, поэтому на втором этапе был проведен текстологический анализ

²⁵Нещеретный П.И. Исторические корни и традиции благотворительности в России. М., 1993. С. 27.

²⁶ Кононова Т.Б. Особенности развития благотворительности в России. М., 2002. С. 14.

разных видов письменных источников с целью анализа более широкого контекста, коннотаций и актуального для исследуемой эпохи содержания понятий. Были проанализированы тексты: а) законодательных актов, постановлений и других нормативных документов, касающихся благотворительности; б) тексты воспоминаний, дневников и личной переписки людей, занимающихся благотворительной деятельностью; в) материалы периодических печатных СМИ, а также тексты публицистического характера, посвященные теме благотворительности.

Для анализа словарных статей были выбраны словари общего типа как отражающие (с разной степенью полноты) содержание общелитературной, общенародной лексики, среди прочего, в них содержится информация о стилистических и функциональных сферах, к которым принадлежит слово, что является немаловажным для решения поставленной задачи. Мы не прибегали к этимологическим или специализированным словарям (юридическим, философским и проч.) поскольку толкование слов в них представлено в более узком контексте. Приведенные же ниже словари передают наиболее общее значение исследуемых слов для конкретной исторической эпохи.

- **«Словарь церковнославянского и русского языка»**, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Словарь был издан Императорской академией наук в 1847 с целью упорядочить и систематизировать весь словарный массив церковнославянских и древнерусских письменных источников, а также исследовать современный живой язык. Значительный объем церковнославянской лексики во многом определяет тон некоторых определений, особенно касающихся благотворительности.
- **«Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля** – словарь появился в 60-е гг. XIX века, когда благотворительность в России становилась все более популярной не только в среде дворянства, но и среди более широких слоев населения. Возможно,

именно с этим связано относительно более подробное объяснение и описание слов, связанных с благотворительной деятельностью. Словарь вышел в 4-х томах, включает 200 тыс. слов, что делает его одним из наиболее полных словарных собраний русской лексики вплоть до сегодняшнего дня. Еще одна особенность словаря в том, что слова в нем располагаются алфавитно-гнездовым способом, то есть толкования даны через синонимические ряды. Например, слово благотворительность и все производные от него расположены в синонимическом ряду корня «благо», а в толковании даются отсылки на однокоренные слова и синонимы. Иллюстрациями слов большей частью являются пословицы, поговорки и другие произведения устного народного творчества, а также отрывки из литературных или публицистических произведений.

- **«Словарь русского языка XVIII века».** Строго говоря, не совсем правомерно называть это издание словарем XVIII века, поскольку он создавался в советский период группой исторической лексикологии XVIII века Института русского языка АН СССР, Словарный сектор, Ленинград. Словарь представляет собой описание русской лексики на протяжении века, в его основе лежит фундаментальное исследование языка эпохи, и создание картотеки на основе изучения письменных источников того периода; прослеживания динамики развития языка, слов и грамматических форм в нем закрепившихся, а также ушедших в процессе исторического развития российского общества и русского языка в частности. Все это нашло отражение в словарных статьях «Словаря русского языка XVIII века», что делает его, несомненно, репрезентативным источником для обращения к толкованию терминов «благотворительность», «филантропия» и др. в XVIII веке.

В 1789 году был издан шеститомный Словарь Академии Российской, ставший итогом предыдущего развития словарного дела в России, а также впервые давший нормативно-стилистическое описание русской лексики. Однако из исследуемых нами терминов в данном словаре был отражен лишь один – «человеколюбие», поэтому в дальнейшем анализе мы примем во внимание в том числе трактовку, данную и в этом словаре.

Стоит отметить, что в отобранных для анализа словарях изучаемые понятия встречаются неравномерно. Например, в словаре Даля есть слова «попечитель» и «благотворитель», а абстрактные/производные «попечение» и «благотворительность» и их толкования отсутствуют, хотя присутствуют «филантропия» и «человеколюбие». В Словаре церковнославянского и русского языка как единица лексико-семантического поля «благотворительность» не трактуется «человеколюбие», и т.д. Поэтому данный анализ носит обобщающий характер и не фокусируется на каждом отдельном словаре. Мы также не будем приводить здесь толкования всех искомых нами слов, а лишь отрывочно приведем цитаты из них для иллюстрации сделанных нами наблюдений.

Ключевое для нашего исследования понятие «**благотворительность**» толкуется в словарях конца XVIII – первой половины XIX века только как «деятельность благотворца, благотворителя», либо «свойство, качество благотворящего». В его определениях отсутствуют такие характеристики как структурность или системность, а также отсылка к социальной или культурной жизни общества. А акцент на номинации качества или деятельности субъекта свидетельствует о первостепенной роли личности и отсутствии в представлении общества облагодетельности как о системном явлении. Только ко второй половине XIX века в толковании появляется значение «учреждения, заведения для призрения дряхлых, увечных, хворых, неимущих,

или ради попечения об них»²⁷. Несколько односторонне раскрывается содержательное наполнение данного термина в ряде примеров к словарным статьям. Большая часть примеров, данных для иллюстрации слов с корнем «благо» - «благотворительность», «благотворитель», «благотворительный», относится к религиозной или духовной тематике: «благотворительная душа»²⁸, «готовый делать добро»²⁹, что свидетельствует о представлении о природе и, возможно, мотивах подобной деятельности.

«**Призрение**» как часть словосочетания «общественное призрение» толкуется словарях данного периода именно как выражение социальной заботы, покровительство, попечение. Однако нужно отметить, что данное значение является вторичным и отражено не во всех изученных словарях. В имеющихся словарных статьях, а также иллюстративных примерах отсутствуют ассоциации с религиозностью или духовной составляющей.

Трактовка слова «**попечение**» во всех проанализированных словарях скудна и малословна, однако достаточно подробно раскрывается суть слова «попечитель». Помимо общего значения «забота, речение» прослеживается и другое, раскрываемое скорее за счет анализа иллюстративных примеров: «Попечение правительства о народном образовании»³⁰, а «попечитель» во втором значении - «заведующий делами сирот и состоящих под опекою по назначению правительства»³¹. Таким образом, из всего лексико-семантического поля это единственный пример, когда в трактовке присутствует не только содержание деятельности, но и субъект и объект деятельности, а также обязательным атрибутом является государственная природа данной деятельности.

²⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, М.: Цитадель, 1998

²⁸ Словарь церковнославянского русского языка, составленного Вторым отделением Императорской академии наук. СПб. 1847

²⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, М.: Цитадель, 1998

³⁰ Словарь церковнославянского русского языка, составленного Вторым отделением Императорской академии наук. СПб. 1847

³¹ Там же

Характерной особенностью можно назвать взаимосвязь понятий **«филантропия»** и **«человеколюбие»**. Содержание первого практически всегда раскрывается с помощью второго или однокоренных ему - «человечество», «человеколюбивый», хотя в содержательном плане они значительно расходятся: «филантропия» и производные от него в своих толкованиях непременно имеют элемент системности и масштабности «улучшение участи человечества», «человеколюбивое заведение, богадельня»³², а «человеколюбие», согласно словарным толкованиям, - это скорее внутреннее, индивидуальное качество - «сострадание», «милосердие», не подразумевающее никакой деятельности или системности.

Слово **«меценат»** встречается только в Словаре русского языка XVIII века возможно потому, что до второй половины XIX века подобная деятельность не была широко известна, а громкие имена крупных русских меценатов стали звучать в обществе лишь с 60-х гг. XIX века. Словарь приводит два значения данного слова. В первом – «римский патриций, друг и покровитель поэтов и ученых», во втором, переносном значении, - «богатый покровитель наук и искусств»³³. Интересно, что это первое слово лексико-семантического поля «благотворительность» в толковании которого присутствует сема «деньги», а сама деятельность сопряжена с идеей богатства и состоятельности. Также это единственное понятие из проанализированных нами, у которого помимо нейтральной или положительной коннотации – «Все ученые; благодетелей и заступников себе.. доньше, Меценатами зовут»³⁴ – присутствует еще и иронический – «Для чего Цапато не доволен своим состоянием имея жену, которую всякий день посещают ее меценаты разного состояния и возраста?»³⁵.

³² Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—1991

³³ Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—1991

³⁴ Там же

³⁵ Там же

Однако словарные толкования слов «не покрывают всего богатства ассоциаций и образов, выявляемых при анализе текстов, распредмечивающих данный концепт»³⁶. Именно поэтому большое внимание в данном исследовании уделяется сопоставлению толкований, данных в словарях, и смысла анализируемых понятий, выявленного на основании анализа текстовых свидетельств изучаемой эпохи.

Как уже было отмечено выше, для анализа были выбраны тексты различных видов источников, что позволило нам охватить максимальный диапазон возможных трактовок и получить более полное представление об особенностях изучаемых явлений в разных сферах общественной жизни. Ключевой особенностью, выявленной нами в процессе текстологического анализа источников, было то, что в разных видах текстов (газетных статьях, законодательных актах, мемуарах и т.д.) используется разный набор анализируемых нами слов, а также варьируется их частотность, что свидетельствует об их контекстной и, возможно, стилистической обусловленности.

Разные виды источников раскрывают различный ассоциативный потенциал, характерный для каждой из анализируемых лексем, что не просто помогает нам расширить рассмотренное выше словарное толкование, но и передает смысловое наполнение, не отраженное в словарных дефинициях, но закрепившееся в языке и культуре.

На этом основании дальнейший анализ изучаемых нами терминов будет структурирован по видам рассматриваемых источников. В каждом случае будет учитываться частотность употребления, контекст, а также эмоциональное и оценочное отношение к рассматриваемому явлению.

³⁶Залевская, А. А. Теоретические аспекты проблемы языкового сознания // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29- 31 мая 2003г.

Итак, Полное собрание законов Российской Империи позволяет нам оценить масштаб распространения изучаемых нами явлений на уровне государства. Повод в связи с которым упоминается то или иное понятие, а также частотность его употребления позволяет оценить динамику развития благотворительной активности в целом.

В текстах законодательных актов второй половины XVIII – начала XIX века наиболее часто встречаются такие слова как «общественное призрение», «попечение», «попечительство» применительно к деятельности и организациям. При этом в текстах законов этого периода, посвященных благотворительной деятельности частных лиц часто встречаются прилагательные «человеколюбивый», «благодетельный», а также религиозно-маркированные прилагательные «дети отечества ... потщатся снабжать Боголюбивым подаянием как на строение сего дома, так и на содержание общего благодетельного дела»³⁷. Со второй четверти XIX века в законодательном терминологическом аппарате появляется понятие «благотворительность», «благотворительный» в устойчивых словосочетаниях «благотворительное общество». Дополнительные коннотации данных слов проявляются через частое употребление в контексте данных явлений слов «полезный» или «польза». Например, в ответ на инициативу тульского дворянства учредить в Туле училище для неимущих дворян и содержать его на благотворительные пожертвования и капиталы, императором Александром I был издан рескрипт, в котором говорилось «...ни с чем не сравниваю я удовольствия видеть в самом начале Царствования Моего, что вместо тщетных и разорительных издержек ... обращаются избытки имущества на столь полезные предметы».³⁸ Одним из наиболее устойчивых словосочетаний, встречающихся в данный период в законодательных актах, посвященных благотворительности и учреждениям общественного призрения становится «в

³⁷ ПСЗ – I Т.16. №11908.

³⁸ ПСЗ – I. Т. 24. №19984.

деле/для дела общей пользы»³⁹, свидетельствующее о преобладании гражданских мотивов частных пожертвований.⁴⁰ Наименее частотными для законодательных актов стали термины «филантропия» и «меценатство». Только к середине XIX века прилагательное «филантропический» встречается в названиях «филантропических обществ», и в большинстве случаев лишь в форме перечня благотворительных заведений какой-нибудь губернии. В этой связи дополнительные смыслы данного понятия выявить не удалось.

Поступательное расширение лексико-семантического поля феномена благотворительности даже на уровне законодательства является очевидным свидетельством расширения и усложнения самого явления, а также форм и сфер его реализации. Разнообразие форм предполагало необходимость его юридической фиксации, вследствие чего и вводятся в законодательный терминологический аппарат новые понятия. Внедрение новых понятий свидетельствует и о новом содержании, в них вкладывавшемся, отличном от уже существующих благотворительных практик.

В источниках личного происхождения контекст употребления изучаемых нами лексем значительной более широкий, здесь появляются нигде ранее не прослеживаемые ассоциации, усложняется и расширяется семантическое наполнение отдельных слов. Говоря о частотности, наиболее употребимыми, как и в законодательных актах, являются слова «благотворительность», «благотворение» и производные от них. Они встречаются в определении характера организаций и мероприятий, в которых принимал участие сам пишущий, например «Она была незаменима во всех благотворительных концертах и могла в самом деле выступать наравне с первоклассными артистами»⁴¹. Или «За месяц до того, как я уехала из Санкт-Петербурга, я

³⁹ См. напр. ПСЗ – I. Т. 24. №20015, ПСЗ – II. Т. 21. №20108 и др.

⁴⁰ Подробнее об особенностях мотивации частной благотворительности будет говориться в главе второй настоящего исследования.

⁴¹ Романова Ольга. Сон юности. Записки дочери императора Николая I Великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж: Военная быль, 1963. С. 71

приняла участие в благотворительном базаре, устроенном в Дворянском собрании в помощь голодающим»⁴². Несмотря на то, что, как было отмечено выше, закрепление в законодательной практике термина «благотворительное общество/заведение» происходит только со второй четверти XIX века, в личных записках и воспоминаниях представителей дворянства, термин этот встречается еще во второй половине XVIII века. «С гордостью я говорю о том уважении, которым удостоила меня леди Арабелла Денни, знаменитая своими благотворительными заведениями»⁴³. В дальнейшем ни одни воспоминания, посвященные благотворительной деятельности, не обходятся без упоминания какого-либо «благотворительного общества», свидетельствуя о том, что уже с начала XIX века эта форма организации благотворительной поддержки была одной из наиболее распространенных. Так, например, разъясняется суть работы первых подобных обществ «Прямую целью оно имело посещать бедных, обращающихся с просьбами о пособии к разным благотворительным лицам, входить в посредничество между этими лицами и нуждающимися и содействовать, чтобы благотворение достигало своей цели»⁴⁴. Интересно то, что в отношении учреждений или мероприятий благотворительного характера эпитеты как правило не употреблялись. Чего нельзя сказать об использовании слов «благотворительность» или «благотворительный» в отношении деятельности частных лиц.

В описании общественной деятельности в сфере благотворительности встречается не столько сам термин «благотворительность», сколько большое количество однокоренных и производных от него слов, таких как «благотворение», «благотворительный» и др. В ассоциативный ряд с благотворительной деятельностью частных лиц зачастую встают слова, имеющие религиозную семантику: «В благоговейной памяти к тому смирению

⁴² Барятинская М.С. Моя русская жизнь: Воспоминания великосветской дамы. 1870–1918. - М., ЗАО Центрполиграф. 2006. С. 51.

⁴³ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. М., Наука. 1990. С. 64.

⁴⁴ В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание общества любителей Российской словесности, 13 апреля, 1869 года. Москва. В типографии «Русского». 1869. С. 17.

и той скромности, которые всегда сопровождали его добрые дела, мы не позволяем себе поднять завесу, скрывающую от всеобщего ведения все многочисленные проявления его *благодетель* и *истинно-христианского милосердия*. Всякое благотворение, в каком бы виде оно ни высказывалось, находило в нем постоянно усердного поборника и щедрого участника».⁴⁵ Следует отметить, что благотворительная деятельность часто ассоциировалась в обществе с духовностью, характерной именно для *русской* культуры, в противовес иностранной, чему можно встретить интересное подтверждение в мемуарной литературе: «Его можно сравнить с англичанином, который и любит, и благотворит, и уважает головою, а не сердцем»⁴⁶. Хотя считать, что благотворительность воспринималась обществом только как часть религиозного долга будет неправильным, поскольку о ней часто упоминается как о повседневной практике, связанной с исполнением гражданского или социального долга: «Однако же и на бедной Петербургской стороне нашлись благотворные люди. Наследники подполковника Иванова, четыре брата, его сыновья, пожертвовали домом своим для помещения лишившихся приюта жителей Петербургской стороны.... Сам г. Иванов был содержателем сего полезного заведения»⁴⁷.

«Человеколюбие» как качество благотворящего чаще всего упоминается в контексте частной благотворительности, и не встречается в связке с «филантропией», как это было в словарных толкованиях. Чаще всего в источниках личного происхождения данное понятие сопровождается мотивом бескорыстия: «просиживали до глубокой ночи в душной конторе, для распределения и раздачи им (нуждающимся) чужих денег и приискания к тому

⁴⁵ Там же С. 75

⁴⁶ Воспоминания Бестужевых. Издательство Академии Наук СССР. Москва-Ленинград. 1951 г. С. 368.

⁴⁷ Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825 гг. Е.Ф. Комаровский. Записки. М. Правда. 1989. С. 186

средств, единственно из какой-то человеколюбивой цели, без всякой задней мысли».⁴⁸

Слова «филантропия» и «филантропический» в большинстве случаев имеют ассоциации с системностью, институциональной оформленностью, как правило не используется для обозначения конкретных действий по оказанию поддержки нуждающимся, а чаще употребляются в более формальном контексте. «Мы видели, что Одоевский, может быть по природе своих способностей, или повинувшись требованиям обстоятельств, в которых находился, менял часто предметы своих занятий: литература, философия, химия, педагогика, библиография, *филантропия*, юриспруденция, попеременно привлекали к себе его внимание, — но постоянною спутницею его была музыка»⁴⁹. В мемуарной и исследовательской литературе конца XIX столетия слово «филантропический» имеет также оттенок чего-то зарубежного, нерусского, что скорее всего объясняется иностранным происхождением этого слова «Он был из числа тех нескольких квакеров, которые жили в то время в Петербурге и пропагандировали филантропические идеи»⁵⁰. Кроме того, в общественном сознании данное понятие едва ли ассоциировалось с российской действительностью и ее ценностями, в связи с чем часто имела негативные коннотации и употреблялось в отрицательном значении: «Главкомандующий в Москве князь Прозоровский получил тайное повеление взять в особенное внимание масонскую ложу, на которую содержатели типографии имели большое влияние. Вследствие того захвачены были в ложу и в домах Новикова и друзей его все бумаги, сделан строжайший

⁴⁸ В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание общества любителей Российской словесности, 13 апреля, 1869 года. Москва. В типографии «Руссаго», 1869. С. 20.

⁴⁹ В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание общества любителей Российской словесности, 13 апреля, 1869 года. Москва. В типографии «Руссаго». 1869. С. 63.

⁵⁰ Ордин К.Ф. Попечительный совет заведений общественного призрения в Санкт-Петербурге. Очерк деятельности за 50 лет. 1828-1878 СПб. 1879.

осмотр книжному магазину, библиотеке «Филантропического общества», и все найденные в них мистические книги преданы были сожжению».⁵¹

Практически не встречается в источниках личного происхождения слово «призрение» в контексте благотворительной деятельности, только как часть названия, учрежденного еще при Екатерине II Приказа общественного призрения, либо в отношении правительственной деятельности по «призрению сирот». Однако стоит еще раз подчеркнуть, что контекст употребления данного термина специфичен и связан с довольно узкой сферой деятельности.

А вот слово «попечение» было традиционным и встречается повсеместно в значении «опека», «забота» в самом широком контексте, в большинстве случаев не связанном с деятельностью государственных органов, как это было отражено, например, в словарных дефинициях. «Ведомости из Москвы. Свирепствовавшая в нашем городе заразительная болезнь прекращена совсем премудрыми учреждениями дражайшей Матери всея России и неусыпными попечениями некоторых истинных сынов отечества, приносивших жизнь свою в жертву смерти, для нашего избавления».⁵² Или «Они и подлинно соответствовали таковой поступке стариковой достойным образом и не только кормили, поили, покоили и одевали его до смерти, но не иначе почитали и любили его, как отца, и имели о нем попечение».⁵³

Особый контекст характерен и для термина «меценатство». Помимо того, что деятельность меценатов связана с наукой и искусством, неперенным их атрибутом в источниках личного происхождения является либо высокий статус (по происхождению), либо подчеркнуто высокое финансовое положение. Одним из наиболее частых сопутствующих слов «меценатству» является «покровительство». Хотя не менее часто встречается в отношении

⁵¹ Русские мемуары 18 века. М., Правда. 1988. С. 191.

⁵² Дневник поручика Васильева. Памятники древней письменности. СПб. 1896. С.29.

⁵³ Болотов А. Жизнь и приключения Андрея Болотова

меценатства и ироническая коннотация «Пусть и провинциал, пусть и «примитив», пусть многое в нем (Н.П. Рябушинском) напоминало персонажей Островского, все же я не мог не проникнуться симпатией и своего рода почтением к этому купчику-меценату, из всех сил пытающемуся выползти из того состояния, которое ему было определено классом, средой, воспитанием, и проникнуть в некоторую «духовную зону», представлявшуюся ему несравненно более возвышенной и светлой»⁵⁴

В целом можно говорить о достаточно устойчивых контекстах употребления каждого из рассматриваемых терминов в источниках личного происхождения. Следует, однако, отметить, что, как и в случае с законодательными актами, в материалах воспоминаний и личной переписки прослеживается, во-первых, поступательное движение в сторону учащения использования данных терминов. Это свидетельствует о том, что если во второй половине XVIII века благотворительность как явление не укоренилось еще в светской жизни общества настолько, чтобы уделять ему отдельное внимание, то уже начиная с XIX века она все больше проникала в повседневную жизнь общества, о чем свидетельствует расширение корпуса материалов, посвященных данной тематике. Во-вторых, наблюдается расширение и разнообразие форм благотворительности. Сложные социальные и экономические процессы (крепостное право, укрепление купечества, появление новых богатых людей, не только среди дворянства), политические события (войны, восстание декабристов и т.д.), да и гуманизация самого общества приводит к тому, что появляется больше людей, экономически способных заниматься благотворительностью, больше поводов оказывать подобную поддержку.

Что касается материалов СМИ, ситуация во многом обусловлена уровнем развития самой периодической печати. Для второй половины XVIII века

⁵⁴ А. Бенуа. Мои воспоминания в пяти книгах. Книга 4 и 5. М., Наука .1980. С. 485.

характерно преобладание литературных журналов и наличие очень небольшого количества газетных изданий. Это накладывало свой отпечаток на стиль изложения и общий тон публикаций. Материалы новостного характера, как правило, не касались вопросов благотворительности, в публикуемых в журналах литературных очерках наиболее популярными были термины «попечение» и «призрение». Наряду с ними встречается и термин «добродетель» (о жертвователе) и «добродетельный» (о деятельности), что впоследствии, на более поздних этапах, преобразуется в термины «благотворитель» и «благотворительный». Стремительное развитие российской журналистики привело к существенным структурным и качественным изменениям периодической печати уже в начале XIX века. Теперь частотность употребления того или иного термина зависела от информационного повода, освещаемого в издании.

Проанализированные нами статьи были классифицированы на несколько типов: 1) новостные заметки о благотворительных мероприятиях или отдельных актах благотворительности; 2) статьи аналитического типа о положении дел в сфере благотворительности, как в России, так и за рубежом; 3) объявления о сборе средств или учреждении нового заведения благотворительного характера. В материалах первого типа наиболее частотно употребление слов «благотворительность», «благотворитель» и производные от них. Аналитические статьи, напротив, чаще всего содержат термины «филантропический», причем в большей степени при обращении к зарубежному опыту, и «призрение» и «попечение» по отношению к российским реалиям. Тексты третьего типа отличает наиболее частное употребление таких слов как «попечение», «поддержка», «благотворительный» в основном в словосочетаниях «благотворительный сбор» и «благотворительное общество». Остальные исследуемые нами понятия также встречались в анализируемых текстах, однако либо эпизодически, либо столь редко, что сложно говорить о традиционности их употребления в каком-либо контексте. В процессе анализа было также

отмечено, что именно в материалах СМИ наиболее точно и последовательно транслируется смысловое содержание рассматриваемых терминов, отраженное в толковых словарях XVIII-XIX вв.

Таким образом, в языковой картине мира России конца XVIII-XIX вв. отражено следующее ценностно-смысловое наполнение анализируемых нами понятий:

1. **Благотворительность** – поддержка нуждающихся из добрых побуждений и религиозных чувств, а также как способ несения пользы обществу.
2. **Призрение**, в т.ч. общественное призрение – покровительство неимущих, более системное, скорее относящееся к государственным структурным объединениям (государственные органы или организации, входящие в их состав)
3. **Филантропия** – система мер, направленная на улучшение участи нуждающихся, характерная для зарубежной практики. Чаще всего под этим термином понимаются институциональные образования – филантропические общества – системно занимающиеся оказанием помощи нуждающимся.
4. **Меценатство** – финансовая поддержка знатными и богатыми людьми деятелей культуры. В языковом сознании носителей русского языка и культуры это единственное явление, ассоциирующееся с деньгами, богатым человеком, оказывающим поддержку кому-либо.

Существенный перевес в частотности употребления этих понятий на наш взгляд объясним тем, что «благотворительность» и «призрение», имея русские корни, являлись словами более привычными и традиционными. Несмотря на бытование в текстах разных типов источников каждого из них, а значит и широкое распространение этих понятий в повседневной жизни российского общества в исследуемый период, для обозначения деятельности

частной, повседневной, выбирались слова исконно русские. Даже такое специализированное понятие как «меценатство», в мемуарной литературе выражается более понятным слуху «Она покровительствовала артистам, главным образом музыкантам - Веберу, Гуммелю и Листу»⁵⁵ В то же время слова «филантропия» и «меценатство», встречающиеся в более формальных контекстах, сохраняют в культуре четкое семантическое содержание и употребляются согласно ему.

Значение и смысл рассматриваемых нами понятий имеет четкую временную обусловленность. С течением времени, развитием общества, разнообразными политическими, историческими и социальными процессами, происходившими в нашей стране после Октябрьской революции, наблюдаются значительные изменения в трактовке исследуемых понятий, отход от их первоначального значения. Во избежание анахронизма в понимании трактовок самого феномена благотворительности нам представляется необходимым расширить рамки нашего исследования и обратиться к семантическому значению терминов «благотворительность», «филантропия», «меценатство» и др. в советский период. Это позволит проследить динамику изменений в трактовке исследуемых терминов, а также объяснить природу изменений в общественном восприятии явления благотворительности в XX-XXI вв.

Для анализа был выбран ряд наиболее авторитетных словарных изданий советского периода. Мы рассматриваем их как явление культурной жизни, игравшее одну из ключевых ролей в формировании нового представления о феномене благотворительности в целом и отдельных его проявлениях.

1. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. Первый толковый словарь советского времени. Он был призван отразить все

⁵⁵ Романова Ольга. Сон юности. Записки дочери императора Николая I Великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж: Военная быль, 1963. С.148

изменения, произошедшие в языке как в связи с социальными преобразованиями в стране, значительно изменившими словарный состав русского языка, так и в связи с новой идеологией. 4 тома толкового словаря вышли с 1935 по 1940 г, отнесен специалистами к числу словарных изданий XIX-XX веков, без которых картина современного русского языка будет неполной.

2. **Словарь русского языка С.И. Ожегова.** Словарь создавался как нормативное общедоступное пособие, призванное повысить культуру речи широких масс и быть руководством к правильному употреблению, произношению и написанию слов. В этом словаре отражен основной её состав русского литературного языка, описаны нормы русской литературной речи, складывавшиеся на протяжении почти всего XX века. Текст словаря был неоднократно переиздан с внесением значительных доработок и правок.
3. **Малый академический словарь русского языка.** Наиболее поздний толковый словарь советского времени. Второе издание отражает состояние словарного состава 60–70-х годов XX в. Словарь охватывает лексику русского литературного языка от Пушкина до наших дней. Его задача – представить словарный состав современного литературного языка, а также ту часть широкоупотребительной лексики русского литературного языка XIX в., знание которой необходимо при чтении произведений классической художественной литературы, передовой публицистики и передовой науки XIX в., вошедших составным элементом в современную социалистическую культуру.

Анализ словарных статей в словарях советского периода выявил значительные отличия по сравнению с дореволюционными изданиями:

- 1) Все анализируемые понятия в подавляющем большинстве словарных статей указаны с пометой «устар.» и «книжн.», что объясняется перестройкой всей социальной структуры общества.
- 2) Кардинально изменился и тон самих определений, в большей степени выраженный в иллюстративных примерах к словарным трактовкам. Так, например, примеры употребления слова «благотворительность» и производных от него часто указываются с пометкой «шутл., ирон.».
- 3) Та же тенденция наблюдается и в трактовке значения «филантропия»: «покровительство (обычно из снисхождения) нуждающимся»⁵⁶; *«Филантропия сама по себе оскорбительна для человеческого достоинства»*.⁵⁷
- 4) Слово «призрение» либо совсем отсутствует в словарях советского периода, либо указывается с пометой «истор.»
- 5) В словарных статьях «благотворительность» и «филантропия» практически не проводится никакого различия в характере или принципах деятельности. Эти слова часто употребляются как полные синонимы, используясь для толкования друг друга: «филантропия - благотворительность, покровительство (обычно из снисхождения) нуждающимся»⁵⁸, «филантро́п - тот, кто занимается филантропией; благотворитель»⁵⁹ «филантропия - благотворительная деятельность, оказание помощи и покровительства неимущим, нуждающимся»⁶⁰

⁵⁶ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.)

⁵⁷ Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981–1984.

⁵⁸ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.)

⁵⁹ Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981–1984.

⁶⁰ Ожегов, С.И.; Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка.; Изд-во: М.: Аз, 1996 г.

- 6) В трактовке понятий «благотворительность» и «филантропия» появляются неиспользуемые до этого значения денежной помощи. Напр. «благотворительность – оказание материальной помощи», «имеющий целью оказание материальной помощи неимущим»⁶¹.
- 7) Значение слова «меценат» не изменилась по сравнению с досоветской эпохой, однако приобрело оттенок ироничности, неодобрения. *«Богач и меценат не видит бедности, в которой живет великий Бетховен»*.⁶²

Наблюдаемые нами изменения в семантике исследуемых понятий были вызваны, в первую очередь, значительными социальными и политическими изменениями, произошедшими в нашей стране. В советский и постсоветский периоды из повседневной практики исчезли многие явления культуры благотворительности и, соответственно, слова их обозначающие. Превращение социальной сферы в одно из базовых направлений государственной политики, исчезновение частной благотворительности, планомерная политика государства по дискредитации благотворительности как явления привели к появлению таких характеристик терминов «призрение», «благотворительность» как «устаревшие», «шутливое, ироничное», свидетельствующих о негативном отношении к самим явлениям, а также их инородности существовавшему социальному строю.

Данные изменения во многом объясняют те тенденции в современной российской благотворительности, которые мы наблюдаем сейчас. Во-первых, из культурного сознания россиян ушло различие между благотворительностью и филантропией. Да и понятие филантропия воспринимается скорее как архаический синоним благотворительности. Во-вторых, меценат и меценатство, несмотря на возрождение и довольно успешное развитие этого явления в наши дни, все же сохраняет оттенок

⁶¹ Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

⁶² Там же

иронии в некоторых контекстах и не всегда имеет позитивные коннотации. В современном языковом и культурном пространстве появилось новое понятие – «спонсор», которое отсутствовало, как в досоветский, так и советский период, и по сути своей деятельности слабо соотносится с идеями благотворительности и филантропии, однако в современных условиях становится с ними в один синонимический ряд. На наш взгляд это вызвано влиянием западных ценностных отношений к понятиям «благотворительность», «филантропия», «спонсорство», а также свидетельствует об отходе от традиционных представлений и ценностно-смысловых трактовок этих понятий.

Тем не менее, несмотря на во многом кардинальные изменения в современных значениях исследуемых понятий, а также изменении представления о самом явлении благотворительности в целом, можно смело говорить о том, что само явление в социокультурной жизни общества существует по-прежнему. Развитие языка и самого общества диктует необходимость найти адекватные современной жизни названия традиционным для нашей культуры социальным практикам.

Глава II. Мотивационная структура благотворительности в России и ее социокультурная обусловленность.

Богатое содержательное наполнение изучаемого нами феномена не позволяет нам, однако, раскрыть всю специфику благотворительности в России. Немаловажным элементом благотворительной деятельности, отражающим ее культурную обусловленность, является мотивация. Временная и сословная дифференциация основных мотивов благотворителей и меценатов, прослеживающаяся на протяжении всего исследуемого периода, подводит нас к необходимости анализа мотивации как одного из ключевых элементов феномена благотворительности, определявших его роль и место в социокультурной жизни России.

Несмотря на довольно обширный пласт исследований благотворительности с точки зрения истории, экономики, социологии и даже психологии, в современной исследовательской литературе сложилось достаточно поверхностное представление о мотивации российских благотворителей. Связано это, в первую очередь, с тем, что весь корпус источников по истории благотворительности (как личного происхождения, так и официальные данные статистики, законодательства и др.) не дает точного ответа на вопрос, что же двигало крупными жертвователями или скромными анонимными благотворителями, знаменитыми купцами-меценатами, или, к примеру, тем же Обществом железнодорожных рабочих, жертвовавших на развитие женского медицинского училища, создание учебных заведений, открытие музеев, учреждение стипендий и пособий.

Традиционно современная исследовательская литература определяет религиозность, экономическую выгоду и социальный престиж как основные мотивы благотворительности в исследуемый период. С одной стороны, анализ законодательных актов, статистических данных, источников личного происхождения позволяет убедиться в преобладании этих мотивов в деятельности благотворителей исследуемого периода. Но как следует из тех

же источников, круг факторов, влияющих на объемы и частотность оказания благотворительной поддержки, был значительно шире указанных выше.

Встречаем мы и желание реализации гражданского служения, и стремление быть сопричастным, подражать деятельности представителей императорской фамилии, а иногда на первый план выходило простое чувство сострадания. Примеров масса: С.Н. Глинка, участник Отечественной войны, историк и мемуарист вспоминает о случае в Купеческом собрании: «Между тем в зале Купеческой поотпетии молебствия готовились к пожертвованиям. Государь начал речь, и с первым словом слезы брызнули из очей его. Жалостью сердечной закипели души русского купечества. Казалось, что в каждом гражданине воскрес дух Минина. Гремел общий голос: "Государь! Возьми все -- и имущество и жизнь нашу!" Вслед за удалявшимся государем летели те же клики и души ревностных граждан».⁶³ Совсем другие настроения в воспоминаниях великосветской дамы М.С. Барятинской «За месяц до того, как я уехала из Санкт-Петербурга, я приняла участие в благотворительном базаре, устроенном в Дворянском собрании в помощь голодающим. Мне в киоске помогала графиня Бобринская. ... Вся императорская семья посетила базар».⁶⁴ Уникальны примеры частной благотворительности, освещаемой в периодических изданиях XIX века. «Газета «Сибирь» сообщает об одном интересном завещании иркутского купца Пономарева, не получившего даже среднего образования, но благодаря энергии, уму и сближению с людьми различных сфер достигшего ясного понимания обязанности каждого человека служить общечеловеческим интересам.. «Мысль моя и желание, – говорит завещатель в пункте 1 своего завещания, чтобы состояние свое, нажитое мною лично, честно, усидчивым трудом и энергией, употребить единственно лишь

⁶³ Глинка С.Н. Записки о 1812 годе. СПб. 1836. С. 19-20.

⁶⁴ Барятинская М.С. Моя русская жизнь: Воспоминания великосветской дамы. 1870 1918. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С.67

на пользу человечества, науки и искусств, но не оставлять в полную собственность детям, жене и другим родственникам».⁶⁵

Так что же побуждало людей разного социального уровня и достатка жертвовать материальные и нематериальные ресурсы для помощи нуждающимся? Мотивирована ли благотворительная активность воздействием внешних факторов или внутренней установки индивидуума? Можно ли говорить о наличии единой установки для всех жертвователей, либо существует некая система установок, обусловленная социальными и экономическими факторами?

Мотивационная структура благотворительности развивалась параллельно обществу и была обусловлена изменениями, которым оно подвергалось. Когда дворянство стало главной экономической и социальной силой, зачастую благотворительная деятельность реализовывалась в рамках традиционного круга светских мероприятий (для женщин) или как часть службы (для мужчин), в среде остальных сословий большое место по-прежнему занимала религиозная милостыня и помощь нищим. Развитие гражданского самосознания, улучшение экономического положения не только дворянства, но и крупного купечества выдвигает на первое место идею «полезных» поступков на благо родины и общества. Благотворительность постепенно приобретала статус социального рычага, позволявшего улучшить свое положение как нуждающимся, так и благотворителям, чья деятельность поощрялась властью и обществом. Так постепенно происходило расширение мотива гражданского служения, который ко второй половине XIX века становится ключевым уже для более низких слоев – мещанства и крестьянства, а характерная для этой социальной среды на более ранних этапах модель подражания угасает, уступая место новым общественным стремлениям – поддержке искусства, культуры, образования.

⁶⁵ Детская помощь № 18, 1885

Для осмысления природы этих временных и сословных различий, а также выявления единых мотивационных моделей необходимо разобраться в первую очередь в соотношении понятий «мотив» как стимул, относящийся к индивидуальному поведению, и «ценность» как социально признанный идеал, явление, вовлеченное в сферу общественного бытия человека. То есть соотнести индивидуально и социально обусловленные явления.

Мотив как побуждение к деятельности традиционно классифицируется в психологии на внутренний и внешний. Внешние мотивы обусловлены обстоятельствами и условиями среды и не связаны с содержанием деятельности, то есть в нашем случае существование такой категории как нуждающиеся и системы помощи им является внешним мотивом к осуществлению благотворительной поддержки. Внутренние же мотивы определяются либо физиологическими потребностями, либо стремлением к познанию и приобретению навыков и функций, либо стремлением к эмоциональному удовлетворению. Однако то, от чего индивидуум получает удовлетворение или то, что для него послужит внутренним стимулом, определяется ценностями той социокультурной среды, к которой он принадлежит.

Ценность же - социальное определение объектов окружающего мира, выявляющее его положительное или отрицательное значение для человека и общества⁶⁶. Ценности выполняют роль ориентиров в повседневной социальной действительности. Именно они помогают нам вынести оценку тому или иному общественному явлению, поведению, поступку, одобряя или осуждая их, требуя их осуществления или устранения. Таким образом, можно сказать, что ценность как явление более социально обусловленное, чем мотив «влияет на выбор и направляет энергию мотива в одно или другое русло»⁶⁷.

⁶⁶ Философский словарь/под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат. 1986. С.534.

⁶⁷Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер. 2007. С.574.

Ценности, существующие в культуре, формируются и закрепляются в процессе исторического развития общества, накопления им исторического и культурного опыта, складывания определенных культурных практик. Набор ценностей постепенно оформляется в своеобразную систему устойчивых и общезначимых норм жизни общества, то есть, обращаясь к терминологии Т. Куна⁶⁸, формируется социокультурная парадигма, объединяющая человеческое общество и обуславливающая повседневную систему норм общественной жизни⁶⁹.

Российское общество исследуемого нами периода – особенно высшая, наиболее образованная его прослойка, традиционно жила в тесной взаимосвязи и зависимости от представителей царской власти. В XVIII веке в связи с петровскими преобразованиями, особенно в сфере светской культуры, в связи с политикой Просвещенного абсолютизма Екатерины II эта близость и подражание жизни двора становилась олицетворением прогрессивности взглядов, образа в жизни в целом. Помимо этого, медленная и в какой-то степени так и не оформившаяся окончательно до начала XX века секуляризация общественной жизни также оказала определяющее влияние на характер сформировавшейся в исследуемый период социокультурной парадигмы. Это наложило отпечаток на процесс развития социокультурной базы русского общества.

В рамках сложившейся социокультурной парадигмы впоследствии формируются оценочные модели, суть которых состоит в том, чтобы, с учетом сложившихся ценностей и общественных норм, одобрять или отвергать новые явления общественной жизни. Так в обществе определяется траектория развития процессов, зарождающихся и происходящих в определенные исторические периоды. Поэтому благотворительность как социальное творчество выстраивалось в первую очередь «по Высочайшему примеру»,

⁶⁸ Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. С.226.

⁶⁹ Современный философский словарь М.1998 с.512.

поэтому религиозный мотив неотделим от благотворительности, даже если он не является в каком-то конкретном случае основным. О релевантности этих явлений в рамках социокультурной парадигмы можно говорить и во вневременном контексте – они определяли траекторию развития благотворительности во второй половине XVIII – начале XX века, они же объясняют многие сложности в современной российской благотворительности.

Итак, возвращаясь к выявлению истоков мотивации, можно заключить, что поскольку определенный набор ценностей формируется и существует в рамках одной социокультурной парадигмы, данные ценности определяют существование группы или системы мотивов, типичных в той или иной степени для всех членов данного общества. Безусловно, говорить об абсолютной универсальности и актуальности всех выделенных мотивов для каждого индивидуума невозможно. В конечном итоге в каждом конкретном случае существует целый ряд факторов, заставляющих нас поступить так или иначе. Более того, нельзя говорить и о том, что все ценности, бытующие в культуре, одинаково влияют на социальное поведение. Какие-то из них играют определяющую роль в данный исторический период, но не имели такого значения раньше, и наоборот; в то же время ряд ценностей имеет вневременной характер для данной социокультурной парадигмы, и свидетельства их значительного влияния можно наблюдать как в прошлом, так и настоящем. Таким образом, нам представляется, что костяк мотивационной системы благотворительной активности складывается под влиянием доминантных ценностей социокультурной парадигмы, о чем более предметно и доказательно речь пойдет ниже.

Более детальному анализу будут подвергнуты роль религии, влияние морально-нравственных установок, авторитет власти и степень влияния отдельных личностей на масштаб и престиж благотворительности как примеры уникальных явлений социокультурной жизни российского общества

второй половины XVIII – начала XX века, которые могли в наибольшей степени повлиять на объем и интенсивность благотворительной активности и, соответственно, послужить толчком для формирования мотивационной структуры и поведенческих моделей благотворителей.

Приведенные социокультурные особенности (доминанты), и мотивы, сформировавшиеся под их влиянием, были на первом этапе выделены на основе частотности упоминания в источниках личного происхождения и публицистических текстах, на втором - обобщены и сопоставлены с традиционными ценностями и культурными нормами, которые, как было сказано выше, и определяют оформленность мотива.

Таким образом, предполагается охватить самый широкий круг мотивов благотворительности, вписав их в исторический и социокультурный контекст.

§ 2.1 Влияние религиозности на мотивационную структуру благотворительности.

Следует сразу оговорить, что в данном параграфе речь пойдет не об истории развития религиозной благотворительности, под которой традиционно подразумевают 1) благотворительную деятельность церкви и приходов в пользу нищих и обездоленных; 2) подаяния в пользу церкви, пожертвования на строительства храмов и т.д., а об отдельных ее сюжетах и их значении для формирования феномена благотворительности. Иными словами, речь пойдет о том, как в исследуемый период принадлежность благотворителей (мирян) к Православной Церкви влияла на благотворительную деятельность, как это отражалось на выборе объектов, форм и сфер общественной благотворительности. И несмотря на то, что ниже будут упоминаться примеры как первого, так и второго аспекта религиозной благотворительности, все они призваны продемонстрировать то влияние, которое религиозное мировоззрение оказало на масштаб вовлеченности

общества в благотворительность в России. Помимо этого, отметим, что в данном исследовании в качестве доминантного рассматривается влияние именно Русской Православной Церкви, поскольку на протяжении веков она шла рука об руку с государственной властью, да и к тому же, в исследуемый период как по географическому охвату, так и по численности исповедовавших превалировала на территории Российской Империи. Так по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 года распределение населения по вероисповеданиям выглядело следующим образом: «православные и единоверцы» - 87.123.604 чел. (что составляло около 70% всего населения), «старообрядцы и уклоняющиеся от православия» - 2.204.596 чел., «магометане» – 13.906.972 чел., «иудеи» – 5.215.805 чел., «римско-католики» – 11.467.994 чел., «армяно-григореане» – 1.179.234 чел., «лютеране» – 3.572.653 чел. и др.⁷⁰. Соответственно, для понимания особенностей развития русского общества второй половины XVIII - начала XX века изучение влияния православной церкви имеет первостепенное значение.

Итак, религиозность русского народа, воспринимаемая как аксиома, традиционно стоит первой в ряду факторов, побуждающих и побуждавших жителей нашей страны к благотворительной поддержке нуждающихся. О том свидетельствует народная мудрость: «В рай входят святой милостыней, – говорили в старину – нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается».⁷¹ Отражен этот тезис и в трудах философов и историков прошлого. Религиозный философ Н.О. Лосский, обобщая черты, определяющие российскую идентичность, в одной из своих последних работ «Характер русского народа», писал: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание

⁷⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т.1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. С.248-249.

⁷¹ Библиотека церковного реформатора на 1908 г. Т.1, Типография Императорского Человеколюбивого общества, СПб, 1908. С.5.

абсолютного добра»⁷². В свою очередь, крупный историк благотворительности второй половины XIX века Е.Д. Максимов отмечал, что призрение «как отрасль государственного управления не отрицает благотворительность как известного религиозного или морального настроения», а современные историки, поддерживая и развивая эту мысль, акцентируют внимание на несколько корыстной стороне религиозной сопричастности, а именно мотиве спасения души. Например, согласно исследователю благотворительности и меценатства М.Л. Гавлину основным мотивом, определившим размах благотворительности, оставались внутренние побуждения жертвователей, обусловленные религиозным воспитанием и религиозными представлениями о душе и потустороннем мире⁷³.

Нам представляется, что данные выводы современных исследователей базируются на заключениях историков благотворительности прошлого и традиционном представлении об определяющем значении религии и духовности во всех сферах жизни русского народа. Безусловно, религиозность как национальная черта сыграла свою роль в формировании феномена благотворительности в России, однако в данном разделе нам бы хотелось определить более четкие границы ее влияния как на процесс формирования изучаемого нами феномена, так и на мотивационную структуру благотворительной деятельности.

Традиция отражения духовной составляющей благотворительной деятельности прошлого началась еще в XVII веке. Относящееся к этому времени сочинение “Слово о приютах”, приведенное в издании “Как думали русские люди о милосердии двести лет назад” Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в конце XIX века, гласит “Если мы окажемся добрыми владетелями и распорядителями малого, земного, чуждого нам имения, то Господь за такое мудрое употребление его даст нам духовные блага и спасение душ, а это и есть

⁷²Лосский Н.О. Характер русского народа. М.2005. С.6.

⁷³Гавлин М.Л. Российские Медичи. Портреты российских предпринимателей. М., 1996. С.9.

истинное наше имущество”⁷⁴. О “нищелюбии” и его религиозном содержании говорится и в статье И.М.Снегирева “О скудельницах и убогих домах в России”⁷⁵. а также во многих последующих работах, посвященных благотворительности. Но о серьезном влиянии религиозного мировоззрения на масштабы благотворительности свидетельствуют не только работы исследовательского характера; о том, что «человеколюбие» как в общехристианском понимании, так и в качестве синонима «благотворительной деятельности» испокон веков воспринималось как национальная черта говорят и другие источники.

Неожиданным для своего времени и все же показательным в контексте рассматриваемого нами вопроса является материал одного из сатирических журналов второй половины XVIII века «Кошелек» «Разговор между россиянином и французом»: «Если вы побольше узнаете мое Отечество, то сему действию моему удивляться перестанете. Россияне все к добродетели склонны. С не меньшим удовольствием оказывают они всякие вспоможения, с каковым другие приемлют оные; и это по мнению моему есть должность человеческая. Надлежит делать добро не по принуждению, но по склонности сердца».⁷⁶ В данном отрывке отчетливо слышатся перефразированные заповеди о любви к ближнему и добродетели, но что еще более важно, преподносятся они как черты национальные.

Очевидно, что причиной тому стала особая роль, которую религия и церковь как институт играли в общественной жизни на протяжении многих веков существования российского государства. Во-первых, церковь имела особый вес в процессе организации политической и социальной жизни общества: в тяжелые годы татаро-монгольского ига и период раздробленности выступала как важный консолидирующий фактор, а также играла

⁷⁴ Как думали русские люди о милосердии двести лет назад. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1897. С 19-20.

⁷⁵ Снегирев И.М. О скудельницах и убогих домах в России. Труды и записки Общества истории и древностей российских. СПб. 1826.

⁷⁶ Кошелек. Еженедельный журнал. СПб. 1774 г. Лист второй.

немаловажную роль в образовании централизованного государства. «Укрепление государственной власти опиралось в России на веру, государственный развал неизбежно сопровождался безверием. Появление древнерусского государства – принятие христианства. Создание единого централизованного независимого государства – появление идей типа «Москва – третий Рим», введение церковных обрядов в государственное устройство, например, венчание на царство, освящавшего государственное служение».⁷⁷

Во-вторых, с самого начала она взяла на себя функцию образования и распространения культуры. Церковные книги были основным чтением, а церковь – источником распространения грамотности. «Учреждение сельских школ для распространения между крестьянами грамотности может повести к ожидаемым от них благотворным результатам только в таком случае, когда, если не единственными, то главными наставниками в них и блюстителями их будут сельские священники, на которых сама Церковь возложила священную обязанность наставлять детей в вере и благочестии...» говорилось в указе священного Синода «О заведении училищ при церквях для крестьянских детей».⁷⁸ Это придавало процессу обучения высокое духовное значение и повлияло на то, что при становлении уже светской системы образования большое место в учебном процессе по-прежнему отводилось именно религиозным дисциплинам. Предполагалось, что подобные дисциплины станут залогом морально-нравственного, религиозного воспитания и преданности церкви и престолу. Об особом месте, которое отводила государственная власть духовенству в деле народного образования свидетельствует и реформа 1804 года, сделавшая церковно-приходскую школу основой системы народного образования. По данным историка благотворительности И.Преображенского, в 1841 г. числилось 2700 церковно-приходских школ с 25 тыс. учеников. Через 10 лет, в 1851 г., школ

⁷⁷ Павловская А.В. Русский мир. Т.1. М.2009. С.474.

⁷⁸ Цит. По Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. – Ростов-на-Дону, 1998. С.204

насчитывалось уже 44713, а количество учеников в них увеличилось до 93350, а в 1860 г. – соответственно 7 907 и 133 666.⁷⁹ Таким образом, церковь отвечала за начальное народное образование вплоть до появления Советского государства.

Но определяющую роль все же играло то, что церковь являлась основным «организатором социальной поддержки всех тех, кто не мог пожить собственным трудом».⁸⁰ С XI и вплоть до XVII века православная церковь брала на себя обязательства по призрению бедных, создавая и содержа при храмах многочисленные богадельни, «убогие дома». Монастыри также были активными центрами оказания благотворительной помощи в Древней Руси, оказывая ее преимущественно в следующих формах: бесплатное кормление бедных и раздача хлеба; открытие богаделен и церковных больниц для немощных, больных; содержание сиротских приютов, выдача бедным людям церковно-приходских пособий, беспроцентных ссуд и др.

Сложно оценить полные объемы церковной благотворительности, поскольку ни статистических данных, ни отчетов в то время не велось, хотя истории крупнейших монастырей хранят свидетельства о масштабах своей благотворительности в разные эпохи. Так, например, Троице-Сергиева Лавра в Смутное время содержала у себя неимущих до 15 000 человек.⁸¹ Именно поэтому специалисты, занимающиеся изучением проблематики социальной работы определяют XV-XVII века как период расцвета церковной благотворительности.

Безусловно, вся эта деятельность реализовывалась в наибольшей степени благодаря средствам прихожан и верующих. Под влиянием церковной идеологии милостыня стала играть важную роль не только в духовной, но и в социальной жизни обывателя, что привело к тому, что для прихожанина-

⁷⁹ Преображенский И.Г. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. С.81

⁸⁰ Благотворительность в России. СПб., Лики России, 2010. С. 13.

⁸¹ Соколовский М. Благотворительность в Древней Руси//Трудовая помощь. 1901. №6

жертвователя «человеколюбие <.....> было то же, что нищелюбие».⁸² Как точно отметил историк Н.И. Костомаров, «русский, видя несчастного, который просит подаяния во имя Христа и Святых, не считал себя в праве судить его, а полагал, что долг христианина – помочь тому, кто просит, справедливо ли или несправедливо он просит – в этом судит его Бог»⁸³. Да и в настоящее время благотворительная деятельность в России часто ассоциируется с подачей милостыни и пожертвованиями в пользу церкви, возможно поэтому так прочно укоренилось в сознании общества мысль об исключительно религиозных мотивах отечественных благотворителей.

На протяжении веков церковь приучала мирян к богоугодной деятельности. Помощь нуждающимся выражалась в подаче милостыни и была постоянным актом частного благотворения. Подавали милостыню все и всегда. Религиозные праздники, воскресные службы или же простая встреча с нищим или юродивым непременно была поводом для пожертвований независимо от социального статуса или благосостояния жертвователя. Церковное «поучение» благотворительности прослеживалось и в другом. Организуя богадельни и школы на деньги прихожан, стимулируя их к различным формам помощи ближнему, она давала им пример для подражания, формировала модель поведения будущего благотворителя.

Однако, история развития благотворительности в России свидетельствует о том, что уже на рубеже XVIII - XIX веков религиозные подаяния отделяются от благотворительности, которая к этому моменту начинает носить светский характер и определяется светскими мотивами. Объемы пожертвований в пользу церкви и подаяния нищим никогда не фиксировались, поэтому говорить о ниспадающей тенденции в этой сфере мы не можем, вместе с тем существует ряд других свидетельств разведения

⁸² Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси// Богословский Вестник. № 1, 1892 г.

⁸³ Костомаров Н.О. Быт и нравы русского народа. М. 2006. С.59.

понятий благотворительность и милостыня, и уменьшения религиозного влияния на первое.

Первым шагом на пути этой дифференциации стало то, что с середины XVIII века роль организатора благотворительных усилий частных лиц переходит от церкви к государству, которое направляет частные инициативы на решение актуальных социальных проблем, о чем подробно будет рассказано ниже. Чуть позже, с первой трети XIX века, в просвещенной части общества начинает оформляться мнение о социальном вреде нищелюбия и несостоятельности подобного рода деятельности для достижения социального блага. Одна из ярчайших публикаций на эту тему - книга "Нищие на святой Руси" обрушивается на традицию подаяния милостыни, отрицая религиозность ее содержания не через мотив жертвователя, но через поругание нищенства как такового "В деревнях и селах около матушки Москвы ни один, кажется, мужик не откажется выманить Христа ради гривенник. В Кунцеве, летом по воскресеньям, мальчишки и девчонки, дети зажиточных мужиков, ходят толпами и не стыдятся собирать по копейкам"⁸⁴.

К середине века вопрос целесообразности милостыни возникает в публицистической литературе уже в отрыве от религиозных мотивов и рассматривается как проблема, требующая системного подхода. Показательной в этом плане является статья публициста М.Курбановского в журнале «Современник» за 1860 год. Анализируя отчеты Попечительногоо тюрмах комитета, Курбановский приходит к выводу, что несмотря на значительные пожертвования «средним числом более 330 тысяч в каждый год, не считая многих пожертвований вещами, построек, произведенных за счет благотворителей, безденежного отпуска лекарств и проч.»⁸⁵, они не оказывали практически никакого влияния на объемы и положение нищенствующих,

⁸⁴Пыжов И. Нищие на святой Руси. Материалы для истории общественного и народного быта в России. М., 1862. С.51.

⁸⁵Курбановский М. Нищенство и благотворительность//Современник, №9, 1869. С. 284.

пойманных полицией и заключенных в тюрьмах, и, соответственно, были совершенно бесполезны. Он выдвигает идею о бесполезности бесконечных подаваний, не вынуждающих нищенствующих к труду, и задается вопросом «не лучше ли было бы те средства, которые употребляются на помощь, не вызывающую труда, употребить на то, чтобы доставить возможность трудиться и дать справедливое за труд вознаграждение?»⁸⁶. Похожие идеи звучали в обществе и в последующие годы. В исследовании-отчете о состоянии нищенства в России, проведенном С.И. Бочаровым говорится, что «благотворительность частных лиц отдельно, независимо друг от друга, никогда не достигнет своей цели, потому что в большинстве случаев она идет только на таких лиц, которые нищенствуют, просят о помощи на разные тоны и в различных формах»⁸⁷. Идея отхода от мотива религиозного служения формировалась постепенно. Оформление гражданского общества предполагало оформление новых жизненных приоритетов, в том числе в сфере благотворительности. Спасение души отходит на второй план по сравнению со спасением отечества и улучшением жизни его граждан.

В последующие годы, в процессе становления системы благотворительных учреждений одной из ключевых задач просвещенной части общества было обратить внимание широких масс (все больше вовлекавшееся в благотворительную деятельность мещанство и крестьянство) не на религиозную, а социально и патриотически значимую составляющую благотворительности, с чем можно связать негативный тон публикаций второй половины XIX века в отношении религиозных мотивов и форм благотворительности. «Нет никому надобности знать, что это за люди, от нужды ли ходят они за подаванием, или от лени, кто они, откуда, имеют ли достаток к средствам жизни или нет: нам нет до этого дела; для нас достаточно, что человек просит «во имя Христа» и мы помогаем ему в надежде, что

⁸⁶ Там же С. 253.

⁸⁷ Бочарников С.И. Бедность и благотворительность. Исследование положения их в среде общества. М., 1879. С. 9.

грошевыми подаяниями искупаем рублевые грехи свои перед святым Провидением. Этим искуплением мы удовлетворяем свое самолюбие, и утешаемся тем, что лепта наша дойдет до Бога и Он увидит, что мы не гнушаемся бедными»⁸⁸.

И, наконец, окончательным свидетельством того, что религиозная благотворительность в исследуемый период постепенно уступала место светской и пообъему, и по роли в жизни благотворителей, служит то, что возобновленные по инициативе правительства в 1860-е гг. приходские попечительства обращали пожертвованные им средства уже не на попечение о бедных, а поддержание духовенства, а также на школы и благотворительные учреждения.⁸⁹

Таким образом, даже беглое знакомство со статьями о природе и целях благотворительности, которые становятся все более частыми к середине XIX столетия, позволяет заключить, что в среде передовых представителей российского общества XIX века сложилась негативная оценка традиционных форм церковной благотворительности (милостыни и нищелюбия). Так естественные процессы социальной, экономической и политической жизни страны привели к угасанию религиозных мотивов благотворительности. Милостыня, как одна из ее форм, безусловно, не прекращала своего существования, но уже не была довлеющей формой реализации «человеколюбивого служения».

Безусловно, влияние религии на феномен благотворительности нельзя недооценивать. Именно церкви мы обязаны особым отношением к «человеколюбию» и появлением привычки «благотворить», однако религиозная мотивация ограничивается в основном лишь первыми этапами

⁸⁸Бочарников С.И. Бедность и благотворительность. Исследование положения их в среде общества. М., 1879. С. 8.

⁸⁹ Кудрявцев А. Исторический очерк христианской благотворительности. Одесса. 1883. Кудрявцев А. Нищенство как предмет попечения церкви, общества и государства. Одесса. 1885.

формирования феномена благотворительности, а также узкой сферой реализации благотворительной поддержки, а именно подачей милостыни. Нищелюбие как форма общественной деятельности наиболее широкое распространение сохраняла в мещанской и крестьянской среде, в то время как интеллигенция смотрит на подобную форму благотворительности отрицательно и этот мотив для нее утрачивает значимость социального служения.

§ 2.2 Традиционные моральные ценности российского общества как основа светской благотворительности.

Другой важной характеристикой российского общества, имеющей вневременной характер, является его ориентированность в социальном поведении на принятые в обществе нормы морали и представления о нравственности. Их влияние на социокультурную жизнь России проявляется в траекториях развития художественной культуры и литературы, общественной мысли, социальных движений и тенденций общественной жизни. И даже приписываемая носителям русской культуры социальная скованность на самом деле является лишь следствием общественных представлений о нравственном поведении.

Моральные принципы, лежащие в основе общественных ценностей, и представлений о нравственности сформировались в нашей стране под влиянием религиозных идеалов православия. В период, когда религиозная культура превалировала над светской, подобное замещение было естественным. С развитием светской культуры, мораль и нравственность становятся силой, регулирующей общественные взаимоотношения и социальные процессы наравне с государственными законами.

Данная особенность оказала, пожалуй, не менее значимое влияние на специфику благотворительности в России, чем религиозность, поскольку именно базирующиеся на религиозных принципах нормы морали и понятия

нравственности определяли идеалы “человеколюбия”, возводили благотворительную деятельность в разряд обязательной социальной и духовной практики, а также устанавливали почетные и, наоборот, недостойные для русского человека сферы и пути реализации благотворительной поддержки. Попытаемся разобраться в механизме этого взаимодействия.

На протяжении веков Русская Православная Церковь осуществляла морально-нравственный контроль в масштабе всей страны. Нормы общественной жизни и морали формулировались неоднократно в церковных и светских текстах вплоть до конца XVIII века. Домострой – сборник правил и наставлений по всем сферам жизни человека – центральную роль отводил православным ценностям, богобоязненности и призывал «следовать христианским законам, жить с чистой совестью и по правде, в вере соблюдая волю божью и заповеди его»⁹⁰. В нем также звучали призывы к подаче милостыни как регулярной социальной практике «В монастыре и в больнице, в затворничестве и в темнице заключенных посещай и милостыню, по силе своей возможности, подавай, что попросят; взглядишь в беду и страдания, во все их нужды, и помогай, как сможешь, и всех, кто страдает в бедности и в нужде, как нищего не презирай»⁹¹. Мотив спасения души в этом поучении, безусловно, присутствует, но важно скорее другое, Домострой учит нормам мирской жизни, и говорит, что чтобы быть достойным для Бога и общества человеком, помощь нуждающимся является обязательной частью повседневной жизни.

Помимо церковных поучений и наставлений серьезную роль в процессе укоренения религиозной морали в повседневной жизни общества сыграла и духовная цензура, существовавшая в России с XVII в. Церковь контролировала Печатный двор – крупнейшую типографию того времени,

⁹⁰ Домострой. СПб. Наука. 1994. С. 88.

⁹¹ Там же. С. 90.

печатавшую и духовную литературу. Проведение цензуры печатаемых книг вверялось высшим духовным чинам, в том числе патриарху. Духовная, и светская цензура в плане защиты православия и самодержавия призваны были действовать рука об руку.⁹²

Вследствие этого религиозные представления о мире, “благом” и “худом” поведении, о социальной роли личности, в условиях постоянного присутствия церкви в повседневной жизни людей нашли выражение в системе морально-нравственных установок общества. Позднее, несмотря на процесс обмирщения общества и формирования светской культуры, сложившиеся под влиянием церкви представления о морали и нравственности по-прежнему бытовали и доминировали в российском обществе, играя теперь одну из ключевых ролей в регулировании общественных отношений. Нормы морали и представления о нравственности, имеющие религиозные корни, определяли и отношение к социальной работе: почетной была не только поддержка нищенства, человеколюбивым и богоугодным называлось любое действие по поддержке нуждающихся, что оказывало влияние на объемы благотворительной поддержки и социальноответственной активности общества.

С течением времени морально-нравственные установки сформировали социальные ценности, определяющие своеобразие социокультурной среды и сложившиеся в ней, сформировавшие национальное своеобразие российской благотворительности.

Ярким примером проявления подобного своеобразия является отношение к деньгам и богатству в русской культуре. Деньги – неотъемлемая часть благотворительной деятельности – как ни парадоксально, традиционно воспринимались как нечто порочное и предосудительное. Идея эта исходила,

⁹² Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700-1917. М. Русская панорама. 2003

хотя и в мягкой форме, опять же из религиозных текстов. В уже упомянутом нами «Слове о приютах» также говорится о бренности материального, т. е. достатка. «Земные блага суть вещь ничтожная, обманчивая, да при том и не наша; ее мы не можем взять с собою, а должны оставить другим»⁹³. Но, как отметил Д.С. Лихачев «черта доведения всего до границ возможного и при этом в кратчайшие сроки можно заметить в России во всем»⁹⁴ в том числе «в пресловутых русских внезапных отказах от всех земных благ»⁹⁵. В одной из журнальных статей второй половины XVIII века («Достоинства меньше почитаются нежели богатства», опубликованной в журнале «Трудолюбивая пчела») стремление к достатку определяется как злейший порок, противоречащий принципам человеколюбия: «златопочетание делает то, что люди забывают бескорыстие, великодушные даже до человеколюбия и до самой любви к отечеству, и устремляют все свои попечения к стяжанию оно»⁹⁶.

Следствием подобных представлений о нравственности финансовой скромности и безнравственности богатства стало пренебрежительное и неодобрительное отношение к тем, кто обладал достатком и мог его продемонстрировать. Больше всего подобное отношение сказалось на оценке меценатской и благотворительной деятельности купечества как сословия, ставшего к середине XIX века основной экономической силой в стране, а как было отмечено в предыдущей главе, «меценатство» - единственное понятие в русской культуре в семантике которого присутствует значение богатство.

Хрестоматийным примером подобного отношения стал эпизод, приводимый потомком крупной купеческой династии П.А. Бурьшковым в своей работе «Москва купеческая». Когда его отец выстроил в своем имении школу, приют для престарелых и фельдшерский пункт и планировал строить больницу, предложив крестьянам выделить для нее участок земли,

⁹³ Как думали русские люди о милосердии двести лет назад. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1897. С 19

⁹⁴ Лихачев Д.С. О национальном характере русских// Вопросы философии. 1990. № 4. С. 4

⁹⁵ Там же С.4.

⁹⁶ Достоинства меньше почитаются нежели богатства //Трудолюбивая пчела. 1759. С. 104.

крестьянский сход ему отказал, ответив «Афанасий Васильевич хочет больницу устроить для спасения своей души – пусть и землю жертвует»⁹⁷. Данный пример часто используют для иллюстрации недоброжелательного отношения к купечеству как сословию темному, непросвещенному, но богатому. Однако на первый план, на наш взгляд, здесь все же выходит мотив греховности денег.

В самой купеческой среде, по словам П.А. Бурьшкина, «про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти и в том, что именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые смотрели, как на выполнение какого-то свыше назначенного долга».⁹⁸ Еще раньше, в 30-е гг. XIX века, крупный предприниматель и видный деятель в сфере благотворительности Т.В. Прохоров написал два трактата “О богатении” и “О бедности”, размышляя над социальной ролью и нравственном значении богатства. “Богатство то хорошо, когда человек, приобретая его, сам совершенствуется нравственно, духовно, когда он делится с другими и приходит на помощь... Честное богатение, даже коммерсантов или банкиров, полезно, когда наживающийся богатство живет по закону Божьему”⁹⁹. Идея эта лишняя раз подтверждает бытование в традиционном сознании представления о том, что само по себе богатство греховно и нуждается в оправдании, и оправдание это - богоугодная благотворительная деятельность. В дальнейшем идея искупления неких грехов зажиточным купечеством путями благотворения будет эксплуатироваться в литературе неоднократно.

Морально-нравственные установки, характерные для российского менталитета, прослеживаются и в наборе наиболее поддерживаемых благотворителями категорий нуждающихся. Согласно статистике на 1891 год

⁹⁷Бурьшкин П.А. Москва купеческая – М., Современник. 1991. С. 214.

⁹⁸Там же. С.92.

⁹⁹ Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры. М. 1915. С.108.

«по роду благотворительные заведения располагаются в следующей градации: приюты для малолетних – 33,1%, богадельни – 20,8%, амбулатории – 13,4%, больницы – 12,4%, дешевые и бесплатные квартиры – 8,8%, профессиональные школы – 4,4%»¹⁰⁰. В системе моральных норм российского общества попечение о детях всегда занимало особое место. Традиционно оно увязывалось с образованием как важнейшим элементом самого попечения. Образование воспринималось и как инструмент воспитания, и как социальный лифт. Несмотря на то, что сводной статистики по объемам частных пожертвований на образование не существует, как в материалах прессы, так и в мемуарной литературе XIX века многократно встречаются примеры пожертвований на пользу детских учебных заведений, свидетельства учреждения именных стипендий, бесплатных школ для крестьянских детей и т.п. Так, например, по сведениям, собранным историком российской благотворительности А.Р. Соколовым, за чуть более 30-летний период (с 1857 по 1889 г.) было пожертвовано более 1500 капиталов на учреждение именных стипендий и удовлетворения других нужд образования¹⁰¹.

Характерной формой российской благотворительности первой половины XIX века стала активная деятельность дворянского и купеческого сословий по поддержке сферы образования. Государство брало на себя финансирование далеко не всех ступеней образовательной системы и категорий учебных заведений. Из казны финансировались военные учреждения, некоторые виды специального образования и университеты. Финансирование средней школы (гимназий и уездных училищ) было смешанным, такие заведения существовали за счет государственной поддержки и благодаря частным пожертвованиям. Что касается учреждений низшей ступени образования (приходских училищ), забота о них вверялась «просвещенной и благонамеренной попечительности помещиков,

¹⁰⁰ Лихачев В.И. Благотворительность в Санкт Петербурге. СПб., 1891.

¹⁰¹ Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании. СПб., Лики России. 2005.

приходского духовенства и почетнейших жителей»¹⁰² Это пробуждало инициативу местного дворянства и купечества, которые инициировали открытие учебных заведений сословного характера, расширяли для неимущих представителей своих сословий возможности для получения образования. Так появляются училища для неимущих дворян в Туле, Тамбове, купцами открывается коммерческое училище в Москве. Следует заметить, что благотворительность в сфере образования всегда отличала инновационность. Новые тенденции и формы оказания благотворительной поддержки как правило находили свое применение в первую очередь в образовательной сфере.

В конце 1770х гг., в самом начале развития гражданских форм благотворительности, был представлен проект «призрительного училища» московского купца Петра Ларина. Училище для крестьян было задумано с целью призрения «бедного юношества, не имеющего от родни помощи и совсем без родных, каковых во всяком селении довольно бывает; и каковые, как состоящиеся в бедности, от своеволия гибнут, вместо того, чтоб быть полезным обществу, по их состоянию и знанию».¹⁰³ Программа училища предполагала обучать 1) «читать и писать по правилам грамматики»; 2) «чистоте языка и слога»; 3) «вере и страху Божьему»; 4) «арифметике и некоторым частям высших геометрических наук для лучшего знания сей для промыслов нужной науки»; 5) «знанию российской торговли разных отраслей»; 6) «познанию того, как вести купеческие по Бухгалтерии книги и счета»¹⁰⁴. Подобная программа была едва ли составлена для подготовки учащихся к школе следующей ступени. Ларин скорее видел цель училища в подготовке учащихся к определенной социальной роли – купца-организатора и управляющего торговли. Кроме того, он заявил о намерении принимать и

¹⁰² Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С.52.

¹⁰³ ПСЗ-И. Т. 20. № 14719.

¹⁰⁴ Там же

платных учеников, а деньги с них использовать в качестве стартового капитала, чтобы «установить при оном училище Банк». Цель учреждения банка - не только финансировать училище, но и выдавать кредиты его выпускникам. То есть идея об образовании как о социальном лифте, а также о необходимости инновационных путей его развития по сравнению с общей государственной политикой была воспринята частными благотворителями с самого начала изучаемого периода.

Для дворянства практика создания учебных заведений, как внутрисословных, так и для податного населения, была так же распространена. Многочисленные сведения о дворянских школах и училищах содержатся в фондах Хозяйственного департамента МВД (первая половина XIX века). Дворяне Олонецкой губернии выступили с инициативой открыть в Петрозаводске школу-пансион для «12 юношей благородного звания, которые по скудости состояния не имеют способов к просвещению».¹⁰⁵ В Туле учреждается Александровское дворянское училище «для неимущих спудных дворянских отроков преимущественно из них сирот со усопособлением их на службу гражданскую».¹⁰⁶ Во второй половине XIX века нам встречается пример благотворительной работы в сфере народного просвещения графини П.С.Уваровой. Она лично руководила шестью сельскими школами: Можайской, Порецкой, Мышкинской, Гаретовской, Вешкинской и Борисовской и решала все вопросы, связанные с учебным процессом – подготовкой учителей, разработкой учебных программ, и т.п. Как писала графиня в своих мемуарах, предметом ее особой гордости была школа-интернат для сирот и детей бедняков в Поречье. Здесь воспитанники не только получали начальное образование, но и приобретали полезные для дальнейшей жизни навыки, обучались ремеслам в специально устроенных мастерских. Позже она была преобразована в «женскую четырехкласную школу с

¹⁰⁵ РГИА Ф.1287. Оп. 11. Д.118.

¹⁰⁶ РГИА Ф.1287. Оп. 11. Д.124.

программой прогимназии и интернатом для сирот и бедных»¹⁰⁷. Благодаря активной деятельности графини, школа получила статус «министерской прогимназии», что существенно увеличивало оплату преподавателей и расширяло возможности выпускниц при устройстве на работу.

Подобные заведения рассматривались как фактор развития региона и как возможность социального лифта. Однако сословная система все же жестко сохранялась.¹⁰⁸ Тем не менее, это не отменяет тот факт, что на протяжении всего исследуемого периода образование было сферой активной благотворительной поддержки наиболее передовых слоев общества, а также становилось сферой социального творчества благотворителей, внедрявших в нее новые методы и идеи. Мотивация определялась в первую очередь традиционными представлениями о моральной ответственности за материальный достаток. Богатство заставляло его владельца служить обществу, вкладывая часть средств в наиболее значимые направления общественной жизни: забота о детях, образовательная сфера, забота о стариках и немощных.

§ 2.3 Роль государства в жизни общества.

Понимание специфики российской благотворительности невозможно без упоминания столь важного на наш взгляд фактора как активное присутствие государственной власти во всех общественных процессах и сферах жизни общества (и как следствие их активное развитие), которое прослеживается, в том числе, и в сфере благотворительности. К середине XVIII века в просвещенных слоях общества начало формироваться понимание того, что 1) благотворительность - это инструмент не только духовного, но и материального прогресса; 2) для его достижения необходимы системные

¹⁰⁷Уварова П. С. Давно прошедшие счастливые дни. – М., 2005. – С. 16.

¹⁰⁸ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб. 1902. С. 71.

действия; 3) для вовлечения широких слоев населения в этот процесс, благотворительность ради спасения собственной души должна превратиться в социальную деятельность во имя будущего. Поэтому со второй половины XVIII века государство не только выступало контролером процесса развития благотворительной активности частных лиц, но по сути стало его инициатором и дало толчок формированию целостной системы взаимоотношений жертвователей и нуждающихся, а также определило разнообразие его форм. Несмотря на активную деятельность церкви по поддержке нуждающихся, она никогда не ставила перед собой задачи создать систему общественной благотворительности, а призывала пусть и к регулярной адресной помощи, в то время как государство сыграло решающую роль в систематизации отдельных актов благотворения, формировании идеологии благотворительности, носящей внецерковный характер, а также способствовало переходу от мотива спасения души к мотиву выполнения гражданского долга.

Первым шагом на этом пути стала деятельность правительства в отношении минимизации нищенства. В российской культурной традиции отношение к нищенству было всегда сочувственным, и со стороны церкви, и со стороны общества. Уже упомянутая практика подаяния милостыни помещала малоимущих нуждающихся на особую ступень в социальной иерархии, отсутствие социального осуждения этого явления и повсеместное распространение благодаря церкви, которая признавала подаяние религиозной обязанностью, привели к тому, что благотворительность сама плодила нищету, а само испрашивание милостыни стало считаться богоугодным делом. Распространение бродяжничества и профессионального нищенства не могло не обеспокоить правительство, которое под нищими подразумевала «гулящих людей» и обманщиков, «притворным лукавством» вымогавших милостыню Христа ради, выставлением напоказ мнимого убожества, и потому

заявляло в своих указах, что нищие – воры «чуть не все»¹⁰⁹. К концу XVIII века предпринимались неоднократные достаточно жесткие попытки по сокращению и ликвидации нищенства, а в сознании общественности создавался образ нищелюбия как явления исключительно вредоносного для государства. Борьба с нищелюбием в обществе была призвана в первую очередь обратить внимание благотворительной общественности на иные формы благотворительности более соответствующие, по мнению правящих кругов, современным запросам общества; а во-вторых, впоследствии культивировать на этом фоне чувство гражданской ответственности и гражданского долга.

Государственная борьба с нищенством была начата еще в середине XVII века, но системный характер приобрела в первой трети XVIII века. В 1705 году по указу Петра I боярин Мусин-Пушкин приказал «нищих, которые являются в Москве и ходят по рядам, по улицам... просят милостыню... ловить и деньги, сколь у них сыщется, брать помещикам себе, а их приводить в Монастырский приказ и чинить им наказание, и всяким людям заказывать, чтобы тем бродящим нищим милостыни никто не давал, а кто хочет милостыню подавать – пусть дает в богадельни».¹¹⁰ В 1718 году уже законодательно было установлено, что за подачу милостыни взимается штраф в первый раз в 5 рублей, второй – в 10. В 1724 была предпринята попытка переписи нищих с тем, чтобы позднее распределить их по монастырям.

Продолжением процесса перехода от традиционного нищелюбия к формированию гражданской ответственности стали шаги, предпринятые Екатериной II. Дореволюционный историк Е.Д. Максимов писал: «При Екатерине II создалось течение против чрезмерных репрессий, установленных Петром I, по отношению к профессиональным и даже непрофессиональным

¹⁰⁹ Герье В.И. Исторический взгляд на благотворительность//Детская помощь. СПб. 1891

¹¹⁰ Цит. по Библиотека церковного реформатора на 1908 г. Т.1, Типография Императорского Человеколюбивого общества, СПб. 1908. С. 33.

нищим. «Нещадное битье» и просто «битье», а также каторжные работы для нищих были отменены».¹¹¹ Государственное преследование нищенства сменилось в 70-е гг. XVIII века довольно стройной системой мер, носящих с одной стороны рациональный характер, с другой «человеколюбивый».

Указ «О подтверждении прежних указов о недопущении помещиками своих людей из селений ходить в Москву для прошения милостыни и о искоренении праздношатающихся»¹¹² от 1772 года перечислил все меры против нищенства, обозначенные в указах 1718, 1722, 1736, 1753, 1758 и 1762 гг., возлагая ответственность по контролю за объемами «праздношатающихся» на владельцев этих крестьян. А практика введения общественных работ была внедрена императрицей с целью сократить количество «праздношатающихся», живущих на милостыню. Был издан указ «О доставлении средств к пропитанию простому народу, лишившемуся оного по случаю прилипчивой в Москве болезни», в котором объявлялся перечень назначенных государством общественных работ в Москве и приглашались все желающие, «чтобы доставить сим людям благозаслуженное пропитание и истребить праздность, всяких зол виновницу».¹¹³ Интересно, что только к концу XIX века трудовая помощь будет активно пропагандироваться и внедряться как инновационный элемент благотворительной практики, заимствованный с Запада. Активную роль в этом процессе будет играть журнал «Трудовая помощь», издаваемый в 1897-1918 гг.

Однако отучая общество поощрять нищенство и поддерживать его милостыней, представители правящих кругов должны были предложить какую-то альтернативу, позволяющую гражданам реализовывать акт социального служения. Немаловажной при этом являлась сфера, куда будут направлены частные благотворительные усилия. Учреждение воспитательных

111 Максимов Е.Д. Очерк исторического развития и современного положения общественного призрения в России//Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 19.

112 ПСЗ Т.19 №13767

113 ПСЗ Т.19 №13688

домов можно рассматривать как превентивную меру для искоренения нищенства и воспитания полезных обществу граждан.

Поэтому первой мерой по систематизации благотворительной деятельности и направлению ее в светское русло стало создание Воспитательного дома, совмещающего в себе сиротский приют и образовательное учреждение: те сферы, поддержка которых традиционно считалась высоконравственным деянием. Более того, для сбора пожертвований в пользу Воспитательного дома первоначально обратились к традиционному кружечному сбору (характерному для сбора пожертвований в церквях). Учрежден он был по инициативе архиепископа Амвросия, но в итоге принес достаточно скудные результаты. Крупные пожертвования стали поступать в адрес Воспитательного дома лишь после того, как сама императрица вносила значительные суммы и своим примером инициировала пожертвования знатных представителей дворянского сословия. Таким образом для одних благотворителей участие в судьбе Воспитательного дома могло оставаться подаянием на традиционно богоугодное дело спасения младенцев, для других же привлекательным стал сам воспитательно-образовательный проект.

Об успешности опыта консолидации усилий состоятельных членов общества в деле общественного призрения говорит ряд фактов. Во-первых, когда интерес дворянства к проекту Воспитательного дома стал постепенно угасать (о чем свидетельствует уменьшение объемов пожертвований с их стороны), инициативу подхватывает купечество, которое вносит пожертвование не только лично, но и как сословие.¹¹⁴ Во-вторых, статистика расходов Приказов общественного призрения (далее ПОП), созданных в 70-е гг. XVIII века с той же целью объединения частных инициатив в решении социальных проблем, свидетельствует о том, что практически с самого начала

¹¹⁴ Соколов В.Р. Благотворительность в народном образовании. Лики России. СПб. 2005. С.20.

существования приказов содержание местных школ и приютов, а позже и больниц и богаделен осуществлялось исключительно за счет средств частных жертвователей, значительно превышавших государственное участие в их финансировании.

Ярким примером влияния государственной власти на траекторию развития общественной благотворительности является также политика социальной поддержки армии и военных ветеранов. Конец XVIII столетия, ознаменованный правлением Павла I, описывается историками социальной работы в России как период спада благотворительной активности. Однако именно в этот период мы можем наблюдать характерное для российской культуры влияние политики власти на модели поведения и новые тенденции в сфере общественной благотворительности.

Предметом личного попечения императора Павла I была, как известно, армия, поэтому с 1798 года по его инициативе отставные военные, ветераны войн, а также их вдовы и дети становятся новой категорией, подлежащей попечению со стороны государства, позже и Приказов общественного призрения, а значит и благотворительной общественности. Указ 1799 года “О производстве военного жалования всех убитых на войне штаб- и обер-офицеров женам по смерти, а детям до совершенного их возраста” назначал пенсии в размере полного жалования “по чину погибших”¹¹⁵. Также был учрежден Императорский Военно-сиротский дом “и отделения оного при гарнизонных полках”, соединявший в себе идеи попечения сирот, образования и радения о судьбах военных, поскольку приниматься и обучаться в нем могли не только военные сироты, но и дети неимущих дворян, продолжавших нести службу. Здесь обучали чтению, письму, арифметике, а также ремеслам, которые “к пользе войск служить может”¹¹⁶. На содержание сиротских отделений изначально выделились грандиозные по тем временам бюджетные

¹¹⁵ ПСЗ-I, т. 25 №19099

¹¹⁶ ПСЗ-I, т. 25 №18793

суммы и возлагались надежды на то, что они станут источником грамотных кадров для армии. В глазах общества подобные меры ознаменовали появление новой, получившей “высочайшее одобрение”, сферы реализации социального служения. Следует отметить, что благотворительная общественность откликнулась на политику правительства настолько быстро и активно, что уже в первое десятилетие XIX века пожертвования на призрение военных инвалидов и нетрудоспособных составили более 1/3 всех частных пожертвований (по мин. оценкам около 3,5 млн. руб.). Кроме того, самый бурный всплеск благотворительной активности частных лиц в первой половине XIX столетия, связанный с поддержкой армии и ветеранов, вдов и сирот в ходе Отечественной войны 1812 года, был подготовлен, на наш взгляд, именно вышеописанной политикой власти.

Нельзя забывать и о грамотно выстроенной системе поощрительных мер в отношении крупных жертвователей, ставшей очередным успешным шагом государственной власти на пути привлечения частных благотворительных инициатив и повышения престижа благотворительной деятельности. Ее результатом стала нарастающая с каждым десятилетием активность частных благотворителей во всех слоях общества, что дало основание ряду исследователей выделять социальную выгоду как один из мощных мотивационных компонентов российской благотворительности.

С одной стороны, сталкиваясь с примерами работы этой поощрительной системы, нельзя не отметить ее привлекательность. Уже с начала XIX века в соответствии с постепенно оформлявшейся нормативно-правовой системой поощрения благотворительной деятельности частных лиц, за особо крупные пожертвования благотворители могли быть поощрены Высочайшей благодарностью Императора, награждены государственными орденами, медалями и почетными знаками, представлены к чину, возведены в личное или потомственное дворянство, или личное или потомственное почетное гражданство. Наиболее привлекательной данная система мер представлялась

для купечества, постепенно наращивавшего свой экономический потенциал, и зажиточного мещанства. Данные категории населения хоть и были экономически значимыми, но, как правило, не обладали какой-либо общественно-политической силой, а активная благотворительность, отмеченная императором, предоставляла новые возможности для социальной реализации. В частности, масштабная благотворительная деятельность земских предпринимателей была неразрывно связана с участием в работе органов местного самоуправления (в качестве депутатов или городских голов).

Так, например, представители семьи фабрикантов Брусницыных (Николай Николаевич и Александр Николаевич) были гласными Петербургской городской думы. Н.Н. Брусницын являлся председателем Городской исполнительной комиссии по благотворительности, состоял членом комитета Петербургского городского попечительства о народной трезвости, членом комитета для оказания пособия вдовам и сиротам пострадавших на войне, а также занимал видные должности в других благотворительных организациях. В 1898 г. Брусницыны передали городу комплекс зданий стоимостью 800 тыс. руб., где разместились богадельня на 60 человек и приют со школой и ремесленными мастерскими на 160 детей¹¹⁷. Так что возможность участвовать в социальной и политической жизни города значительно увеличивала вовлеченность крупных жертвователей из среды купечества и зажиточных горожан.

Имели свои привилегии и крупные жертвователи в среде крестьянства. В архивных документах встречается свидетельство того, как ряду сибирских зажиточных крестьян за крупные пожертвования в пользу переживающих нужду и неурожай жителей соседних сельских поселений были предоставлены следующие привилегии: «1-е. За подобное пожертвование 400 пудов хлеба Иркутской губернии Верхнеудинской округи 6-ти крестьянами для городских

¹¹⁷РГИАФ.1284. Оп.241. Д.163. Л.18

магазиннов объявлено им монаршьё благоволение. 2-е. За оказанное Олонецкой губернии старшиною Выгорецкого общества Михайловым пожертвование безденежно хлебом в пользу крестьян, нуждавшихся в продовольствии, и за принятие на свое иждевение престарелых мужска и женска пола до ста человек Всемиловейше пожалована ему Серебряная медаль для ношения на алой ленте. 3-е. За произведение в здешней Обуховской больнице некоторых работ своими материалами и рабочими людьми на нарочитую сумму крестьянином бригадирши Новосильцевой Шуваловым Высочайше дозволено ему за такое пожертвование носить кафтан, обложенный гасом с золотыми кистями»¹¹⁸. Данный документ свидетельствует о формировании достаточно проработанной системы поощрительных мер и их обыденном для власти характере.

Следует отметить, что система эта не отставала от новых тенденций в развитии благотворительности и отвечала требованиям времени. Так в 1877 г. было издано положение «Относительно порядка присвоения особых наименований всякого рода учреждениям благотворительным и общепольным», которое впервые разрешало присваивать учрежденным стипендиям или целым заведениям личные имена «в случае выраженного на то желания жертвователя»¹¹⁹. Прежде всего данная мера отразила набирающую популярность форму частной благотворительности – учреждение стипендий, и, по сути, стала стимулом для крупных жертвователей, желавших увековечить свое имя и гражданские заслуги перед обществом.

Тем не менее, нельзя утверждать, что созданная система поощрительных мер играла решающую роль в вовлечении купечества или мещанства в благотворительность. Во-первых, большая часть пожертвований, статистику которых в разных сферах можно хотя бы приблизительно отследить только с

¹¹⁸ РГИА Ф. 1287 Оп.1, кн. 112, д.703, л.84-85

¹¹⁹ ПСЗ-II Т. 52 №57978

начала XIX века, представляла собой суммы довольно мелкие. Зачастую учреждаемых на благотворительные средства стипендий хватало лишь на оплату книг или покрытие лишь части годового обучения, что уже исключает корыстные желания наград и чинов. Во-вторых, даже крупные пожертвования зачастую оставались анонимными, о чем свидетельствуют многочисленные материалы периодических изданий.

Однако самым удивительным по характеру, но вполне вписывающимся в российскую социокультурную традицию, является тот факт, что Высочайшее одобрение и присутствие государственной власти, пусть даже косвенное, в любом благотворительном проекте уже являлось гарантом всплеска частной инициативы. Рассмотрим конкретные примеры проявления данной специфики.

В самом начале XIX века тульское дворянство обращается к императору Александру I с инициативой учреждения училища для неимущих дворян. В ответном рескрипте императора мы видим не только позволение, но и искреннюю поддержку и благодарность: «ни с чем не сравню я удовольствия видеть в самом начале Царствования Моего, что вместо тщетных и разорительных издержек, пышности и роскоши, обращаются избытки имуществ на столь полезные предметы»¹²⁰. В ответ на эту благодарность Дворянское Собрание Тулы просит разрешить именовать училище Александровским. Император, в свою очередь, издает указ, провозглашая, что «хотя и не мышлю я, чтоб в деле общей пользы имя могло присоединить новое достоинство: но чтоб показать сколь уважаю я подвиг дворянства к сему заведению, соглашусь удовлетворить желанию его»¹²¹. Купцы и мещане Москвы, учреждая коммерческое училище, ходатайствуют

¹²⁰ ПСЗ-1 Т.24 №19984

¹²¹ ПСЗ-1 Т.24 №20012

о приеме его под «начальство высокой покровительницы» (императрицы Марии Федоровны)¹²²

Даже значительное расширение масштабов и сфер деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии к середине XIX века происходит за счет передачи под его покровительство учреждений, созданных силами частной или сословной благотворительности. Нередки при этом прошения при переходе считать их сотрудников состоящими на службе Императорского величества. Многочисленные примеры подобных обращений свидетельствуют о том, что в государственном участии благотворители видят залог надежного функционирования и высокого престиже созданных ими учреждений, а значит и стабильности частных пожертвований в будущем. Понимая это, представители императорской фамилии и сами выступали с инициативой оказания попечительской поддержки отдельным благотворительным инициативам дворянства. Например, мы сталкиваемся с упоминанием, что 19 марта 1848 года на имя герцога Лейхтенбергского последовал Высочайший рескрипт: «Учрежденное при благоприятном попечительстве Вашем Общество посещения бедных сей столицы, совершило многие дела, достойные христианского милосердия и истинной любви к ближнему. Я вполне оцениваю таковые подвиги и отдаю всю справедливость членам сего Общества, посвятившим свои досуги и труды на вспомоществование страждущему человеку. Но дабы поставить Общество посещения бедных в пределы одной общей благотворительности, столь изобильной уже в сей столице, и возвести его на степень, приличествующую сословию, действующему от Моего лица, — Я признал за благо, Общество посещения бедных в целом его составе присоединить к Императорскому

¹²² ПСЗ-1 т.24 №21207

Человеколюбивому обществу, где оно в порядке его установления и должно занять приличное место»¹²³.

Бесчисленны прошения о Высочайшем соизволении, личном участии и попечительстве, адресованные членам императорской фамилии и представителям правящей элиты, и в каждом из них звучит единое благородное патриотическое чувство, пиетет к власти и стремление к гражданскому служению.

Приметой времени и ярким свидетельством авторитета власти являются всплеск благотворительной активности, связанный с празднованием таких событий, как венчание на царство, день рождения Императора, победы в сражениях и т.п. Многочисленные пожертвования по вышеуказанным случаям широкоосвещались в периодической печати. На страницах «Северной почты» мы можем видеть сообщения о том, что по случаю празднования дня рождения Александра 1 в Дерпте «на больных и раненных собрали 863 рубля. На сию сумму искуплено было соразмерное количество нужных припасов, кои розданы лично каждому из больных по назначению медицинских чинов»¹²⁴.

Все это свидетельствует о том, что основные, структурообразующие процессы в сфере благотворительности в России происходили под руководством и зачастую по инициативе государственной власти. Она стремилась обратить общественную деятельность на поприще благотворительности из служения религиозного в служение социальное. Успех перехода от мотивов духовных к реализации гражданского долга обеспечила выстроенная правительством система вовлечения частных благотворителей в деятельность для них привычную (вроде попечения о сиротах и поддержки образования), но наполненную новым содержанием.

¹²³ В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание общества любителей российской словесности, 13 Апреля, 1869 года. Москва. В типографии «Русскаго». 1869. С.21

¹²⁴ Северная почта № 25. 1813.

Помимо этого, была разработана нормативно-правовая система поощрения крупных жертвователей, в определенной степени позволившая расширить сословную базу благотворительности (привлекая купечество и зажиточное мещанство). Но все же ключевую роль в успехе государственного регулирования и инициирования частной благотворительности сыграл традиционно высокий статус представителей императорской власти в системе общественных ценностей и пиетет по отношению к членам императорской фамилии.

§ 2.4. Благотворительная деятельность августейших особ как стимул развития российской благотворительности.

Как бы ни велико было значение государственной поддержки и присутствия в благотворительных начинаниях, существует еще один важный элемент в мотивационной системе российской благотворительности, который оказывал серьезное влияние на исследуемый феномен с самых истоков его формирования. Мы назовем его роль личности в организации и мотивации частных благотворительных инициатив и попытаемся проанализировать степень влияния личного участия на общественные процессы, такие как благотворительность. Ключом к пониманию этого элемента мотивационной системы служит понимание того, что для российской культуры в высшей степени характерна парадигма персонификации власти, олицетворявшейся монархом, а в сфере благотворительности – членами императорской фамилии.

Традиция эта имеет глубокие корни и связана с созданием образа милостивого и справедливого правителя посредством эксплуатации христианских добродетелей. В XI веке «Слово о законе и благодати» прославляет князя Владимира через его благотворительную деятельность «Кто поведает нам многих твоих милостынь и щедрот, творимых денно и нощно убогим, сиротам, больным, должникам и всем, просящим о

милости».¹²⁵ В XVIII веке, когда происходит отход от религиозной благотворительности и начинают выстраиваться модели гражданской, благотворительная деятельность монархов все также характеризуется через христианские добродетели. Но что привело к переходу от почитания благодеяний монарших к выбору Высочайшего благотворительного служения как примера для подражания?

В предыдущем параграфе мы говорили, что роль власти в российской культуре традиционно сильна и влияние ее проникает во все сферы жизни общества. Благотворительность на первых этапах своего развития была не исключением. Однако на наш взгляд, существует ряд социокультурных особенностей, которые и привели к тому, что моделью благотворения служила деятельность представителей правящего дома. Традиционным примером личного участия представителей власти в благотворительности является императрица Мария Федоровна, жена Павла I, которая положила начало одной из крупнейших и важнейших в истории российской благотворительности организаций – Ведомству учреждения императрицы Марии. Подробно об истории самого ведомства его развитии принципах работы мы будем говорить позже, здесь же на примере ее деятельности мы попытаемся проанализировать механизм влияния личного участия на модели развития и распространения благотворительности в широких слоях общества.

Пожалуй, первым и самым очевидным показателем, по которому можно судить о вовлеченности в благотворительную деятельность представителя императорской фамилии можно считать общий объем пожертвований. Поданным «Сборника сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии» ее пожертвования исчислялись 1 241 478 руб. серебром и еще 515 389 руб. ассигнациями.¹²⁶ Для сравнения пожертвования супруги

¹²⁵ Литература Древней Руси. Хрестоматия/сост. Л.А. Дмитриев; под ред. Д.С. Лихачева. М. 1990. С. 48.

¹²⁶ Сборника сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии в 3-х т. Т.1. 1884. СПб. 1884. С.Х.

Александра I Елизаветы Алексеевны составляют 1 510 597 ассигнациями, а супруга Николая II Александра Федоровна пожертвовала Попечительству о домах трудолюбия и работных домах 50 тыс. руб. на библиотеку и 70 тыс. руб. на учреждение премий авторам трудов о благотворительности.¹²⁷ Несмотря на почти вековую отдаленность во времени, суммы пожертвований были весьма значительными, что свидетельствует о масштабности высочайшей благотворительности.

Но так ли важны суммы пожертвований, и много ли людей могли следовать подобному примеру? Для определения решающего фактора в вовлечении широкого круга лиц в благотворительную деятельность были изучены источники личного происхождения, материалы периодических изданий. Как оказалось, любое упоминание деятельности императрицы на поприще благотворительности никогда не акцентирует внимание на суммах пожертвований или вкладах в бюджеты благотворительных обществ. На первый план в характеристике деятельности Марии Федоровны всегда выходило ее личное участие в судьбе заведений, находящихся в ее ведении. Яркой иллюстрацией этому служит статья, посвященная выпуску учениц Воспитательного дома, в которой автор заявляет, что «с нынешней эпохи, Императрица Мария, в великом деле воспитания юношества, как Лицо *присутствующее*, сокращается от нас: но Она никогда не сойдет с своего поприща, как Лицо *действующее*».¹²⁸ То есть первостепенное значение в глазах общественности имел не размер суммы, а факт деятельностного участия монарха в богоугодном деле.

Организация постоянной работы в сфере благотворительности также была немаловажным фактором в увлечении подданных своей деятельностью. Чаще пустых хвалебных слов приводится описание ее упорной и постоянной деятельности на поприще благотворительности и опеки вверенных ей

¹²⁷ Краткий обзор деятельности Попечительства о трудолюбивой помощи. 1885-1915. С.16.

¹²⁸ «Современник» №1. 1836.

учреждений. Нередки описания ее типичных трудовых будней. «Но и здесь, в Павловске, Мария Федоровна не оставляла трудов и забот на пользу основанных или пересозданных ею воспитательных и благотворительных заведений. В 6 часов утра она уже сидела в своем кабинете, занимаясь делами, читая донесения, просьбы о помощи, иногда даже переписку некоторых воспитанниц, которыми она интересовалась поособенным их семейным обстоятельствам. В первом часу гуляла в саду или каталась в коляске по парку. В 2 часа был обед. После обеда снова занималась делами и читала. В 7 часов собиралось небольшое общество придворных и гостей, приглашенных из Петербурга, и беседа продолжалась до 10 часов. Тогда подавали небольшой ужин. Ужинали на отдельных столиках группами, в 11 часов императрица удалялась во внутренние покои».¹²⁹

Больше значение в упрочнении высокого престижа благотворительной деятельности и как следствие повышение статуса всех тех, кто хотел связать себя с благотворительностью было создание особого положения учреждений Ведомства и не только юридически (согласно рескриптам Александра I учреждения Ведомства пользовались значительными льготами, а также могли получать прибыль от карточных сборов), но и в глазах высшего общества. В воспоминаниях того же камер-пажа читаем, что осмотр заведений Ведомства был примером высокого церемониала. «С приездом прусского короля последовали в честь его ежедневные празднества. 10 июня императрица Мария Федоровна пригласила гостей осмотреть заведения, находящиеся под ее ведомством. Она начала с Александровского мещанского института и потом вдовьего дома. После обеда посетили Екатерининский институт, где приготовлен вечерний завтрак. 11 июня императрица показывала Воспитательный дом и Голицынскую больницу, а вечером был бал у графини

¹²⁹Дараган П.М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817-1819. СПб. 1875. С. 29.

Орловской-Чесменской». ¹³⁰ Хотя по словам придворной дамы, графини В.Н. Головиной «она (*Мария Федоровна – Р.Ц.*)полагала, что помогая несчастным исчерпывает все свои обязанности благотворения, однако тщеславие, которое часто вредило ей, отравляло и дела ее благотворительности, главным источником которых должно быть доброе сердце». ¹³¹ Нам представляется, что на ранних этапах существования благотворительности как сферы гражданской деятельности, очень важно было создание ее престижа, что несомненно было одной из задач деятельности императрицы Марии.

В подтверждение же исключительно добрых намерений и личной привязанности императрицы к своему делу приведем одно из многочисленных писем неизвестному адресату которое, на наш взгляд, как нельзя лучше отражает отношение Марии Федоровны к избранному ей поприщу:

«Князь Александр Михайлович!

Я уже предварительно просила вас принять на себя труд после экзамена Московского Екатерининского училища, раздать знаки отличия тем девицам, которые по прилежанию, успехам и хорошему поведению, к сему награждению Советом удостоены будут. Знаки при сем случае подносятся Мне начальницей; по изготовленному списку вызываются удостоенные девицы одна после другой, и я сама прикалываю банты с вензелями и вручаю медали. А как их Светлость в Москве, воспрещает мне самой исполнить сей приятный для меня обряд в Московском Екатерининском училище, то препоручаю оное тому, к которому особенная моя доверительность и уважение довольно известны, и прошу вас занять мое место, соблюдая вышеписанный порядок. Но не в сем одном обряде препоручаю вам представить Мое лицо; я и говорить хотела через вас с воспитанницами, в жребии которых я приемлю только искреннее участие. Через вас желаю я

¹³⁰ Дараган П.М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817-1819. СПб. 1875. С. 73.

¹³¹ Головина В.Н. Мемуары//История жизни благотворительной женщины. М. 1996. С. 120.

сделать им те увещевания, без которых я никогда девиц под покровительством Моим воспитанных, не отпускаю. По отличении достойнейших из них знаками, остающимися им навеки памятником их послушания, прилежания и благонравия. Приведите всем выпускаемым на память труда и старания, которые их попечители, наставницы и учителя имели для просвещения их ума и для исправления их сердца и нравов. Скажите им, что наступило ныне им время произвести в действие те правила добродетели и благочестия, которые в душе их вкоренить старались и во всех связях и отношениях в которых они по выпуску находиться будут оказать, что на самом деле не тщетно употреблены старания к образованию их душ и сердец, они вступят в состояние дочерей, супруг и, наконец и матерей; новые должности возлагаются на них сими отношениями; норуководствуясь наставлениями, данными им в Училище о должностях их к Богу, к ближним и к самим себе, они найдут в них все правила к точному исполнению новых их обязанностей ведущие».¹³²;

Несколько другой подход прослеживается в передаче личных пожертвований в пользу Приказов общественного призрения – еще одного полугосударственного образования, призванного осуществлять управление благотворительными учреждениями и частными пожертвованиями на местах. «22 июля 1804 императрица-мать писала В.П. Кочубею «Граф Виктор Павлович! Препровождая при сем государственными ассигнациями 10 000 рублей, прошу Вас внести оные в Санкт-Петербургский приказ общественного призрения на вечное обращение. Я желаю, чтобы Приказ получаемые с них проценты в воспоминание бракосочетания Любезнейше Дочери Моей Великой Княгини Марии Павловны, раздавал каждый год 22 июля, в приданное шести бедным девицам».¹³³ В этом пожертвовании скорее видится

¹³² ГАРФ, ф. 663, оп 1, д125

¹³³ Цит. По Воскобойников Н.А. Материалы по истории призрения бедных и неимущих в России. СПб. 1894. С. 47.

демонстрация заботы монаршей власти о подданных, которую необходимо было запечатлеть в акте благотворительного служения.

Для начальных этапов развития благотворительности в России подобные шаги и принципы организации работы стали решающими в ее популяризации. В первую очередь, безусловно, этот пример действовал на ближайший к двору круг аристократии, который вовлекался в благотворительные инициативы как часть придворной жизни. Кроме того, Высочайший пример императрицы Марии Федоровны задавал высокий стандарт этой деятельности. Немаловажную роль на этом этапе играло регулярное занятие благотворительностью, а также большое количество личных усилий, вложенных в развитие системы учреждений Ведомства. Подобная отдача вдохновляла и более широкий социальный круг участвовать в благотворительной поддержке нуждающихся, а также чувствовать себя сопричастными этой высокой деятельности. Именно этим объясняется на наш взгляд то, что в своих первых шагах в сфере благотворительности новые жертвователи (поместное дворянство и купечество) ориентируются на модели «царской благотворительности», жертвуя на те же сферы, поддерживая учреждения, входившие в Ведомство и Приказы.

На более поздних этапах деятельность представителей власти, а также полугосударственных ведомств на поприще благотворительности стала напрямую ассоциироваться с государственной поддержкой и стабильностью. В этот момент возникает институт опекунства. Опекунские советы создавались при благотворительных учреждениях из представителей знати или членов императорской фамилии. В ведении советов были вопросы, связанные с деятельностью учреждения и предполагалось, что почетные опекуны, в число которых как правило входили представители аристократии и высшие государственные чиновники. Почетные опекуны в большинстве случаев не принимали реального участия в управлении благотворительными заведениями, так как их служба в государственных учреждениях и при дворе

не оставляла им на это время. Однако персонификация власти и вовлечение ее в деятельность благотворительного учреждения создавало ощущение Высочайшей опеки и выступало гарантом стабильности.

Наиболее распространенной формой участия членов августейшего семейства в благотворительности и продолжением реализации роли личности в развитии российской благотворительности было высочайшее покровительство. В середине 1880-х гг. под непосредственным покровительством членов императорской фамилии состояло около 350 благотворительных заведений, включая такие крупные, как Общество Красного Креста или Ведомство детских приютов. В большинстве случаев такое покровительство не предполагало ни постоянного финансирования, ни деятельного участия покровителя в жизни заведения, но оно было высоко ценимо благотворителями, несомненно добавляя их учреждениям и авторитета, и финансовой устойчивости.¹³⁴ В источниках нередко можно встретить тому доказательство «Еще год – и Общество (Можайское местное Благотворительное общество – *Р.Ц.*) имело счастье поступить под Высочайшее покровительство молодой супруги Цесаревича, Марии Федоровны, которой Общество обязано своим благосостоянием».¹³⁵ В критических ситуациях августейший покровитель, как правило, приходил на помощь. Так созданное в 1879 году Общество попечения о бедных военного духовенства к середине 80-х стало испытывать серьезные финансовые трудности. «В эту-то эпоху упадка Общества благоугодно прийти ему на помощь Августейшей его покровительнице, Ея Императорскому величеству Государыне Императрице Марии Федоровне, всемилостивейшее пожаловавшей в 1886 году на усиление общественных средств ежегодное

¹³⁴ Благотворительность в России с древнейших времен до начала XX века. Лики России, СПб, 2011 с.59

¹³⁵ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Труды ГИМ. М., 2005. С. 96

вспоможение, на первые шесть лет в размере полутора тысяч рублей в год, а на 10 последующих по 500 рублей». ¹³⁶

Таким образом личное участие и личный пример были важным этапом на пути развития и популяризации благотворительности в России. Модель, сформировавшаяся в результате деятельности русских императриц предполагала личный контроль, систематичность и регулярность деятельности и личную заинтересованность. Создание традиций, направление общественного внимания на определенные социальные сферы не достигли бы той степени влияния и устойчивости, если бы не были представлены представителями монаршего дома. Личность, персонифицировавшая власть, реализовала в благотворительной деятельности идею попечения и заботы о своих подданных, а также олицетворяло идею доброго и справедливого правителя. Важной чертой этого образа было то, что количество пожертвованных денег не влияли на степень популярности благотворительности, намного большее значение имело непосредственное участие, а также личные контакты благотворителя с нуждающимися.

Итак, мы постарались выстроить целостную мотивационную структуру российской благотворительности, вписав ее в исторический и социокультурный контекст. Суть анализа мотивов благотворительности сводится в данной главе не столько к тому, чтобы проследить как, когда и почему та или иная социальная группа включилась в благотворительную деятельность. Первоочередное значение имеет возможность посредством анализа выделить специфичные для России исторические и социокультурные

¹³⁶XXV-летие существования Общества попечения о бедных военного духовенства, состоящего под высочайшим покровительством Ея Императорского величества Государыни Императрицы Марии Федоровны 1879 – 1903 гг. СПб 1904, с.4 Цитата по Благотворительность в России с древнейших времен до начала XX века. Лики России, СПб, 2011 с.59

сюжеты, формирующие тот или иной мотив, что подводит нас к пониманию логики развития феномена благотворительности в нашей стране.

Мотивационная структура благотворительности в России имеет ряд важных особенностей. Во-первых, набор мотивов не статичен, а характеризуется ярко выраженной временной и сословной дифференциацией. Иными словами, мотивы благотворительности могут меняться в зависимости от исторической эпохи и сословной принадлежности жертвователя. К изменениям исторического характера, приведшим к изменению основных мотивационных установок благотворителей, можно отнести смену основного организатора благотворительности, консолидирующего частные благотворительные усилия. Вплоть до начала XVIII века церковь была лидером в организации благотворительной деятельности, формируя культуру «благотворения» в соответствии с религиозными представлениями о добре и праведности. Она сформировала нравственную систему, указывающую желающим путь и форму повседневной благотворительности – поддержка нищих и убогих, жертвование средств в храмы и монастыри. Впоследствии укрепление светского мировоззрения и ослабевание влияния церкви на государственную политику и общественную жизнь, выводит государство на роль лидера и организатора благотворительных усилий частных лиц. Со второй половины XVIII века светская власть стремится оказывать влияние на формирование общественных ценностей, вводя идею гражданского служения как одну из ключевых в системе морально-нравственных установок.

Сословная дифференциация мотивов благотворительности прослеживается на примере того, что мотив социальной выгоды становится более актуальным для сословий, не имеющих общественно-политического веса. Система государственного поощрения, предусматривающая такие награды крупным жертвователям как Высочайшая благодарность Императора, государственные ордена, медалями и почетные знаки, представление к чину, возведение в личное или потомственное дворянство, или личное или

потомственное почетное гражданство, давала больше преимуществ таким категориям населения как купечество и зажиточное мещанство. Например, масштабная благотворительная деятельность земских предпринимателей позволяла принимать участие в работе органов местного самоуправления (в качестве депутатов или городских голов). В то же время для дворянства зачастую ключевым становился мотив личного участия представителей императорского дома и ощущение сопричастности к делу общественного призрения как делу государственной важности.

Другой важной особенностью мотивационной структуры российской благотворительности является то, что существование и укрепление любого из выделенных мотивов определяется характерными (доминантными) чертами социокультурной специфики российского общества. Главенство моральных установок в определении траектории социального поведения, характерное для нашей культуры, обуславливало тот набор «благородных» сфер социальной помощи, которым оказывалась наибольшая благотворительная поддержка. А пийетет к власти (в лице Императора и членов императорской фамилии) и вера в справедливость ее представителей проявлялись в их присутствии и влиянии на все процессы в сфере частной благотворительности. Представители правящей элиты выступали для общества не только вдохновителями, но и гарантом надежности и высочайшего благородства благотворительной деятельности.

Таким образом, развитие и усложнение мотивационной структуры благотворительности в России второй половины XVIII – начала XX века происходило параллельно историческим, общественным и культурным преобразованиям, однако определялось ключевыми (доминантными) чертами социокультурной специфики российского общества.

Глава III. Основные этапы становления системы благотворительности в России.

Благотворительность в России – явление, с одной стороны, имеющее обозримые границы, формы и сферы, с другой – процесс, неразрывно связанный с нашей традиционной культурой, менталитетом и историческим прошлым. Это ставит перед исследователями довольно сложную задачу корректной периодизации данного явления.

За несколько десятков лет активного изучения истории государственного призрения и благотворительности в рамках исторических исследований, был представлен целый ряд подходов к ее периодизации. В качестве основания для выделения этапов могут служить законодательные акты, политика монарха, количественные показатели (объемы пожертвований, количество благотворительных заведений и проч.), важные события общественно-политической жизни и соотношение участия в процессе благотворительности государственных структур и частных лиц. Иногда этапы имеют четкие хронологические рамки, обозначенные событиями, ставшими поворотным моментом в истории благотворительности, но чаще их границы размыты и укладываются в четверть или полувековые отрезки.

Первая попытка периодизации была предпринята в работе «Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России», опубликованной в 1901 году¹³⁷. В ней выделяется 4 основных этапа: 1) от начала русского государства до принятия христианства (862-988), 2) от начала христианства до конца XVII века (1682), 3) от 1682 (указ Федора Алексеевича о государственной помощи в деле призрения) до 1775 (создание Приказов общественного призрения по принятому Екатериной II «Учреждению для управления губерний») и 4) от

¹³⁷ Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России/ Под редакцией П.И. Лыкошина. СПб. 1901.

1775 до 1864 (издание «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», упразднившего Приказы и введившего земства). В данной классификации, опирающейся на государственные акты, за основу берутся вехи, структурно менявшие (или направленные на изменения) формы реализации взаимоотношений между нуждающимися и благотворителями. Предполагаемые изменения были безусловно продиктованы требованиями времени и степенью развития общественных отношений, однако, упуская из внимания объемы благотворительности на каждом этапе, ключевые формы и сферы ее реализации, реальные общественные процессы, сложно говорить о динамике развития этого явления, его характерных чертах и особенностях.

Самая полная (в плане хронологического охвата) система периодизации сложилась в рамках истории социальной работы как раздела отечественной истории. Она базируется на выявлении социальной основы благотворительности и выделяет следующие этапы: 1) архаический период до X века – родоплеменные и общинные формы помощи; 2) X-XIII вв. княжеская и церковно-монастырская поддержка нуждающихся 3) XIV – первая половина XVII века – церковно-государственная помощь; 4) вторая половина XVII – первая половина XIX века – государственное призрение; 5) вторая половина XIX в. по 1917 год - общественное и частное призрение¹³⁸. Как видно из этой периодизации, социальная работа, общественное призрение и благотворительность здесь не дифференцируются, а используются как понятия взаимозаменяемые, а подобная неоднозначность еще больше затрудняет исследование благотворительности в историческом и культурном контекстах.

Современные исследования российской благотворительности берут за основу политику монархов, и выделяют Петровскую, Екатерининскую,

¹³⁸ Фирсов М.В. История социальной работы в России: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. - 256 с.

Александровскую и т.д. эпоху в истории этого явления. Другим основанием для периодизации часто служит «степень развития» системы общественного и государственного призрения (количество пожертвований, число заведений и влияние на эти процессы государственной политики). Один из крупнейших историков благотворительности А.Р. Соколов¹³⁹ за основу своей периодизации как раз берет характер взаимодействия общества и государства, справедливо аргументируя это тем, что государственная политика всегда влияла на объемы пожертвований и на активность благотворителей, а общественно-политические события часто были рубежом для изменений в кругу основных участников, сфер и форм оказания благотворительной поддержки нуждающимся.

Историк выделил 10 основных этапов, отличающихся по характеру механизмов взаимодействия власти и общества в сфере благотворительности.

- 1) С принятия христианства до середины XVI века, когда организатором и распределителем благотворительных средств (частных пожертвований, а также государственных средств) была православная церковь;
- 2) с середины XVI до начала XVIII века – период, характеризующийся первыми попытками «секуляризации общественного призрения» в связи с «кризисом церковных форм помощи»¹⁴⁰;
- 3) с начала XVIII века до 1760-х гг. на данном этапе система государственного призрения с привлечением частных пожертвований выстраивалась вокруг решения первостепенных задач государства – поддержки отставных и увечных воинов;
- 4) с 1760-х по конец XVIII века – реформирование системы государственного призрения и поощрение частных благотворительных инициатив, создание благотворительных учреждений смешанного типа (государственные учреждения, существовавшие за счет частных благотворительных подаяний);
- 5) с начала XIX века по 1815-1817 гг. – подъем частного благотворительного движения на волне «совпадения

¹³⁹ Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства. СПб. Лики России. 2006.

¹⁴⁰ Там же. С. 638.

правительственных усилий с давно вызревавшими общественными устремлениями» [с.640]; 6) с 1815-1817 гг. по конец 1830 гг. – спад благотворительности в связи с правительственной политикой поограничению целей и методов благотворительности и подчинению ее принципу сохранения сословно-служебной структуры; 7) с начала 1840 гг. до начала 1860 гг. – период, характеризующийся смещением общественных целей благотворительности и противостоянием государства и благотворительной общественности в этой связи; 8) начало 1860 гг. – начало 1880 гг. – скачок в развитии частной благотворительности за счет благожелательной политики; 9) с 1882 по конец 1880 гг. – непродолжительный спад благотворительности, связанный с цареубийством и изменением государственной политики в сфере народного образования; 10) 1892 – 1914 гг. – подъем благотворительности, характеризующийся разделением благотворительного движения на «два соперничающих потока, разделенных отношением к власти».¹⁴¹

Данный подход к периодизации характеризует основные процессы, происходившие в обществе, а также дает представление о степени вовлеченности общества в процесс благотворения, однако из-за акцента на политико-правовую сторону вопроса не позволяет в полной мере раскрыть социальные и культурные основы российской благотворительности.

Как явление культуры благотворительность, на наш взгляд, требует все же другого подхода к периодизации. Если рассматривать этот феномен в исторической перспективе, становится очевидно, что его присутствие в социокультурной жизни общества достаточно неравномерно и развивается поступательно. Как и многие другие социальные процессы она возникла благодаря развитию экономики и появлению в обществе свободных денег. Благотворительность как сфера социального творчества развивалась параллельно обществу, его политической и экономической жизни, отражая ее

¹⁴¹ Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства. СПб. Лики России. 2006. С. 645.

метаморфозы. Развитие культурных сфер – театра, музыки, способствовало появлению и развитию меценатства, оформление основ гражданского общества привело к появлению объектов гражданской благотворительности – учебных заведений. В этом смысле благотворительность как элемент социокультурной жизни становится показателем уровня развития общественного сознания, в связи с чем в данном исследовании периодизация благотворительности как социокультурного феномена проводится на основании степени интеграции благотворительности в повседневную жизнь общества.

Для ее определения была разработана система критериев, которые помогут выявить набор атрибутов и характерных особенностей, составляющих «типовой профиль» благотворительности и проследить их динамику на каждом выделенном этапе.

Критерии для периодизации были выбраны следующие:

- 1) **Субъект и объект благотворительности.** Социальная основа благотворительности меняется в связи с множеством факторов. Экономическое и политическое развитие страны приводит к появлению социальных групп и слоев, обладающих наибольшей экономической свободой и готовых оказывать благотворительную поддержку нуждающихся. С точки зрения адресатов благотворительной помощи, новые категории нуждающихся возникали или становились более приоритетными в глазах жертвователей в разные эпохи в связи с войнами (например, беженцы и инвалиды), экономическими потрясениями (нищие) и как следствие развития общественных отношений (попечение о глухих, женское образование и др.)
- 2) **Организационные формы и популярные сферы благотворительности.** Сферы и формы благотворительной поддержки не так подвержены изменениям, как ее сословная основа. Безусловно с развитием общества менялись и его потребности, возникали новые

сферы, требовавшие благотворительного участия (такие как сословная благотворительность в поддержку разоряющегося дворянства), а также усовершенствовались формы его реализации (частные благотворительные общества). Но существовал устойчивый перечень традиционных всесословных сфер, в которых действовали благотворители. К ним относились забота о детях, поддержка образовательных учреждений, забота о военных ветеранах и инвалидах, а также опекунство над стариками и немощными.

- 3) **Масштаб благотворительной деятельности** – показатель, который достаточно сложно оценить и не только из-за неполноты сведений о пожертвованиях. Объем пожертвований, их периодичность были неравномерны, при этом отсутствие крупных пожертвований не всегда говорит о спаде благотворительной активности населения. Зачастую крупные регулярные пожертвования типичны лишь для начала какой-то новой благотворительной инициативы. Вновь созданные благотворительные общества получали крупные суммы в первые годы после своего основания от попечителей и других жертвователей, но со временем их поток мельчал, а основу бюджета благотворительного общества составляли небольшие подаяния от случайных частных жертвователей или деньги, собранные в рамках мероприятий, проводимых с целью сбора средств. При этом количество людей, вовлеченных в благотворительность, в это время увеличивалось в разы.
- 4) **Мотивы благотворительной деятельности.** Что движет обществом, активно участвующим в благотворительности является одним из основных вопросов для изучения этого явления в контексте социальной культуры. Некоторые мотивы приписываются российскому обществу как традиционные (религиозный, экономический), есть и те, которые озвучивались неоднократно самими жертвователями (гражданское служение, социальный долг) и те, которые угадываются из анализа

общественных процессов (социальный престиж, моральный долг). Круг мотивов имеет временную, а также сословную обусловленность и поэтому является важным критерием периодизации благотворительности.

- 5) **Социокультурный статус благотворительности.** Образ благотворителя и благотворительности играл огромную роль в популяризации этой деятельности и увеличению ее объемов. На разных этапах наблюдается совершенно разное отношение к этой деятельности в обществе, меняются представления о людях, в нее вовлеченных и доступности ее для всегообщества¹⁴².

На основании приведенных выше критериев нами были выделены три крупных этапа:

1) 1760-е – 1800-е гг. – этап консолидации и структурирования благотворительных усилий отдельных жертвователей, а также первые попытки формирования государственной политики в отношении частной благотворительности;

2) 1800-е – 1860-е гг. – этап поступательного, хотя и неравномерного, процесса наращивания объемов благотворительности, расширение ее социальной основы, значительное влияние внешнеполитических и экономических процессов на траекторию развития и объемы благотворительной активности населения;

3) 1860-е – 1910-е гг. – этап, характеризующийся наибольшей диверсифицированностью сфер, форм и социальных основ благотворительности, а также активной деятельностью СМИ по освещению деятельности благотворителей и их посредничество в процессе взаимодействия жертвователей и нуждающихся.

¹⁴²Цинпаева Р.Ш. К вопросу о периодизации российской благотворительности как социокультурного феномена//Культура и цивилизация. №5, 2018.

В этой главе будет дана подробная характеристика каждого из выделяемых периодов. Анализ будет выстроен по критериям, указанным выше. Характерные черты каждого из этапов будут выведены на основании:

а. материалов периодической печати, которая также проходила путь формирования и развития со второй половины XVIII века. Материалы отечественных журналов и газет разной тематической и общественно-политической направленности представляют интереснейших материал для изучения общественной жизни российского общества, в том числе и его благотворительной активности. На страницах периодических изданий нашли свое отражение не только отдельные явления в сфере благотворительности, но и создавался образ благотворительности, отражались основные тенденции развития этого явления. Системообразующие функции периодической печати - организация (структурирование) общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства на общество¹⁴³ — позволяют говорить о том, что созданный на страницах газет и журналов имидж благотворителя и благотворительности в целом способствовал закреплению в общественном сознании социальной нормы благотворения, что представляется наиболее интересным для исследований в контексте социокультурного подхода к изучению проблемы.

б. законодательных актов, позволяющих судить об интенсивности деятельности частных благотворителей и общественных организаций, также фиксирующих все изменения и новые тенденции в сфере благотворительной активности общества.

в. статистических данных, представленных в архивах, годовых отчетах ведомств, занимающихся общественным призрением и благотворительных организаций, а также собранные нами данные по

¹⁴³ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов и др. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998

количеству и тематике публикаций в газетах и журналах исследуемого периода.

d. Корпуса документов отдельных благотворительных заведений и частных благотворительных инициатив.

§ 3.1. Первый этап. 1766е-1800 гг.

Прежде чем начать рассмотрение особенностей процесса складывания российской системы благотворительности во второй половине XVIII века стоит оговорить, почему именно этот период становится отправной точкой нашего исследования. Политика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II поставила перед обществом новые задачи. Это касалось и сферы социального призрения. В этот период благотворительность в России начинает принимать внецерковные формы, но не только на уровне отдельных инициатив, а в общегосударственном масштабе. Разработанный Екатериной II принцип организации благотворительности предполагал переход от древних традиций милостыни ради спасения собственной души к принципу социальной ответственности, что было подробно описано выше. В плане периодизации и дальнейшего толкования феномена благотворительности этот переход становится отправной точкой формирования культуры благотворительности в России в той форме, которая позже станет социокультурным феноменом.

Первой мерой по систематизации благотворительной деятельности и направлению ее в светское русло, которую нам бы хотелось подробно рассмотреть, было создание Московского воспитательного дома (1763), в рамках которого государственная власть обрела первый успешный опыт консолидации усилий состоятельных членов общества в деле общественного призрения. В «Генеральном плане Московского Воспитательного для приносных детей Дома» впервые озвучивалась идея объединения государственных, общественных и частных инициатив, которая впоследствии легла в основу всей системы благотворительных учреждений в России.

Реализовывалась эта идея через предложенную государством систему финансирования этого благотворительного учреждения. Манифест «об учреждении в Москве Воспитательного дома» объявляет его с одной стороны государственным учреждением, которое «навек будет под особым монаршим покровительством»¹⁴⁴; с другой – финансироваться Воспитательный дом согласно Манифесту должен будет в основном общим подаянием, причем как его сооружение, так и дальнейшее общее содержание.

Безусловно, подобная система не имела бы никакого успеха, и частная благотворительность так и осталась бы в стороне, если бы ни личный пример Екатерины II, частные пожертвования которой не только составили основной капитал учреждения, но и ежегодно поддерживали Воспитательный дом в форме пособий. Поскольку основной экономической силой страны во второй половине XVIII века было дворянское сословие, именно столичное дворянство первым откликнулось на эту инициативу. Среди крупных жертвователей принцесса Гессен-Гамбургская (урожденная княжна Трубецкая), княгиня Голицына, П. Демидов. Были зафиксированы как разовые, так и ежегодные пожертвования.¹⁴⁵ Позже идея была поддержана и в среде чиновников, благотворительная деятельность которых позволяла им выслужиться перед императрицей (современники нередко отмечали особо благосклонное отношение императрицы к тем, кто проявлял участие к делу благотворительности и попечительства¹⁴⁶), и заработать некий авторитет в обществе.

Важным атрибутом данного этапа развития благотворительности в России было ее идеологическое наполнение. Светский характер приобретало

¹⁴⁴ ПСЗ-I Т. 16 №11908

¹⁴⁵ Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России/ под ред. П. И. Лыкошина. - Санкт-Петербург: издание княгини О. Ф. Имеретинской и П. И. Лыкошина, 1901.

¹⁴⁶ См. Историческая записка о происхождении и последствиях моей (Фридриха-Мельхиора Гримма) преданности Императрице Екатерине II до кончины Ее Величества. Сообщено А.Х.Беком. Сборник Императорского русского исторического общества. Т.2. СПб., 1868; Там же: Выписки о государственных учреждениях, сделанных Императрицей Екатериной II (годы с 1762 по 1769). Сообщены графом А.С.Уваровым.

традиционно воспринимаемое как богоугодное дело призрения незаконнорожденных детей. «Учрежденный к благополучию рода человеческого и к вечной славе Отечества нашего»¹⁴⁷, Воспитательный дом был призван «произвести полезных граждан» «для пользы Отечества». Подобные фразы встречаются на протяжении всего Генерального плана, но особенно четко сформулированы и выражены во второй его части, которая была принята в 1767 году, через 4 года после учреждения самого заведения.

С этого момента государством была поставлена задача, и она реализовывалась на протяжении многих лет, в среде высшего сословия сформировать идею благотворения не ради духовного совершенствования, но как долг перед Отечеством, заботу об улучшении социального положения граждан.

На уровне Воспитательного дома эта задача реализовывалась в том, что заложенный в основу данного учреждения замысел был значительно шире простого жизнеобеспечения незаконнорожденных детей, и это достаточно четко доносилось до жертвователей. Предполагалось, что дети, содержащиеся в Воспитательном доме, получают достаточное образование, чтобы вступать «в сообщество с нынешними купцами, художниками, торговщиками и фабрикантами», а также, «будучи в доме, заработают себе несколько капитала», чтобы «могли себе фабрики завести и в купечество вступить»¹⁴⁸. По замыслу И.И. Бецкого они должны были составить в будущем третий чин в государстве.

Повторить успешный опыт вовлечения частных лиц в социально-ответственную благотворительность государственная власть стремилась и на местах. Для решения этой задачи были созданы Приказы общественного призрения. Они задумывались как учреждения, управляемые местными

¹⁴⁷ ПСЗ-I Т.16. №11908.

¹⁴⁸ ПСЗ-I Т. 18 № 12926.

сообществами, на которые теперь возлагалась ответственность за призрение нуждающихся на их территориях. Таким образом, распространение идеи гражданской ответственности получило общегосударственный размах. В ведение этого органа вверялось «попечение и надзирание о установлении и прочном основании» народных школ, сиротских домов, больниц и госпиталей, богаделен, домов для неизлечимо больных и умалишенных, работных домов.¹⁴⁹ В течение нескольких лет было создано более 40 приказов по всей территории Российской империи. Как и в предыдущем опыте, вопрос финансирования Приказов предполагалось решать за счет частных инициатив. Согласно «Учреждению» на финансирование деятельности на каждую губернию «единожды» выделялось 15000 рублей из доходов этой же губернии, «с сими деньгами поступать так, чтобы они действительно были обращены в пользу тех установлений... Дозволяется умножать сей капитал как частью процентных денег, так и принятием от dobroхотных людей к благом установлениям dobroхотного подаяния, что кому рассудится. то так и употребить»¹⁵⁰. Несмотря на скудность казенных денег, деятельность приказов развивалась и расширялась именно за счет поддержки частных благотворителей и инициативы местных сообществ, что свидетельствует о формирующемся в рассматриваемый период общественном самосознании, а также мощном потенциале провинции в деле благотворительности.

Структура Приказов отражает характерные для исследуемого периода тенденции в сфере благотворительности поможет нам составить «типовой профиль» данного этапа ее развития. Их управление возлагалось на двоих заседателей Верховного земского суда (из дворян) и двоих «заседателей Верховной Расправы, где есть», которые под личным председательством губернатора должны были решать дела разнообразных учреждений Приказов. Им также позволялось «для сведения подробного или местного, призвать для

¹⁴⁹ПСЗ-ИТ. 20. № 14392.

¹⁵⁰ПСЗ-ИТ. 20. № 14392.

заседания в Приказ общественного призрения уездного Дворянского Предводителя или городского Главу для общего уважения дел»¹⁵¹. Под попечением Приказов находились: 1) народные школы, 2) сиротские дома, 3) больницы, 4) богадельни «для мужского и женского пола убогих, увечных и престарелых» 5) дома для неизлечимо больных, 6) дома для умалишенных, 7) работные дома, 8) смирительные дома. Однако стоит отметить, что наибольшую поддержку со стороны жертвователей все же получали школы, сиротские дома и богадельни, а наиболее крупные суммы поступали от «губернского дворянства» и «от городов».

Результатом всего этого комплекса мер стали масштабные изменения в сфере частной благотворительности. Впервые за многие века в обществе возникает интерес к поддержке не только церкви и подаению милостыни. В общественном сознании зарождается мысль о помощи как гражданском долге, а также возможности своеобразного социального творчества, реализации через частные благотворительные инициативы. Это выражалось в том, что на протяжении следующих десятилетий после учреждения Воспитательного дома как в крупных, так и провинциальных городах возникали частные благотворительные проекты по устройству, принципам и идеологии схожие с государственным начинанием.

В самом конце XVIII века нетрадиционная до сих пор сфера реализации благотворительной поддержки, которая впоследствии станет популярной и у широкой общественности, привлекая не меньше благотворительных усилий, чем призрение детства или борьба с нищенством, появляется по инициативе государства – это система попечения об отставных воинах. Павел I, известный своим пристрастием к военному делу, сам выступил инициатором развития этой сферы благотворительности. В 1799 году был издан указ «О производстве пансионного жалования всех убитых на войне штаб- и оберофицеров женам

¹⁵¹ПСЗ-ИТ.20 №1392.

по смерти, а детям до совершенного их возраста».¹⁵² По чину погибших назначались пенсии, что не могло не послужить стимулом и гарантом преданной службы. Еще одним шагом в укреплении этого направления социального попечения стало учреждение Военно-сиротского дома, воплощавшего идею обеспечения образования детям военных разных чинов и сословий. Предполагалось создать Благородное и Солдатское отделения в центральном доме, а также открыть отделения по всей империи при гарнизонных полках¹⁵³. Это новое направление в дальнейшем приобретает устойчивую поддержку не столько за счет государственного финансирования, а благодаря увеличивающемуся потоку частных пожертвований. Особого размаха поддержка ветеранов войн, их вдов и сирот приобретает в начале XIX века в связи с патриотическими настроениями периода Отечественной войны 1812 года. Но эта тема будет подробнее раскрыта в последующих разделах данного исследования.

Что касается формы реализации благотворительной поддержки нуждающихся, то для этого периода характерны больше крупные и средние индивидуальные пожертвования в благотворительные «проекты» с государственным участием. Об этом свидетельствует как статистика пожертвований в казну Воспитательных домов и заведений Приказов, а также тот факт, что в XVIII веке было основано всего 22 благотворительных общества, причем первое место занимали губернии – Курляндская – 8, Эстляндская – 3 и Лифляндская – 1.¹⁵⁴ (для сравнения, только в первом десятилетии XIX века на территории Российской империи было организовано 28 благотворительных обществ).¹⁵⁵ То есть форма общественного сбора

¹⁵²ПСЗ-ИТ.25 №19099.

¹⁵³ПСЗ-ИТ.25 №18793.

¹⁵⁴ Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт Петербурге и Москве. 1899.

¹⁵⁵ Там же.

пожертвований в данный период была развита еще недостаточно, а создание частных благотворительных заведений требовало крупных вложений.

Однако при все возрастающем участии частных благотворителей в деле общественного призрения, свидетельства значимости этого процесса как социокультурного явления в этот период достаточно косвенные. Несмотря на весьма обширный пласт источников личного происхождения (Воспоминания, записки, личная переписка и т.п.), относящихся ко второй половине XVIII века, сведений о вовлеченности их авторов в благотворительность практически нет. Например, при всем своем активном участии в делах благотворительности, княгиня Е.Р. Дашкова, сподвижница Екатерины II, директор Императорской академии наук и художеств, ни в Записках, ни в статьях, ни в материалах переписки не затрагивает практически ни одного вопроса с этим связанного. Единственное упоминание на этот счет встречается в Записках в связи с ее путешествием по Ирландии. «В числе многих благотворительных учреждений леди Денни Магдалинский госпиталь был главным предметом ее попечений и, несмотря на преклонный возраст, она с неослабным вниманием надзидала над ним. Я несколько раз посетила с ней это заведение. Доверяя моим бедным способностям, она однажды поручила мне переложить гимн на музыку с тем, чтобы петь его в Магдалинской капелле в благотворительных целях».¹⁵⁶ Достаточно косвенно свидетельствует о своей причастности к благотворительности и Г.Р. Державин. В перечислении его заслуг в должности наместника в Тамбове в числе прочего мы читаем «Купил по препоручению императрицы для запасного петербургского хлебного магазина муки около 100000 кулей, который <хлеб>обошелся с поставкою дешевле провиантского ведомства 115 копейками... Исправил дороги, приумножил доходы приказа общественного призрения в год до 40 тысяч рублей».¹⁵⁷ Свидетельства причастности к деятельности Приказов

¹⁵⁶ Дашкова Е.Р. Записки княгини: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2003.

¹⁵⁷ Державин Г.Р. Записки Гавриила Романовича Державина. 1743-1812. М.: Русская беседа. 1860. С.

общественного призрения или иных благотворительных попечительств встречаются у представителей дворянства, занимающихся государственной службой, что наводит на мысль о том, что вопросы благотворительности не были предметом их ежедневных бдений, не было такого количества поводов, мероприятий, общественных сборов и т.д., а представители дворянства воспринимали подобную деятельность как часть службы, которую они несли для государства и императора.

Помимо законодательного оформления первых шагов на пути формирования благотворительности как системы взаимоотношений жертвователей и призреваемых, кроме отношения самих благотворителей к своей деятельности, для того, чтобы как можно полнее охарактеризовать, что представляла из себя благотворительность второй половины XVIII века, и последующих этапов, огромное значение имеет анализ образа благотворительности, создаваемого на страницах периодических изданий, транслируемого широкой общественности, образованной и социально активной публике, на тот момент еще не задействованной активно в благотворительности, но которая в будущем составит основу развития благотворительности как системы и социокультурного явления. Несмотря на то, что данный период характеризуется незначительным, количеством печатных СМИ, а также малому стилистическому и тематическому разнообразию, они дают понимание того, как виделась современникам благотворительность и какова была ее оценка.

Из наиболее крупных журналов и газет того времени можно назвать «Московские ведомости» (1756), «Санктпетербургские ведомости» (1728), «Трудолюбивая пчела» (1759), «Трутень» (1769), «Всякая всячина» (1769). Газеты и журналы того времени значительно отличаются по формату и стилю от привычных нам изданий данного типа. Отсутствие новостных статей или фактологического материала в вышеупомянутых журналах не позволяют нам сделать вывод, насколько благотворительная активность частных лиц могла

стать информационным поводом, и какое значение данная деятельность имела в обществе. Тем не менее, извлеченный нами материал предлагает интересную трактовку основ социального служения и дает возможность косвенно понять отношение в обществе к данному вопросу.

На протяжении долгого времени (вплоть до начала XIX века) Санктпетербургские и Московские Ведомости не имели конкурентов. Первый номер Санктпетербургских Ведомостей на русском языке вышел 2 января 1728 года. (До этого в течение года она издавалась на немецком, поскольку большинство членов Академии наук, чьими силами она тогда издавалась, были немцами). Газета позиционировалась как непосредственное продолжение газеты «Ведомости», основанной еще Петром I, т.е. была основным органом печати того времени. Выходили Санктпетербургские Ведомости 2 раза в неделю и состояли из примерно 8 страниц основного содержания. Другую часть газеты составляли государственные и частные объявления, чей объем неуклонно возрастал с конца 1770х гг. В конце XVIII века раздел объявлений многократно превосходили основной текст номера. Тиражи во второй половине XVIII века составляли от 700 до 1,5 тыс. экз. к концу века выросли до 2,5 тыс., что позволяет говорить о ключевой роли данного издания в процессе формирования представления о благотворительности в России в данный период.

Традиционно Санктпетербургские Ведомости специализировались на зарубежных новостях. Однако к середине XVIII века в несколько раз увеличивается объем сообщений о внутрироссийских делах, появляются «горячие» и «сквозные темы», ориентированные спрос читателей. Хотя в освещении Российских дел газета ограничивалась публикацией императорских указов, внутренней статистики, государственных и частных объявлений, не предполагая наличие статей более обобщающего и фундаментального характера, ко второй половине XVIII века выделяются рубрики «Разные известия», «Любопытные известия», «Смесь», в которых

печатались новости, более приближенные к повседневной жизни граждан. Отличался даже язык повествования, неполитические известия зачастую излагались более живо и доступно.

Первый номер Московских Ведомостей вышел в 1756 вскоре после основания Московского Университета и типографии при нем. Долгое время газета была зеркальным аналогом Санктпетербургских Ведомостей, нередко материалы перепечатывались. Только через десятилетия она стала отличаться по содержанию и формату. Однако, сообщения, касающиеся жизни Московского университета появлялись регулярно как новости из Москвы. В числе сообщений о решениях Императрицы и Сената, касательно дел Московского университета, а также объявлений о прибытии иностранных профессоров, встречаются новости о пожертвованиях, сделанных в пользу университета высочайшими особами. В 1757 году появляется заметка, в которой говорится, что настало для России благословенное время, т.к. не только мужчины, но и дамы поняли ценность образования и показывают склонность к наукам. В качестве примера «Ведомости» приводили тот факт, что супруга действительного тайного советника Ф.В. Наумова – Мария Михайловна, подарила в университет тысячу рублей.¹⁵⁸

В целом русские газеты XVIII века были вполне информативны, идеологически нейтральны. Они еще не ставили перед собой пропагандистских задач и были только объективной хроникой жизни, адресованной любознательному читателю, сознающему себя частью цивилизованного мира.¹⁵⁹ Возможно, именно поэтому тема благотворительности на их страницах затрагивалась только в связи с государственными указами и распоряжениями на этот счет.

¹⁵⁸ Московские Ведомости, №_, 1757

¹⁵⁹ В.И Щербаков Россия и запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века. М. ИМЛИ РАН. 2003.

Несколько другая картина наблюдается в этот период в журнальной периодике. Если говорить о журналах второй половины XVIII века в целом, данные издания отличают короткий срок выхода (большая часть перечисленных журналов издавалась не дольше года), а также достаточно маленький тираж. Обусловлено это тем, что, во-первых, несмотря на эпоху просвещенного абсолютизма и развитию потребностей внерелигиозного характера, в России к тому моменту достаточно медленно формировался постоянный слой читающей публики; во-вторых, как по экономическим, так и идеологическим причинам, государственные периодические издания выходили значительно большим тиражом, чем частные.

Образ благотворительности на страницах этих журналов создается достаточно противоречивым. С одной стороны, описания каких-либо благотворительных поступков, явлений или учреждений отсутствуют, однако благотворение как характеристика личности упоминается исключительно в положительном контексте. Интересен также тот факт, что благотворительность как действие в основном ассоциируется со «знатными господами». Например, в журнале «Трутенъ» был опубликован следующий «Разговор»: «Трутенъ: Так, по твоему мнению, в знатных господах нет ни единого добродетельного человека. Я: Есть, только мало таких, которые помнят истину, любят добродетель и не позабывают, чтоони такие же человеки, как и те, кои их беднее, и чтоони в знатные возводятся достоинства для того только, чтобы больше могли делать благодеяний человечеству, помогать бедным и защищать утесняемых; а таких и очень мало, кои могут остерегаться ядовитного языка льстецов».¹⁶⁰ В то же время, на страницах того же «Трутня» видим мы и другие «картины». «Маска представляет женщину тихую, добродетельную, показывающую жалость об всяком пришедшем в несчастье человеке. Чувствительность ее о бедных видна тем больше, что при слушании о несчастных катятся ручьями слезы у нее; а в прямом виде

¹⁶⁰ Трутенъ. Лист XXXII. Декабря 1 дня. 1770.

изображается эта женщина самолюбивою и сребролюбивою; ее окружают несколько человек в разных видах. Она на неимущих взирает гордо, а раболепствует ничего не значащим, будучи сама чиновна. К одной стороне надпись: «Сия женщина ко умножению своей славы всем бедным помогать берется, а не собою, да знатными, кои ей знакомы: она выпрашивает у них на дворянок неимущих платье и деньги, чего, однако ж, никому никогда не отдает»»¹⁶¹. Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что круг лиц, занимавшихся в то время благотворительностью, ограничивался лишь властимущими слоями населения, занимавшимися этой деятельностью как частью своих обязанностей.

Итак, вторую половину XVIII века можно охарактеризовать как этап зарождения и первых шагов в формировании системы внецерковной благотворительности. Основным субъектом благотворительности в это время выступают представители правящих кругов: императрица и приближенное к ней дворянство. Объемы пожертвований остальных слоев населения в на данном этапе были несопоставимо более малыми. Основные реципиенты помощи – нищие и дети. Их можно назвать традиционными адресатами и религиозной благотворительности, что свидетельствует о продуманном поступательном движении государственной политики от нищелюбия к традициям гражданского долга и социальной ответственности населения. Внедрение в систему государственного призрения нового направления – попечения о ветеранах, их вдовах и детях – говорит о еще большем уходе системы в сферу социальную, а не религиозную. Освещение вопросов благотворительности на данном этапе осуществлялась в основном на уровне публикаций законодательных актов и информации о новых благотворительных учреждениях. Образ благотворителя, складывающийся из немногочисленных заметок в журналах и других источниках во многом

¹⁶¹ Там же Лист XIII. Марта 50 дня. 1770

противоречив. Государственная политика по улучшению имиджа благотворительности не прослеживается. Однако данный период характеризуется важнейшими, фундаментальными процессами, определяющими характер и русло дальнейшей благотворительности.

§ 2.2 Второй этап. 1800-1860е гг.

Следующий выделенный нами период, на первый взгляд необоснованно долгий с точки зрения истории благотворительности и социальной работы, может показаться неоднородным, дробным и непоследовательным и как следствие требующим разделения на несколько мелких этапов. Объемы финансовых вливаний, а также общественная вовлеченности действительно были крайне неравномерны. За несколько десятилетий в стране наблюдались стремительные перепады от всеобщего воодушевления (в связи с восшествием на престол Александра I и его поощрительной политикой в отношении частных благотворителей) и невиданного всплеска частных благотворительных инициатив (в связи с патриотическим подъемом 1812-1817 гг.) к усталости и апатии (вызванным постепенным разорением дворянства, сменой императора и государственной политики), и как следствие, серьезному колебанию объемов пожертвований и примеров индивидуального участия.

Однако тот путь, который прошла российская благотворительность с 1800х по 1860е гг., свидетельствует об эволюционном развитии благотворительности как социокультурного явления и представляется нам этапом, имеющим уникальный набор явлений и процессов, составляющих характерный для данного этапа «профиль» благотворительности.

О поступательности развития изучаемого нами феномена свидетельствует тот факт, что постепенно благотворительность как практическая деятельность, а также вопрос теоретического осмысления, начала затрагивать все сферы жизни общества. Во-первых, наблюдается

значительное, по сравнению со второй половиной XVIII века, расширение и упрочнение места благотворительности в общественно-политическом пространстве. Ярким свидетельством тому служит динамика роста количества законодательных актов о благотворительности на протяжении всего выделенного нами этапа (Табл.1.1 и 1.2)¹⁶².

Таблица 1.1

Год	1801	1802	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810
Количество законодательных актов по регулированию системы государственного призрения и частной благотворительности	8	20	31	10	15	14	16	15	14	19

Таблица 1.2

Год	1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835
Количество законодательных актов по регулированию системы государственного призрения и частной благотворительности	16	33	52	18	22	30	36	18	26	18

¹⁶² В таблице приведены сведения лишь первого десятилетия XIX века, собранные из Полного собрания законов Российской империи (II) Тт. 26-31, с целью наметить масштаб и динамику законотворческой активности в сфере благотворительности, которая сохранялась и в последующие годы исследуемого периода.

Как видим, несмотря на период серьезного спада благотворительности в начале Николаевской эпохи, внимание к законодательному регулированию данной сферы жизни общества, внимание это не угасало¹⁶³. Более того, расширяется и круг сфер, активно поддерживаемых благотворительностью, и требовавших по мнению власти законодательного регулирования. В первые десятилетия XIX века все законодательные акты тематически можно разделить на следующие основные группы: 1) акты, регулирующие деятельность Приказов общественного призрения; 2) акты, касающиеся деятельности учреждений, составляющих Ведомство императрицы Марии; 3) указы в отношении обеспечения инвалидов, военных инвалидов и их семей; 4) регулирующие частную благотворительность; 5) указы по военно-сиротским учреждениям. С 1830-х гг. появляются и новые крупные группы – акты, относящиеся к деятельности благотворительных обществ, а также указы, касающиеся минимизации нищенства.

Во-вторых, в обществе появляется необходимость теоретически осмыслить благотворительность как явление, а также говорить о ее отдельных актах, крупных и мелких пожертвованиях, примерах человеколюбия и благородного служения. Появляются статьи о благотворительности аналитического и информационного характера. Периодическая печать становится постоянным рупором частной и общественной благотворительности. Библиографический указатель, опубликованный в сборнике «Благотворительность в России. 2001», состоит из нескольких указателей, составленных в разное время разными исследователями, дает нам примерное представление об осведомленности и заинтересованности общества в благотворительности. Хотя он не включает журнальные и газетные статьи, а также не всегда учитывает отчёты благотворительных заведений и обществ, по его материалам можно составить таблицу, дающую

¹⁶³ Хотя согласно данным Соколова А.Р. эти законодательные акты составляли всего 3% от общего числа изданных за выделенный период указов, что, по мнению исследователя свидетельствует об ослаблении интереса государственной власти к проблемам благотворительности и общественного призрения.

представление об интересе общества к общим публикациям о благотворительности (история, общие вопросы) и исследованиям о благотворительности

Таблица 2. Число публикаций, изданных в первой половине XIX века.¹⁶⁴

Годы	1800е	1810е	1820е	1830е	1840е	1850е	1860е
Кол-во книг и статей	1	133	3	3	8	16	31

Но, пожалуй, главным свидетельством того, что благотворительность прочно вошла в повседневную жизнь общества, стала ее важной частью, новым полем социальной активности, служит признание ее особого места самими современниками. Автор Прогулки по Москве - заметке о современном состоянии Москвы, опубликованной в 1836 году в журнале Современник – с восторгом и изумлением отмечает перемены, произошедшие в постепенно восстанавливаемом городе, да и в обществе в целом. «Что за перемена в гражданском обществе совершается пред моими глазами тихо, неприметно? Перечту вам, говоря по варварски, факты: дом *Апраксина* на Знаменке, где бывало так шумно, весело, роскошно: это уже Александринский Сиротский Институт, который приобрел и соседние дома. Дом *Нарышкина*, на валу, достался Удельной Конторе и Училищу. В доме *Ермоловой* Гимназия. Другой дом *Ермоловой*, на Пречистенке, занят пожарным депо. Дом *Пашкова*, на Никитской, соединен с Университетом. Земледельческая Школа купила какой-то большой дом на валу за Смоленским Рынком, Дом князя *Голицына*, в Басманной, так называемый несгораемый, принадлежит Сиротскому

¹⁶⁴ Таблица составлена на основе данных полного библиографического указателя, опубликованного в сборнике Благотворительность в России. 2001: Исторические и социальные исследования. СПб. Лики России. 2001.

Преображенскому Училищу. Там же дом *графа Пушкина* куплен под гимназию, а великолепный *Куракинский* дом достался Межевому Училищу. *Лефортовские дворцы дома*, увеличенные и распространенные, приобретены Кадетскими Корпусами, и Ремесленным Училищем. В доме князя *Щербатова*, на Покровке Богодельня Человеколюбивого Общества. В доме *Дурасовых*, на Чистых Прудах, Комиссия для строений, в доме князя *Гагарина*, на Петровском Бульваре, Екатерининская Больница. В доме, бывшем князя *Урусова*, Училище профессора Павлова. В доме *Полтарацких*, у Калужских Ворот, Градская Больница. В доме князя *Щербатова*, в каретном Ряду, помещен военно-рабочий Батальон».¹⁶⁵

Значительные изменения, отмеченные современником, произошли в столь короткий промежуток времени (за первую четверть XIX века) благодаря несколькими ключевыми факторами и событиями общественно-политической жизни: 1) либерализация общественно-политической жизни, наблюдавшаяся в начале XIX века, дала мощный толчок для развития частных благотворительных инициатив; 2) Отечественная война 1812 года и связанный с ней патриотический подъем, а также необходимость решения острых социально-экономических проблем стали поводом к формированию новых сфер и форм благотворительности; 3) развитие периодической печати и возрастающая роль прессы как средства коммуникации и канала информационного обмена сыграло немаловажную роль в организации общественного мнения, в частности, в сфере благотворительности.

Рассмотрим теперь, из чего строилась в этот период благотворительность как система общественных отношений, какие элементы, и механизмы ее определяли. Другими словами, обращаясь к отдельным

¹⁶⁵ Современник Том 3, 1836

явлениям благотворительности первой половины XIX века составить ее типовой профиль.

Зеркалом эпохи, в котором отразились основные процессы, происходившие в сфере благотворительности в первой половине XIX века, становится Ведомство учреждений Императрицы Марии. В предыдущей главе уже говорилось подробно об уникальной роли самой императрицы в судьбе ведомства, да и в целом российской благотворительности на начальных этапах ее оформления в целостную систему. В данном разделе мы рассмотрим его развитие и изменения, которые происходили в нем в течение полувека, соотнося их с изменениями социально-экономической и общественно-политической жизнью российского общества.

Итак, начало Ведомству было положено в 1797 году указом «О принятии главного начальства над Воспитательными домами Императрице Марии Федоровне»¹⁶⁶, и как следует из названия самого указа, его первоначальную основу составляли Воспитательные дома Москвы и Санкт-Петербурга «со всеми принадлежащими к ним заведениями». Первые шаги, предпринятые Марией Федоровной, касались условий содержания опекунов – сокращения числа тех, кто содержался в Воспитательных домах до 600 человек и перевод остальных в деревни, а также увеличение срока содержания для юношей «дабы они могли быть сами мастерами, по выпуске их на свой счет работать и доставлять себе с семейством верное и безнуждное пропитание и содержание».¹⁶⁷ Вообще большую часть деятельности и забот Императрицы составляло укрепление хозяйственно-финансового положения. Значительную помощь в этом оказало получение особых льгот, испрашенных Марией Федоровной – сокращение почтовых тарифов для заведений, состоявших под ее покровительством до 0,5%, а также контракт, заключенный Санкт-Петербургским Опекунским Советом с Коллежским Советником Облонским

¹⁶⁶ ПСЗ I Т. 24. №17952

¹⁶⁷ ПСЗ I. Т.25. № 18804

и Коллежским Ассессором Фалеевым О содержании карточного откупа с 1807 года, согласно которому за право изготавливать и продавать по всей России игральные карты откупщики обязывались платить Воспитательному дому 257 000 рублей ежегодно¹⁶⁸ - все это говорит о протекционной политике со стороны государства, которую мы видели еще во второй половине XVIII века.

При этом основные надежды в финансовом отношении возлагались все же на участие и пожертвования частных благотворителей, привлечением которых учреждения Ведомства обязаны личным стараниям Марии Федоровны и опекунов. «Дополнительная главная книга бухгалтерии канцелярии опекунского совета» содержит хотя и не полные (поскольку представлены данные только по столичным заведениям), но достаточно показательные сведения о частных благотворительных пожертвованиях в Мариинское ведомство, сделанных до 1860 года. Пожертвования делались: на «приданное воспитанницам» (3 пожертвования общей суммой 86 222 руб.)¹⁶⁹, на «содержание кроватей в больницах для бедных» (19 пожертвований общей суммой 90 943 руб.)¹⁷⁰, на «содержание пансионеров в Санкт-Петербургском Николаевском сиротском институте» (8 пожертвований общей суммой 174 064 руб.)¹⁷¹, на «выдачу пособий воспитанницам, выпускаемым Николаевским сиротским институтом» (одно пожертвование на 288 руб.)¹⁷² и пожертвования «Сиротскому институту» (3 пожертвования общей суммой 39 973 руб.)¹⁷³. Большинство пожертвований скорее относится 30-40 м гг. XIX века, и сословный состав жертвователей здесь сдвигается в сторону купцов и разночинцев, в то время как в первой четверти XIX это были преимущественно представители дворянства. Приведенные нами данные отражает общую тенденцию изучаемого нами этапа в течение которого наблюдалась

¹⁶⁸ ПСЗ I. Т. 29. № 22193

¹⁶⁹ РГИА. Ф.758. оп.1. д. 124. Л. 1-3

¹⁷⁰ Там же Л. 4-22

¹⁷¹ Там же Л. 23-30

¹⁷² Там же Л. 31

¹⁷³ Там же Л. 32-34

постепенная смена сословного состава благотворителей от дворянства к купечеству, что окончательно закрепится уже во второй половине XIX века.

Политика по расширению Ведомства в деятельностном и географическом плане реализовывалась как за счет создания новых учреждений, но в большей степени благодаря передаче в Ведомство учреждений, созданных частными или общественными усилиями. К ним относятся, к примеру, Коммерческое училище в Москве, созданное усилиями Купеческого и Мещанского собрания, Тверской институт для воспитания благородных девиц, Дом призрения штаб- и обер-офицеров благотворительницы Шереметевой, Московская Голицынская больница, Демидовский дом призрения трудящихся, Попечительство бедных в Москве и многие другие. К моменту смерти Императрицы Марии Федоровны Ведомство насчитывало 39 заведений, а к концу рассматриваемого нами этапа к ним было присоединено еще около 30. Передачу подобного рода учреждений зачастую связывают с финансовыми трудностями в попытке решения которых основатели и управляющие искали покровительства мощной структуры с государственным участием (Мариинское ведомство или Императорское человеколюбивое общество), что придавало вес и улучшало имидж не только вновь присоединившихся заведений, но и самого Ведомства и власти в целом.

Однако, как уже было отмечено, рост Ведомства происходил еще и за счет создания новых учреждений. В 1803 году была утверждена программа учреждения вдовьих домов, казен и больниц. Проживание в подобных домах или получение пенсии было рассчитано на вдов, оставшиеся «по смерти мужей в военной или гражданской службе Российской империи от первого обер-офицерского до первого штаб-офицерского чина исключительно состоящих, по старости и слабости или по каким иным причинам безвинно не имеют никакого содержания ни от кого и ниоткуда пенсионов и наградных не

получают».¹⁷⁴ В 1840-е гг. по инициативе Николая I в рамках Ведомства начала формироваться сеть детских приютов разных категорий. Таким образом к концу рассматриваемого нами этапа Мариинское ведомство представляло собой обширную систему благотворительных учреждений, включавших в себя Санкт-Петербургский и Московский опекуны советы, Главный совет женских учебных заведений, Санкт-Петербургское женское патриотическое общество, Комитет Главного попечительства детских приютов, Благотворительное общество 1837 года в Москве, Александровский лицей, попечительства о бедных, больницы и богадельни, особому управлению вверенные. Ведомство управляло 365 школами, Воспитательными домами, приютами и богадельнями, где призревалося 60 898 человек, больницами, где лечилось 37 609 человек.¹⁷⁵ Анализируя весь объем его деятельности можно сказать, что в сфере деятельности Мариинское ведомство придерживалось двух основных направлений: с одной стороны оно обращало на себя покровительство тем сферам жизни общества, которые традиционно имеют важное значение в ценностной парадигме российского общества – образование и призрение детства, с другой – выступало как альтернатива отсутствовавшей в то время государственной системе социальной поддержки (вдовьи дома, богадельни).

Как было отмечено выше, первая половина XIX столетия отличается нарастающей социальной активностью в сфере благотворительности и расширению ее сословной базы. В среде благотворителей лидирующая роль принадлежала дворянству (особенно в первой четверти XIX века) и зажиточному купечеству. В благотворительную деятельность этого периода активно вовлекаются представители среднепоместного и мелкопоместного дворянства. Они начинают активное развитие благотворительных практик на местах, что привело к резкому подъему частной благотворительности в

¹⁷⁴ ПСЗ I. Т. 27. № 20607

¹⁷⁵ Ведомство учреждений императрицы Марии (1797-1897 гг.). СПб. 1897.

регионах, развитию новых форм и сфер благотворительности, а также упрочило место благотворительности в общественном сознании российского общества первой половины XIX века.

В благотворительной деятельности дворянства на этом этапе можно выделить две тенденции – внутрисословная благотворительность и благотворительная поддержка податного населения.

Идея сохранения и поддержки сословного уклада составляла основу мировоззрения российского общества первой половины XIX века. Как внутрисословная, так и поддержка податного населения служили именно этой цели. Хотя не существует единого реестра всех пожертвований и учреждений, созданных с благотворительной целью, анализ документов фонда хозяйственного департамента МВД¹⁷⁶, позволил сделать следующие наблюдения.

Благотворительная поддержка податного населения дворянством осуществлялась в рамках поддержки сферы здравоохранения. Из крупных можно выделить пожертвование князя Радзивила на (80 000 руб.) на Больницу в г.Бердичеве на 60 кроватей, Ген-лейт. Лунина (40 000 руб.) на больницу на 48 кроватей для крестьян и людей свободного состояния, графа Шереметева (500 000 руб., 3 дома в Москве и Петербурке) на Странноприимный дом гр. Шереметева в Москве, Голицынская больница для бедных в Москве была создана благодаря пожертвованию графа Голицына здания, имения в 713 душ и капитала, и т.д.

Но гораздо больше примеров дворянских пожертвований было обнаружено для устройства образовательных учреждений для неимущего дворянства. То есть внутрисословная благотворительность была в первую очередь направлена на образование как гарант поддержки высокого

¹⁷⁶ РГИА Ф.1287. Оп.11,12,13.

сословного статуса. Было учреждено Тульское Александровское училище для неимущих дворян, Тамбовское дворянское училище, Олонецкий пансион для воспитания «бедных дворянских детей», Тверской институт для воспитания благородных девиц и другие заведения.

Частные пожертвования дворян на благотворительность и призрение продолжались на протяжении всего этапа. Кроме того, активное участие дворянства в снабжении ополчения, устройство госпиталей и последующая работа по ликвидации последствий войн привела к тому, что некогда вносившие крупные пожертвования дворяне теперь и сами были вынуждены обращаться за благотворительной помощью. В Российском государственном историческом архиве хранятся сведения и документация организации, к которой были обращены просьбы разорвавшихся дворян. «Сословие попечителей призрения разорённых от неприятеля в 1812 г.» было учреждено в ноябре 1812 года и просуществовало всего 5 лет, до 1817. Деятельность «Сословия» заключалась в оказании помощи пострадавшим во время Отечественной войны, оно принимало и распределяло пожертвования, рассматривала прошения о помощи и выдавало пособия. Согласно уставу, оно оказывало помощь всем слоям населения, но будучи активными жертвователями на нужды армии и беженцев, провинциальные помещики чаще других сталкивались с тяжестью последствий военных разорений. Источником средств для оказания помощи были пожертвования частных лиц и учреждений. Пособия выдавались, в основном, жителям Московской, Смоленской, Витебской, Могилёвской, Калужской, Гродненской, Минской, Курляндской, Виленской губерний и г. Риги. Приведем пример прошения штаб-лекаря Краузе: «При нашествии в 1812 году на г. Смоленск, где я имел жительство, <...> я спокойно ожидал своей участи, не выезжая из города, занят будучи при том пользованием многих больниц, как между тем получил от покойного г. Главнокомандующего 2й Западной армией князя Багратиона и Смоленского Гражданского Губернатора барона Аша повеление находиться здесь для преподания помощи военнослужащим, что я и выполнял рачительно

до 5 августа, доколе совершенная необходимость не заставила меня с больною женою и четырьмя детьми для спасения самих себя бежать пешком из города <....> По возвращении нашел я дом свой, стоявший мне значительной цены, чрезмерно разоренным ... а что всего прискорбнее для меня, увидел крестьян своих Смоленского уезда сельца Старожищи разоренными дооснования».¹⁷⁷ Это и многие другие прошения свидетельствуют о том, что те, кто еще некоторое время назад были активными жертвователями и участвовали в благотворительности, сами оказались в положении нуждающихся и едва ли могли при помощи благотворительных пособий восстановить свое имущество и состояние.

Несмотря на тяжелую участь и послевоенные тяготы, дворянство как сословие по-прежнему остается активным участником благотворительной деятельности, проявляя новые инициативы, в том числе в создании благотворительных обществ.

Новая форма организации частных благотворительных усилий – благотворительные общества появляются и развиваются в первой половине XIX столетия. Первые общества стали возникать еще в начале века по большей части в западных губерниях. По данным отчета на 1813 год в Российской империи существовали следующие «частные общественные заведения»:

- 1) Филантропическое общество в Вильне, «призревавшее бедных и больных»;
- 2) Товариществоо пособия бедным в Брест-Литовске;
- 3) Общество добропорядочности в Новогрудке, которое «делало благотворения бедным»;
- 4) Общество благотворения в Харькове, оно «содержало бедных дворянских девиц в институте, воспитанников Харьковской гимназии,

¹⁷⁷ РГИА Ф.1309. Оп.1. Д.49. Л.40-41.

раздавало пенсии и единовременные пособия бедным людям разных состояний»;

- 5) Странноприимный дом графа Шереметева в Москве;
- 6) Училищная и убогая касса в Дерпте, которые содержали больницы и богадельни;
- 7) Крестьянский банк на острове Эзель, содержавший «сифилитический госпиталь и выдававший денежные пособия крестьянам»;
- 8) Городской банк в Вологде, «выдававший разные займы».¹⁷⁸

Данные сведения не представляются нам полными, потому что согласно Сборнику сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт Петербурге и Москве, опубликованному в конце XIX века, «из 2900 обществ и учреждений, о годах основания которых были доставлены сведения, 2817 – основано в нынешнем столетии и только 83 в предшествующих, начиная с XIII века, причем 60 из них относятся к губерниям царства Польского, Литовским и Прибалтийским и одно учреждение основано в Санкт Петербурге в конце XVII века. Остальные 22 основаны в XVIII веке, причем первое место занимают губернии – Курляндская – 8, Эстляндская – 3, Лифляндская – 1».¹⁷⁹ Как видим, форма организации частной благотворительности в систему благотворительных обществ в большей степени была характерна для западных стран, да и согласно отчету Министерства внутренних дел, данные которого мы приводили выше, большая часть из обществ, приведенных в нем также относится к западным окраинам. Первые благотворительные общества в столицах появились благодаря усилиям близких к двору кругов дворян.

¹⁷⁸Варадинов М. История министерства внутренних дел. Ч II, кн. 1. СПб. 1859. С.307-308.

¹⁷⁹ Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт Петербурге и Москве. 1899. С. 7

Патриотическое женское общество, учрежденное 12 ноября 1812 г., когда проект устава был представлен на утверждение Александру I,¹⁸⁰ было организовано представительницами высшего петербургского света: княгиней В.А. Репниной, графинями М.В. Кочубей, Е.А. Уваровой, княгиней С.Г. Волконской, А.П. Васильчиковой, Е.М. Олениной, графиней М.А. Воронцовой, С.П. Свечиной, графиней М.Д. Нессельроде, графиней А.И. Орловой, Е.В. Новосильцевой, и Е.И. Бахерахт¹⁸¹. По сведениям Е.С. Шумигорского, в составлении устава принял участие также известный общественный деятель и публицист А.И. Тургенев, ставший первым «правителем дел» нового общества.¹⁸²

Отличительной чертой новой формы организации частных благотворительных усилий было то, что общество учреждалось как организация, независимая от системы учреждений, подведомственных императрице Марии. Хотя покровительство его было все же вверено представительнице императорского дома - жене Александра I Елизавете Алексеевне. Ей полагалось предоставлять ежегодные отчеты о деятельности общества.

Согласно проекту устава «С. Петербургские дамы, исполняясь патриотическими чувствами... по свойству пола своего, находят приличным к тому средством взять на себя обязанность облегчать участь бедствующих от нашествия врага, с каковою целию и предложили учредить в Санкт-Петербурге заведение под названием Патриотическое женское общество, приглашая и прочих соотечественниц составлять и в других городах таковые заведения».¹⁸³ Помимо намерения расширить свою деятельность на всю территорию империи, учредительницы тщательно подошли и к вопросу

¹⁸⁰ Краткий исторический очерк действий С-Петербургского женского патриотического общества со времени основания (1812 г.) и сведения о способах общества, членов его и частных школах. СПб. 1848. С.12

¹⁸¹ Шумигорский Е.С. Императорское женское патриотическое общество (1812-1912). Исторический очерк. СПб. 1912. С. 6-7.

¹⁸² Там же С. 9.

¹⁸³ Проект благотворительного заведения под именем Патриотического женского общества. СПб. 1812. С. iii

управления обществом. «Учреждение...» предполагало два класса почетных членов (как женщин, так и мужчин), которые «не входят в правление и не имеют определенной должности», но должны «способствовать благосостоянию общества и облегчать участь бедных». Первый класс почетных членов образовывали те, кто обязался ежегодно вносить в общество какую-либо сумму, второй – те, «которые будучи не в состоянии давать денежное пособие, но одушевленные любовью к человечеству, пожелают другим образом содействовать облегчению участи страждущих», а именно: собирать пожертвования, доставлять в общество сведения о бедных или «разделить между неимущими подаяние».¹⁸⁴

Высокий статус учредительниц позволял добиваться больших успехов в сборе пожертвований благодаря личным обращениям к имеющим средства лицам. В историческом архиве хранится шаблон такого обращения:

«Милостивый государь мой.

Без сомнения вам уже известно, что в здешней столице учредилось, под покровительством Государыни Елизаветы Алексеевны, Патриотическое женское общество, которое предназначило себе целью вспоможение бедных, а наиболее претерпевшим совершенное разорение. <...> Позвольте от имени оно отнестись к вам, милостивый государь мой, и предложить, не угодно ли будет вам принять участие в благотворениях как на пользу всех вообще пострадавших от войны, так и в особенности для малолетних офицерских детей, лишившихся отцов своих на поле брани и по нищете принимаемых в Сиротский дом.»¹⁸⁵

Об успешности такого подхода можно говорить, опираясь на сведения о работе общества, содержащегося на страницах «Северной почты». Так, в номере от 2 июля 1813 года сообщается о получении казначеем общества от

¹⁸⁴ Учреждение Санктпетербургского патриотического женского общества. СПб. 1813. С. 13-14.

¹⁸⁵ РГИА Ф.1101. ОП.1. Д.311. Л.1.

неизвестной особы Симбирска ста рублей, 75 из которых присланы в казну общества, а 25 – для передачи какому-нибудь бедному воину, имеющему семейство и отличившемуся в нынешнюю войну. Газета извещает, что эти 25 руб. отданы казначеем рядовому Московского пехотного полка Тимофеем Митрофанову, потерявшему руку при взятии Полоцка.¹⁸⁶ В 1814 году Северная почта публикует отчет о денежных поступлениях (помесячно с 1813 года), общей суммой 334 042 руб. 12 коп., и расходах общества - 187 201 руб. и употреблении всей суммы «в течение того времени 2 548 семейств, находящихся в Губерниях Московской, Смоленской, Могилевской, Витебской, Гродненской, Виленской, Курляндской и Псковской...».¹⁸⁷ В январе 1814 г. в Петербурге была открыта Императорская Публичная библиотека. В номере «Северной почты» от 11.04.1814 г. сообщается, что Управление библиотекой решило издать отдельной книгой описание ее открытия и посвятило «книгу сию С. Петербургскому женскому патриотическому обществу с тем, чтобы все деньги, какие будут выручены на издание и переплет, препроводить в сие благотворительное сословие...»¹⁸⁸

Упоминания о деятельности общества встречается и в других периодических изданиях. Русский вестник извещает об организации училища «В сей дом назначено принимать 60 сирот; 30 уже приняты, а прочие будут в следующий год. Воспитанницы избираются из семей, разоренных от вторжения врага и лишившихся родителей своих, и всякого другого покровительства, а наипаче дочери офицеров, положивших жизнь свою в сей святой брани за царя и отечество». Училищу предстояло дать своим воспитанницам «способ питать трудами рук своих несчастные их семьи их и быть со временем добрыми женами, нежными и попечительными матерями. Следственно нравственность будет первым предметом иного...».¹⁸⁹ А «Сын

¹⁸⁶ «Северная почта» № 53, 1813.

¹⁸⁷ «Северная почта» № 21. 1814.

¹⁸⁸ «Северная почта» № 29. 1814.

¹⁸⁹ «Русский вестник» на 1814 кн.2. С.98-99.

Отечества» публикует полный текст отчета А.И. Тургенева о работе общества со дня его основания.¹⁹⁰

Активное освещение деятельности Патриотического общества в периодической печати, повсеместный отклик и помощь в его деятельности не могли не оказать влияние на появление подобных организаций как с столицах, так и в регионах. На протяжении всей первой половины XIX столетия подобные общества возникают с нарастающими темпами. (Табл. 3)

Таблица 3. Количество частных благотворительных обществ в первой половине XIX в.¹⁹¹:

	1810е	1820е	1830е	1840е	1850е
Количествообществ	28	33	76	73	138

Нарастающее количествообществ определяло широкий спектр их целей, а также расширение базы нуждающихся, которым общества оказывали помощь. Возникают объединения проживающих в России иностранцев для поддержки земляков – «Благотворительное общество в пользу швейцарцев в Одессе»,¹⁹² «Благотворительное общество в пользу немцев в Одессе»,¹⁹³ часть обществ ставит себе целью поддержку лиц определенной религиозной конфессии, что уникально для традиционно христианских основ благотворительности в нашей стране – «Попечительствоо бедных Евангелического исповедания в Москве»,¹⁹⁴ «Общество призрения бедных, принадлежащих к приходу Евангелической церкви Св. Петра в Санкт

¹⁹⁰ «Сын Отечества» №28. 1816.

¹⁹¹ Таблица составлена по данным Сборника сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительный учреждений в Санкт Петербурге и Москве. 1899.

¹⁹² ПСЗ-П. Т. 20. №19220.

¹⁹³ ПСЗ-П. Т. 21. №20340.

¹⁹⁴ ПСЗ-П. Т. 22. №20788.

Петербурге»,¹⁹⁵ «Общество призрения сирот Протестантского исповедания в Санкт-Петербурге».¹⁹⁶

Новым явлением, которое получит масштабное развитие и распространение уже в пореформенный период, то есть на следующем выделенном нами этапе развития благотворительности, являются объединения для взаимной поддержки или поддержки людей своей профессии, как например «Вдовья и сиротская касса Фармацевтического общества в Санкт-Петербурге».¹⁹⁷ Благотворители объединяются также с целью содействовать развитию образования вообще или только женского образования, как «Общества Св. Нины» в Тифлисе.¹⁹⁸ Вообще стоит отметить, что женская благотворительность переживает небывалый расцвет именно к концу рассматриваемого этапа, а уже во второй половине XIX века и до начала XX века станет пожалуй основным двигателем общественной благотворительности. Все это говорит о возрастающем понимании обществом многообразия и серьезности благотворительных задач.

Изучая сословную базу благотворительности первой половины XIX столетия, нельзя обойти вниманием и купечество. Наряду с помещичьим дворянством купцы активно жертвовали, а чаще оказывали посильную нематериальную помощь в период Отечественной войны и в процессе ликвидации ее последствий. «Появлялись ли в гостиных рядах раненные наши офицеры, – вспоминает литератор С.Н. Глинка – Купцы и сидельцы приветствовали их радушно. Нужно ли было им что-нибудь купить? Им все предлагали безденежно торопливою рукою и усердным сердцем. “Вы проливаете за нас кровь – говорили им, – нам грех брать с вас деньги”». ¹⁹⁹ Для поддержки армии и ополчения купцы стали бесплатно печь для войска хлеб из

¹⁹⁵ ПСЗ-П. Т. 14. №22899.

¹⁹⁶ ПСЗ-П. Т. 13. №22575.

¹⁹⁷ ПСЗ-П. Т. 21. №20704.

¹⁹⁸ ПСЗ-П. Т. 11. №20717.

¹⁹⁹ Глинка С.Н. Записки о 1812 годе. СПб. 1836. С. 44.

собственной муки и заготовлять сухари. «В списке пожертвований мы встречаем, например, 1000 аршин миткаля, 1000 аршин темно-зеленого сукна, 1500 аршин рубашечного холста <...> миски, тарелки, чашки, ложки (одного сорта для солдат, другого для офицеров), подсвечники, хрустальные стаканы, трубки, чубуки, табак, сахар, чай, вино, калачи (2000 шт.), лимоны, бинты, корпию» Купец Иван Кульянов пожертвовал 14 чугунных пушек, Иван и Андрей Быковские – 64 лафета».²⁰⁰ Но известны и крупные пожертвования, а также благотворительные заведения, созданные на пожертвованные купеческие капиталы (Больница купца Федоса Сыренкова в селе Шелекши, пожертвование в 15 000 руб. московского купечества на отделение для раненных и увечных воинов при Московском доме для бедных, пожертвование в 60 000 руб. на Орловскую богадельню на 50 человек от купца Синцова.²⁰¹).

Однако характер благотворительной деятельности купечества, а также подходы к ее реализации отличались от дворянской, что особенно ярко проявилось уже к 1840м гг. Если первоначально, вступая в ряды активных жертвователей, купеческое сословие пыталось через свою деятельность показать себя перед властью, а также выказать согласие с передовыми взглядами на развитие общества, вполне очевидно, что формы реализации их благотворительных деяний брали за образец дворянские и представителей монаршей власти (крупные пожертвования в учреждения Ведомства императрицы Марии, учреждение средних специальных образовательных заведений, создание богаделен). С развитием общественного сознания формулируется идея о деятельностном подходе к благотворению, а также необходимости гарантировать надежность пожертвованных капиталов. В поисках финансовой устойчивости создаваемых благотворительных заведений создается новая форма оказания поддержки – общественные банки.

²⁰⁰ История Москвы: в 6 томах / АН СССР, Ин-т истории. – М. Изд-во Акад. наук СССР. Т. 3. С. 83.

²⁰¹ РГИА Ф.1287. Оп.11,12.

Нам уже встречалось упоминание о Крестьянском банке на острове Эзель и городском банке в Вологде, упоминаемых в числе частных благотворительных организаций начала века, в 1840-1850 гг. таких банков насчитывалось уже 20.

В распоряжении «Об учреждении в Иркутске Сиропитательного заведения и частного при нем Банка»²⁰² цель создания и благотворительная функция этого заведения определяется следующим образом: «Цель учреждение сего банка состоит в том, чтобы пожертвованный Медведниковыми и другими благотворителями капитал обращаем был в ссуды для вспомоществования иркутским жителям в торговых их оборотах, и на получаемые с оного проценты иметь более средств к содержанию и распространению Сиропитательного заведения». По замыслу купцов-учредителей «банк при первоначальном учреждении принимает капиталы только от тех вкладчиков, кои пожелают отдать оные безвозвратно или с возвратом через 5 лет с тем, чтобы проценты с оных обращались на содержание воспитанниц или пансионеров<...> или другие благотворительные заведения»²⁰³. Как видим, это совершенно новый подход к благотворительности, когда средства на нужды призреваемых не просто отдаются безвозмездно, но зарабатываются именно с этой целью. Нам представляется, что подобный подход характерен именно для купеческого сословия, поскольку затронутая нами в связи с мотивацией благотворителей идея о греховности денег, и тем более ссудных операций приводила к стремлению искупления богоугодными делами, то есть обращением выгоды от них на нужды благотворительности.

Принцип зарабатывания денег на благотворительность стал для первой половины XIX столетия достаточно популярным и реализовался еще и в другой форме. В период всплеска патриотического движения и частных благотворительных инициатив в период Отечественной войны 1812 года,

²⁰² ПСЗ-П Т. 11. № 9933.

²⁰³ Там же.

периодические издания пестрили сообщениями об организации концертов с благотворительной целью. В номере «Северной почты» от 4 марта 1814 года говорится: «Господин тайный советник и сенатор А.З. Хитрово, находясь в Вологде, доставил в Санкт-Петербургское патриотическое общество 610 руб. Деньги сии собраны там за спектакль, данный в пользу разоренных от неприятеля. Приношение сие, доказывающие благородные чувствования вологодской публики, Патриотическое женское общество приняло с благодарностью».²⁰⁴ По инициативе жителей города Гольдингена Курляндской губернии был устроен публичный спектакль, прошедший «с наилучшим успехом».²⁰⁵ А устроенный в Нижнем Новгороде кн. Н.Г. Шаховским маскарад в пользу инвалидов собрал 948 руб. 60 коп.²⁰⁶ О благотворительном спектакле в Ярославле, позволившем собрать «до тысячи рублей», сообщается в номере от 30 мая 1814 г., то есть через годы после окончания войны. Деньги на благотворительность зарабатывались не только увеселительными мероприятиями. В «Русском инвалиде» читаем благодарность господину Гартмана, приславшему 300 руб., которые он выручил от продажи его музыкальных произведений²⁰⁷, чуть позже сообщается о намерении стихотворца графа Д.И. Хвостова пожертвовать в пользу инвалидов деньги от продажи его оды «На истребление французской армии в России 1812 г...»²⁰⁸, а №40 извещает о пожертвовании дерптским профессором Моргенштерном 75 руб., вырученных от продажи экземпляров его речи, произнесенной над гробом М.И. Кутузова.

Многочисленные примеры из разных уголков страны удивляют не столько масштабом благотворительности, но позволяют сделать вывод о сложившихся в обществе представлениях о благотворительности как сфере социального творчества, где каждый мог реализовать свои благородные

²⁰⁴ «Северная почта» № 21. 1814.

²⁰⁵ «Северная почта» № 16. 1813.

²⁰⁶ «Северная почта» № 102. 1813.

²⁰⁷ «Русский инвалид» № 25. 1813.

²⁰⁸ «Русский инвалид» № 34. 1813.

порывы. Встречаются также сообщения о благотворительных мероприятиях и сборах, приуроченных к дню рождения Александра I. В Дерпте на больных и раненных по этому случаю собрали 863 руб., в Бердичеве – 1000 руб., в Риге жители передали военному генерал-губернатору 13 000 руб. ассигнациями, из которых 10 000 руб. предназначались инвалидам, а 3 000 руб. могли быть использованы в пользу военнослужащих по усмотрению самого генерал-губернатора.²⁰⁹ Эти сообщения наводят на мысль, что традиционная парадигма российской культуры видеть власть и ее представителей важнейшим элементом повседневной жизни и гарантом стабильности, наложило свой отпечаток и на эту форму общественной благотворительности. Позже, особенно ко второй половине XIX века организованные частными усилиями благотворительные мероприятия все чаще начинают приурочиваться к дням рождения и памятным датам в жизни членов императорской семьи.

Как видим, примеры частной и общественной благотворительности все чаще становились информационными поводами для периодических изданий этого периода. Совершенно новым для культуры российской благотворительности первой половины XIX века становится участие и влияние периодической печати на образ, оценку и темпы развития благотворительности как социокультурного явления. Первая половина XIX века в целом отмечена бурным ростом периодических изданий, увеличением темпов развития газетной, а также журнальной периодики. По сравнению со второй половиной XVIII века увеличивается как тираж, так и срок существования самих изданий, они становятся более объемными и тематически разнообразными, и что примечательно, тема благотворительности постепенно занимает все больше места на их страницах.

Присутствие темы благотворительности в печатных СМИ наблюдается в исследуемый период как в журналах, так и газетах. Все периодические

²⁰⁹ «Северная почта» № 103. 1813, а также №№ 4, 5, 7, 12. 1814.

издания, освещавшие примеры общественного служения в этот период, можно разделить на три группы в соответствии с их задачами, а также типом материалов, публикуемых на их страницах.

Важной вехой в истории благотворительности становится появление издания, посвященного исключительно благотворительной тематике. «Журнал Императорского человеколюбивого общества, издаваемый комитетом оного по ученой части» издавался с июля 1817 по декабрь 1826 с целью пропаганды благотворительности и своей деятельности, публикации отчетов о деятельности самого общества и размещения полезных сведений для нуждающихся и благотворителей, освещения основных событий в сфере благотворительности в России и за рубежом. В журнале также помещались сведения о знаменитых иностранных филантропах и богоугодных заведениях; печатались уставы новых заведений благотворительной направленности, извещения о крупных пожертвованиях или мероприятиях, проводимых с благотворительной целью, и т.д. Начиная с 1818 периодически печаталась «Общая ведомость о больных бедных, пользовавшихся во всех частях города врачами ведомства Медико-филантропического комитета». Иногда публиковались и крупные трактаты о благотворительности зарубежных авторов и рецензии на них, а также исследовательские работы на тему благотворительности. Так, в 1825 на протяжении шести номеров публиковался перевод сочинения В. Перси «О том, были ли благотворительные заведения у древних, и если нет, то что заступало их место?»²¹⁰. И хотя в первой половине XIX века журнал был единственным русским периодическим изданием, посвященным исключительно теме благотворительности, уже в следующий исследуемый нами период количество подобных изданий резко возрастет и приобретет широкий охват и популярность.

²¹⁰ Журнал Императорского человеколюбивого общества. Кн.2. 1825.

Вторую группу изданий, затрагивавших тему благотворительности, составляют общественно-политические и литературные журналы. В данный период количество материала, посвященного изучаемой нами тематики не велико и согласовывается с общими тенденциями в сфере благотворительности этого периода, т.е. повышенным интересом в период отечественной войны, обращением к общим теоретическим основам и зарубежному опыту благотворительности в процессе развития системы общественного призрения и благотворительных учреждений частного характера. Чаще всего статьи о благотворительности, отчеты о деятельности отдельных благотворительных обществ и другие материалы появлялись в журналах Вестник Европы (1802), Сын Отечества (1813) и Современник (1836). Материалы о благотворительности, публикуемые в разделах «Смесь» или «Разные известия» представляли собой небольшие заметки и имели скорее ознакомительно-познавательный характер. Письма от декабря 1812 года, говоря об общем положении русских земель после наполеоновского нашествия, отмечают, что «В Ярославле, Владимире, в Муроме и Нижнем весьма много несчастных выходцев из разрушенной столицы, но я нигде не встречал просящих подаяния; видно, что великодушие и человеколюбие нашего народа везде предшествуют нищете, а благодеяния предупреждают нужду»²¹¹. В 1815 в том же разделе Смесь мы читаем Известия Совета Харьковского общества благотворения, в которых говорится об утверждении членом Общества благотворения графа С.М. Каменского, который, в свою очередь, «принимает на себя звание Члена сего Общества и сверх того назначает вносить каждого года к 1 октября по триста рублей»²¹². Отдельным блоком в разделе Смесь публиковались вплоть до 1820 года объявления о «благотворениях». Как правило, это были небольшие отчеты о поступивших благотворительных суммах и их распределении. «Из Волчанска при письме с подписью: В-ка получены пятьдесят рублей для вручения обучавшему в

²¹¹ Сын отечества №2, 1812

²¹² Сын отечества № 46, 1815

пансионе Госпожи Ришард рисовальному учителю И.М. П-ву, почти вовсе лишившемуся зрения, и находящемуся в крайней бедности»²¹³ Встречающиеся материалы являются свидетельством степени интеграции благотворительных деяний представителей разных сословий в повседневную жизнь общества.

В Вестнике Европы встречаются статьи о системе государственного призрения за рубежом, «Способ истребить нищету в государстве, предложенный французским консулом» (1802 г.) или рассуждения о благотворительности общего характера. «Дела человеколюбия служат украшением веку и государству... патриот, любя добродетель во всех землях, обожает ее в своем отечестве, она есть важнейшая услуга государству, и пример ее не только улучшитель, но и полезен в гражданских связях, имея спасительные влияния на общие нравы. Потому обнаружение великодушного дела есть приятная обязанность всякого гражданина».²¹⁴

В Современнике мы видим несколько другой формат материалов. Здесь представлены большие статьи, посвященные отдельным личностям, прославившимся на поприще благотворительности или памятным событиям, или явлениям в этой сфере. Уже в первом томе журнала за 1836 год встречается статья, приуроченная к выпуску Императорского воспитательного общества благородных девиц, прославляющая деятельность Императрицы Марии Федоровны, дело призрения и женского образования в целом. «Благо, распространяющееся по России с каждым выходом воспитанниц из Институтов, состоящих под непосредственным ведением Государыни Императрицы, поистине не оценено. ...» Статья наполнена восторженными описаниями не только деятельности и личных качеств, преданности и человеколюбия самой императрицы, но и неоднократно подчеркивается та польза, которую благотворительная поддержка оказывает моральному облику будущих поколений нашего

²¹³ Сын отечества № 49, 1815

²¹⁴ «Вестник Европы» № 5. 1802.

государства. Ставится вопрос не столько финансового или социального значения подобной деятельности, но скорее морального. «В разных заведениях, пользовавшихся неусыпным Ее надзором, сколько тысяч молодых особ обоего пола образовалось в продолжение сорока лет! И преимущественно воспитание девиц, столь тщательное и во всех отношениях примерное, во скольких семействах утвердило добрые нравы и настроило души к новой прекрасной жизни! В каждом из них Императрица возрастила три поколения. <...> Светлая жизнь наша, домашние удовольствия, вкус, господствующий в избранных обществах, лучшие потребности ума и лучшие движения сердца, все это Ее создание. И все это сделалось уже необходимою стихиею нашей жизни».²¹⁵

Третья категория – издания, выступающие в роли организаторов благотворительности. Явление это было характерно в основном для первой трети XIX века в связи с желанием даже самых малообеспеченных представителей общества внести свою лепту (суммы, исчисляемые несколькими рублями, одежду, лекарства и проч.) в дело поддержки армии и ликвидации последствий войны. Здесь публиковались сведения о различных пожертвованиях, а также рассказывалось о людях, в таких пожертвованиях нуждавшихся. Редакции газет брали на себя функции сбора пожертвований, распределения их среди нуждающихся, а также публикации подробных отчетов кому и какие суммы были переданы. Масштабы финансов, передаваемых в издательства, были небольшими по сравнению с капиталами, передаваемыми в учреждения Ведомства императрицы Марии или Приказов общественного призрения, однако значение этого взаимодействия и реализации благотворительных инициатив населения через периодическую печать выходило за рамки обычных механизмов благотворения. Подобное освещение в прессе ставило благотворительность в ряд актуальных общественных проблем, приучало общество видеть в благотворительности

²¹⁵ «Современник» №1. 1836

дело повседневных забот обычного гражданина, не зависимо от его происхождения, достатка или рода деятельности.

«Русский вестник», - журнал, издававшийся с 1808 года, был задуман С.Н. Глинкой, представителем древнего дворянского рода, как издание патриотической направленности, ввел у себя специальный раздел «Благотворительные известия». Важную роль в данном издании, на наш взгляд, играло то, что заметки здесь носили не просто статистический характер, как например это было в Сыне отечества, а приводились полные тексты писем благотворителей, адресованных редакции и читателям. Письма эти, от искренности благотворительного порыва были порой очень эмоциональными, что наверняка оставляло след в сердцах читателей и могло стать мотивирующим фактором для первого пожертвования. «Дай Боже богатым чувство сострадания к бедным! А я, читая в 10 книжке Русского вестника уведомление о бедном, от неприятеля разоренном семействе, уронил слезу, прямо из сердца выкатившуюся, и не могу уделить из малого моего жалования более 10 рублей. Посылаю их бедному семейству, помня нашу русскую пословицу: с миру по нитке, голому рубашка»²¹⁶ пишет анонимный жертвователь в издательство «Русского вестника». Письмо это является для нас показательным по нескольким причинам. Во-первых, листая периодику того периода часто можно столкнуться с анонимными обращениями и пожертвованиями. Благородные деяния совершенные еще и в скромности вызывали как у издателей, так и у читателей особенное уважение и почтение. Во-вторых, самоотношение пишущего к передаче столь малой суммы и апеллирование к «нашим русским» традициям не ассоциирует благотворительность напрямую с богатством, а лишь призывает богатых обратить свое внимание и призреть нуждающихся.

²¹⁶«Русский вестник». Кн. 13. 1814.

Особое место в плеяде периодических изданий с организационными функциями занимает газета «Русский инвалид», созданная в 1813 года в первую очередь с целью оказания помощи инвалидам и семьям погибших в войну. Отличительная черта издания в том, что по сравнению с остальными газетами и журналами, создавалась она как способ зарабатывания денег на благотворительность. Цели газеты отвечали действительным потребностям общества, и хотя в первых ее номерах лишь перепечатывались новости о действиях наших войск за границей, старые заметки «Северной почты» и статьи из старых иностранных газет, ее активно поддержала публика, и лица, чья поддержка оказалась решающей. Активная поддержка газеты читателями уже с первых номеров позволила издателю П.П.Пезаровиусу уже в 4-м номере поместить следующее обращение: «Нижеподписавшийся издатель сего, в пользу инвалидов, солдатских вдов и сирот посвящаемого журнала, обязался в предуведомлении своем извещать ежемесячную публику о состоянии кассы, выручаемой от сего издания, поскольку такового толькооткровенностью в производстве дела своего и строжайшей исправностью в наблюдении при отчетах своих определенной формы удостоверить может более или менее публику в безысходности предприятия своего». Здесь перечислялись первые пожертвования (1 576 руб. от членов императорской фамилии) сообщалось, что «от подписчиков в оплату поступило 2 160 руб.²¹⁷Очень важна для авторитета газеты и лично для П.П. Пезаровиуса была поддержка царской семьи. После каждой значительной победы русских войск императрица Мария Федоровна присылала в «Инвалид» крупные пожертвования от имени «счастливой матери и детей ея»²¹⁸, что, несомненно, способствовало росту числа подписчиков и жертвователей.Помимо покровительства высокопоставленных лиц решающую роль в популяризации благотворительных целей газетысыграла инициатива актера немецкого театра Борка, объявившегоо намерении пожертвовать в пользу инвалидов весь сбор

²¹⁷ Краткая история газеты «Русский инвалид». СПб. 1848. С.8.

²¹⁸ «Русский инвалид» №4. 1813.

со своего бенефиса. Представление, состоявшееся в июле 1813 г., имело большой успех и чистый сбор составил 2 750 руб., из которых 2 500 руб. П.П. Пезаровиус отложил на образования «основного капитала, долженствовавшего в дальнейшем стать главным источником благотворительной помощи»²¹⁹.

Издатель отказывался от всякой личной выгоды и даже от оплаты за свой труд и обязывался «весь остаток за вычетом нужных на печатание издержек употреблять на вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам». «Каждый из г-д подписавшихся, - говорится далее в объявлении, - имеет право предоставить раненых и увеченных в нынешнюю войну и об учинившихся через то солдатскими вдовами и сиротами для доставления им нужно пособия». То есть обществополучало возможность не только помогать нуждающимся, но и судить о том, кто именнотребует в благотворительной поддержке.

Издатель обязывался ежемесячно информировать читателей о всех получающих помощь, о выданных им суммах и о количестве всех денег, поступивших в кассу. Похожие сообщения были и в других изданиях, например, в разделе «Благотворения» журнала «Сын Отечества», однако приведенным там обращениям жертвователей редакция давала лишь короткий комментарий об употреблении поступивших по этому обращению средств. Материалы «Русского инвалида» можно разделить на три группы: 1) сведения о поступлениях средств в адрес издательства; 2) сведения о получаемых помощи; 3) ежемесячные отчеты П.П. Пезаровиуса о состоянии кассы и чистые получающих из нее. Отличительной чертой этих материалов можно назвать с одной стороны системность, с другой и эмоциональность, личный подход в повествованиях о судьбе тех, кому были направлены пожертвования и иногда ответы нуждающихся своим благотворителям. Если

²¹⁹Краткая история газеты «Русский инвалид». СПб. 1848. С.16.

говорить о самих пожертвованиях, то вначале чаще всего встречаются индивидуальные пожертвования в несколько десятков, а иногда и менее десяти рублей. Много приходит «от неизвестных», но иногда пожертвования сопровождаются письмами, которые обязательно размещаются на страницах «Русского инвалида». Пожертвования разного рода обществ и городов составляют сотни и даже тысячи рублей, однако основная масса благотворителей - люди небогатые, жертвующие по велению гражданского долга.

«От вас, любезные сограждане! - обращался издатель к подписчикам, - ожидаю я теперь благосклонной помощи. Только соединенными силами можем совершить предполагаемое доброе дело. Еще повторю, что не личные какие-либо выводы побуждают меня к предпрятию труда сего, но единственно священная принадлежность к героям, сражавшимся за наше спокойствие и независимость и желание содействовать, по возможности моей, к облегчению участи вдов и детей храбрых воинов, павших на поле чести за любезное Отечество. Намерение благо – средства позволительные – да будет и конец благоуспешен!». ²²⁰

Итак, многообразие процессов, происходивших в обществе, экономике и политике Российской империи, отразилось на развитии благотворительности как явлении социокультурной жизни. Отличительной особенностью данного этапа можно назвать процесс формирования гражданского самосознания, расширение возможностей для социального творчества, а также закрепление в общественном сознании высокого статуса благотворительности как формы гражданского служения, главенствующую роль имеют новые ценности – образованность, гуманность и человеколюбие.

Первым значительным сдвигом, обуславливающим многие новые тенденции в этой сфере, было изменение социальной базы

²²⁰ «Русский инвалид» за сто лет. Юбилейный очерк. СПб. 1913. С.2.

благотворительности. Переход лидирующей позиции в сфере благотворительности от аристократии к провинциальному дворянству и зажиточному купечеству привел и к модернизации форм реализации благотворительной помощи. Хотя взаимодействие власти, стремившейся направить усилия частных благотворителей на решение наиболее острых социальных проблем, компенсируя тем самым отсутствие системы социальной помощи, сохранялась, наблюдается определенная степень свободы гражданского творчества, что и привело к появлению новых сфер и форм благотворительности.

К новым успешным формам организации благотворительной поддержки можно отнести образование благотворительных обществ, создание городских и общественных банков, создание организаций сословной благотворительности. Возникновение последних говорит также о расширении сословной базы и самих нуждающихся. Если на более ранних этапах, основными адресатами благотворительности были нищие, увечные и дети из недостаточных семей, то в первой половине XIX столетия широкое распространение получила благотворительная поддержка беднеющего дворянства, внутрисословная помощь купечеству, появлялись первые примеры корпоративной помощи. Уникальный пример гражданской самоотверженности и всплеска благотворительности показала Отечественная война 1812 года и период ликвидации ее последствий. В это время были представлен новый подход – зарабатывание на благотворительность, активное участие принимали представители всех сословий, оказывалась не только материальная помощь, но и деятельное участие.

Периодическая печать, активно развивавшееся в это время, также была вовлечена в благотворительную деятельность и стала участником взаимоотношений жертвователей и нуждающихся. Уникальным явлением можно назвать то, что органы печати становятся организаторами благотворительных сборов, участвуют в распределении средств среди

нуждающихся. Помимо этого, широкое освещение деятельности частных благотворителей не только доносило до читателей идею актуальности подобных социальных проблем и возможности решения ее совместным участием, но и создавало благоприятный имидж благотворителя, популяризируя благотворительность как акт гражданского служения.

§ 3.3 Третий этап. 1860е – 1910е гг.

Вторую половину XIX столетия по праву называют «Золотым веком» российской благотворительности. Основаниями для такой характеристики служат многие факторы и показатели. В этот период наблюдается не только колоссальный объем и разнообразие сфер и форм благотворительности, но и разнообразие ее субъектов. Появляются благотворительные общества новых типов, развивается система женского образования, городских банков и т.д.. Помимо этого, в данный период благотворительность стала предметом изучения и осмысления, что привело к появлению большого количества сборников статистических данных, очерков по истории отдельных ведомств и организаций, биографий видных деятелей благотворительности. Благотворительные учреждения и общества, просуществовавшие к данному этапу уже не один десяток лет, становятся предметом общественной гордости, а также показателем развития гражданского общества, и как следствие, заставляют современников взглянуть на историю российской благотворительности с тем, чтобы оценить ее сильные и слабые стороны, а также предложить новые траектории развития. Причин подобного расцвета можно выделить несколько. Во-первых, предыдущий этап подготовил хорошую базу для развития частных инициатив во многих направлениях. Были намечены новые сферы и формы. Во-вторых, изменилось отношение к благотворительности, благодаря печати она стала частью повседневных общественных забот. Но главным толчком для перехода

частной благотворительности и общественного призрения на новый уровень становятся преобразования в обществе 1860х гг.

Российское общество всегда оказывало благотворительную помощь армии достаточно горячо, однако поражение в Крымской войне, усугубляемое тем фактом, что дворянство, на которое традиционно опиралась власть, было уже далеко не так состоятельно, как в начале века, привели к общему спаду настроений и резкому уменьшению пожертвований. В 1854 г. – 59 крупных пожертвований на сумму не менее 4 млн. руб., в 1855 г. – 24 пожертвования на сумму менее 1,7 млн. руб., в 1856 г. – 7 пожертвований на сумму менее 0,5 млн. руб.²²¹ После осознания поражения в войне как «общенациональной катастрофы», неотвратимо пришло понимание необходимости государственных и общественных преобразований и модернизации общества. И такие преобразования не заставили себя ждать.

1 января 1864 года начало действовать «Высочайшее утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях», которое упразднило Приказы общественного призрения в 34 земских губерниях, а ответственность за помощь нуждающимся была возложена на земства. Стоит вспомнить, что частные благотворительные инициативы все чаще возникали в регионах, но в большей степени исходили от купечества или дворянства, имеющих для этого достаточные средства. Остальные категории населения могли жертвовать в приказы общественного призрения, круг деятельности которых был ограничен правительственными установлениями. Передача большей управленческой свободы в земства означало и свободу в распоряжении благотворительными средствами. В 1866 году в Череповце была учреждена богадельня крестьянина Малкова²²², в 1863 – Товьинское еврейское гробокопательное общество²²³ и таких примеров в

²²¹ Данные по Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства. СПб. Лики России. 2006. С. 451.

²²² РГИА Ф. 128. Оп. 14. Д.350.

²²³ РГИА Ф. 128. Оп. 3. Д. 943.

архиве Хозяйственного ведомства МВД мы находим массу. «Благодаря полученным от частных лиц крупным суммам, уже в 1860-90 гг. был создан ряд новых заведений с муниципальным и земским статусом в разных регионах. Передача капиталов на устройство заведений земствам и муниципальным органам показывала, что укрепление авторитета органов местного самоуправления стимулировало возникновение в психологии местных жителей такого компонента гражданской идентичности, как желание решить проблемы бедных местного сообщества».²²⁴

Еще одной важной вехой в развитии российской благотворительности становится передача в 1862 году права на рассмотрение всех дел и утверждение уставов благотворительных обществ в компетенцию МВД.²²⁵ Отсутствие теперь необходимости получения Высочайшего соизволения упростило бюрократическую процедуру, что послужило поводом к еще более динамичному развитию их числа.

Таблица 4. Рост количества благотворительных учреждений во второй половине XIX века. (в одном Санкт-Петербурге)

Годы	1860е	1870е	1880е	1890е
Количество учреждений и обществ	125	311	499	898

Если говорить об общероссийском масштабе, то к 1901 году насчитывалось 6268 благотворительных обществ в городах и сельской местности²²⁶.

²²⁴ Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призвание в России XIX – начала XX вв. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг. Вып.2. М., 2000. С. 167.

²²⁵ ПСЗ-П Т.27 №.37852.

²²⁶ Благотворительность в России. СПб. 1907. Т.1. С. XXVII.

При таком подъеме общественных инициатив логично предположить, что полугосударственные ведомства, традиционно задававшие тон и направление общественных инициатив (Ведомство учреждений императрицы Марии, Императорское человеколюбивое общество, основанное еще в начале XIX века как орган по сбору и распределению пожертвований, недостаточных для учреждения отдельных благотворительных заведений) потеряют популярность среди частных жертвователей и сократят объемы своей работы. Однако, в Мариинское ведомство по-прежнему продолжают входить общества и заведения, созданные на средства частных благотворителей. В 1855 году в нем состояло 365 учебных и благотворительных заведений, в которых обучалось 9 534 чел., призревалося 60 898 и получало медицинскую помощь 37 609 чел. в год, а в 1881 в 459 заведениях обучалось 20 500 чел. (не считая школ для слепых и глухонемых), получало медицинскую помощь 425 000 чел.²²⁷ К 1884 г. Ведомству принадлежало 595 капиталов на сумму почти 90 млн. руб. серебром.²²⁸ Во-первых, для благотворительных учреждений и организаций

Второй важнейшей переменной в Мариинском ведомстве были изменения в системе женского образования. К этому времени «мнение, что женщина может получить образование только в строго закрытых женских учебных заведениях, вне влияния семьи и общественной среды, внушенное Бецким и державшееся в нашем отечестве около ста лет, после учреждения первого женского института, - к концу пятидесятих годов значительно поколебалось».²²⁹ В 1859 году по плану Вышнеградского и под покровительством Марии Александровны «в виде опыта» было создано первое открытое женское учебное заведение – женская гимназия для дочерей лиц всех сословия и исповеданий. «успех этого опыта побудил многие городские общества ходатайствовать открыть гимназии на свои

²²⁷ Ведомство учреждений императрицы Марии, 1797-1897 гг. СПб. 1897. С. 21, 28, 29, 245

²²⁸ Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. I. СПб., 1884. С. XII-XIII

²²⁹ Ведомство учреждений императрицы Марии, 1797-1897 гг. СПб. 1897. С. 22.

средства»²³⁰Скорее «опыт» этот, как и в других подобных случаях, лишь приоткрыл дверь давно назревшей общественной потребности, и она ворвалась в нее, ничего не дожидаясь. Уже в марте 1861 года в Мариинское ведомство приняты женские училища, учрежденные на городские средства в Симбирске и Кашине²³¹

Открытое образование было не только приемлемо для большинства семей по своему характеру, но и едва ли не на порядок дешевле закрытого. Если обучение дочери в институте стоило семье свыше 400 рублей в год, то плата за обучение в женской гимназии, открытой Мариинским ведомством, составляло только 50 рублей в год, а для тех, кто хотел дополнительно изучать немецкий и французский языки, 55 рублей.²³² Понятно, что это открывало дорогу к образованию дочерей и городским семьям со средним достатком.

Важнейшей заслугой земства в области помощи нуждающимся историки прошлого считают «установившееся в нем убеждения недостаточности мер собственно призрения и в необходимости предупредительных, профилактических начинаний в этой области».²³³ А именно, расходы земств по таким статьям как «стипендии недостаточным учащимся», «пособие ремесленным и профессиональным школам», «пособие частным учебным заведениям».

Особой приметой данного этапа становится небывалое расширение социальной базы благотворителей, понижение их социального, сословного статуса. Если в предыдущую эпоху инициаторами создания обществ выступали члены императорской фамилии (Общество 1837 г.), супруги генерал-губернаторов и других высших чинов (Попечительство бедных в

²³⁰ Там же.

²³¹ ПСЗ-ИТ. 35. № 35596.

²³² ПСЗ- ИТ. 33. № 32873.

²³³ Максимов Е.Д. очерк истории развития и современного положения общественного призрения в России // общественное и частное призрение в России. СПб. 1907. С. 49.

Москве, Виленское и Тверское общества «Доброхотной копейки» и др.), то теперь инициативу чаще берут на себя представители купечества и мещанства.

Это вовсе не свидетельствует еще об ослаблении благотворительной деятельности дворянской знати или о том, что знатные благотворители предпочитают действовать в одиночку, - отнюдь. Так, инициаторами создания Общества по устройству в Риге помещений для нуждающегося населения выступают камер-юнкер Бревнери и барон Гейкинг²³⁴, немало знатных фамилий и среди учредителей Московского попечительского общества о семействах дворовых людей, о котором мы несколько подробнее скажем ниже, и многих других. Но благотворительное движение явно расширяется, в него входят группы, преследующие свои цели, подчас не известные или не вызывающие сочувствия у традиционных групп благотворителей.

По словам П. С. Уваровой, пореформенный период открывал «всякому здравому человеку возможность поработать на пользу родины»²³⁵.

Статистика дает этому самое яркое подтверждение:

По числу содержимых благотворительных заведений, отдельные группы благотворителей следуют в таком порядке

- 1) Частные общества – 19,9%
- 2) Церковно-приходское ведомство – 16,2%
- 3) Ведомство Императрицы Марии – 16%
- 4) Городское общественное управление – 13,7 %
- 5) Иноверческие церковные и национальные общества – 11,6%
- 6) Остальные – 7%

²³⁴ ПСЗ- II. Т. 34. № 35286.

²³⁵ Уварова П. С. Давно прошедшие счастливые дни. – М., 2005. – С. 11.

7) Земство – 0,2%

По роду благотворительные заведения располагаются в следующей градации

1) Приюты для малолетних – 33,1%

2) Богадельни – 20,8%

3) Амбулатории – 13,4%

4) Больницы – 12,4%

5) Дешевые и бесплатные квартиры – 8,8

6) Профессиональные школы – 4,4%

Из заведений для малолетних первое место занимают приюты – 84 %

Профессиональные школы – 11%

Больницы – 4%

Для взрослых – больницы с амбулаториями – 39,8%

Богадельни – 34%.

Призируют больше малолетних, чем взрослых, больше всего им оказывают поддержку заведения Ведомства.

По величине капиталов наиболее выделяется Ведомство императрицы Марии (21 757 108 р), за ним следуют заведения купеческого сословия (7 282 105 р), потом частные общества (2 926 656р.), учреждения самостоятельные и правительственные, иноверческие общества, православные²³⁶

Основными областями социальной коммуникации, где наиболее ярко вызревала и проявляла себя гражданская идентичность, были: местное самоуправление (земства в сельской местности и муниципалитеты в городах), благотворительные организации, городские и земские участковые

²³⁶ Лихачев В.И. Благотворительность в Санкт Петербурге. СПб. 1891

попечительства о бедных, церковно-приходские попечительства, общероссийские съезды благотворителей.

Богатый материал для исследования этого периода представлен и в материалах СМИ.

Таблица 5. Число публикаций²³⁷

Год	1870	1880	1890	1900
Кол-во книг и статей	163	224	795	1351

Если сравнить с предыдущим периодом, то разница внушительная (31 в 1860е)

Для второй половины XIX века характерно как увеличение количества периодических изданий, так и их диверсификация. Появляются издания для конкретных социальных групп (крестьян, городских жителей, мелких служащих и др.), разной общественно-политической направленности. Значительно расширился и круг издателей. В этот период газеты и журналы издавались правительством, государственными учреждениями, земствами, общественными организациями и частными лицами. Стремительно увеличивались и масштабы этих изданий. Если в конце XIX в. значительным считался тираж в 25-30 тыс. экземпляров, то в начале века наиболее популярные газеты имели тираж 60-100 тыс.²³⁸ К наиболее популярным изданиям этого периода можно отнести Русские ведомости (1863), Голос (1863), Нива (1870), Санкт-Петербургские Ведомости, Московские Ведомости, Биржевые Ведомости, Новое время (1868)

²³⁷ Таблица составлена на основе данных полного библиографического указателя, опубликованного в сборнике «Благотворительность в России.2001»

²³⁸ Данилевский источникведение.

Все печатные СМИ, писавшие на тему благотворительности можно условно разделить на следующие категории, появление этих категорий – также особенность общественных и экономических процессов второй половины XIX века:

1) Во-первых, появляются специализированные издания по благотворительности. Как правило, их издавали органы благотворительных обществ и учреждений. Например, второй «Вестник благотворительности» (1897) (первый «Вестник Благотворительности» появился в 1870 г. и выпустил всего 7 номеров, после чего прекратил свое существование) издавался в Петербурге Центральным управлением детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии. Он выходил при поддержке царской семьи в 1897 – 1902 гг. В «Вестнике» и подобных ему изданиях печатались отчеты о деятельности учреждений, публиковалась информация о пожертвованиях и благотворительных акциях, им проводимых. Стоит, однако, отметить, что появляться подобные издания стали лишь с 1870х гг. и до начала XX века их насчитывалось всего около 11.²³⁹

2) Вторая группа - духовные издания, в основном губернские «Епархиальные Ведомости». Материалы, публикуемые в этих изданиях, касались по большей части благотворительности в отношении церкви, отчеты местных духовных благотворительных обществ, а также общетеоретические статьи о религиозных началах благотворительности. Отличительной чертой подобных изданий можно назвать общероссийский размах. «Епархиальные Ведомости» издавались в 63 епархиях Российской Империи и были ориентированы не только на священнослужителей, но и на широкий круг читателей.

3) В-третьих, информационной платформой благотворительных учреждений становились политические,

²³⁹ По данным Библиографии русской периодической печати 1703-1900 гг.

литературные и другие светские издания. Эта группа периодических изданий представляет на наш взгляд наибольший интерес для изучения, поскольку, не имея перед собой задачу регулярно освещать вопросы развития благотворительности, рисуют наиболее объективную картину интеграции феномена благотворительности в социокультурную жизнь российского общества XIX века.

Помимо периодических изданий на тему благотворительности в исследуемый период начали публиковаться исторические исследования, производились попытки статистического анализа объемов и сфер благотворительности в стране, а также первые попытки общетеоретического осмысления феномена благотворительности в России.

Одним из наиболее ярких изданий данной направленности становятся журналы «Вестник благотворительности» (первый и второй).

Светские издания – еженедельные и ежемесячные газеты и журналы по большей части малоотносились к благотворительности. Они специализировались на обсуждении насущных вопросов политики, социально-экономической жизни, публиковали последние новости с театра военных действий и т.д. Тем примечательнее присутствие в подобных изданиях материалов (а ко второй половине XIX века объем этих материалов растет в геометрической прогрессии) так или иначе связанных с благотворительностью.

Однако самый обширный и разнообразный материал для исследования был обнаружен в журнале «Нива» - популярнейшем еженедельном издании середины XIX – начала XX века. Журнал позиционировал себя как издание для семейного чтения и был ориентирован на городских жителей среднего достатка. Тематика журнала обозначалась в подзаголовке как «журнал литературы, политики и современной жизни»

Методом контент-анализа были проанализированы номера журнала с 1870 по 1918 годы. Среди общего объема были выбраны публикации затрагивавшие, так или иначе, тему светской благотворительности. Все изученные материалы можно условно разделить на 3 периода по частотности обращения к теме благотворительности в анализируемом СМИ: с 1870 по 1884-1885, с 1886 по 1905 с 1906 по 1914. Параметр частотности появления в журнале темы благотворительность является, пожалуй, наиболее показательным. Так с 1870 по 1885 количество материалов на искомую тему не превышало 20-30 в год (из 52 номеров журнала), с 1886 по 1905 эта цифра возрастает до невероятных 80-100 публикаций в год, практически в каждом номере журнала можно было встретить от 2 до 4 материалов на тему благотворительности, после 1906 года тема благотворительности вытесняется другими, либо исчезают рубрики, в которых традиционно публиковались эти материалы. Средний объем публикаций в этот период – 30-40

Среди содержательных результатов анализа можно отметить следующие:

1) в первый выделенный нами период материалы по благотворительности были больше по объему. Это, как правило, были статьи либо исторического содержания, либо носящие ознакомительный характер с теорией и практикой филантропии.

2) К концу 1880х популярными рубриками становится «Разные известия» и «Смесь», чаще всего заметки о благотворительных мероприятиях, крупных пожертвованиях или учреждении новых благотворительных организациях публиковались именно здесь.

3) Что касается тематики этих заметок, то большую часть из них составляют (особенно в 80-90е гг) публикации об учреждении именных стипендий, передаче в собственность какому-либо благотворительному обществу зданий, собраний книг и т.п., о крупных анонимных пожертвованиях, о благотворительных концертах, выставках в поддержку того или иного общества, меньше всего

материалов о благотворительной деятельности членов императорской фамилии, однако газета отражала практически все передвижения августейших особ по стране и их участие в крупных приемах и мероприятиях.

4) К концу века все большую долю объема публикаций о благотворительности занимают объявления самих благотворительных организаций, либо редакции газеты, призывающих к сбору средств в поддержку какой-либо категории нуждающихся.

5) Все публикуемые материалы написаны в формате короткого информационного сообщения, и как правило, не содержат никаких оценочных суждений или эмоциональных маркеров. Тон публикаций свидетельствует об обыденном характере таких пожертвований или мероприятий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на страницах периодических печатных СМИ тема благотворительности была одной из центральных. Объем материалов на благотворительную тематику свидетельствует о постепенном развитии этого явления и широком распространении практически среди всех категорий граждан. Каждое издание имело свою целевую аудиторию и преследовало свои цели, будь то обращение внимания жертвователей на нужды определенных категорий нуждающихся, или стремление оптимизировать процесс общественного призрения. Показательным является тот объем пожертвований, крупных и мелких, направленных на поддержку образования, призрения детства или помощь инвалидам войны и вдовам, который был освещен на страницах периодической прессы. На наш взгляд все это влияло на формирования положительного образа благотворительности в России, более того, благотворительность представала как неотъемлемая часть социальной, культурной и духовной жизни общества, создавалась культура благотворительства, привычка помогать нуждающимся, как у состоятельных людей, так и у людей со средним и малым достатком. Общественное признание сыграло немаловажную роль в процессе становления и развития

феномена благотворительности в России, однако, что характерно для нашей культуры, признание это не было помпезным, человек, совершивший благое дело не представал на страницах этих изданий как герой, да это было и не нужно самим дарителям, было важно, что деятельность эта не осталась незамеченной, что те малые усилия, или серьезный вклад, который внес благотворитель сыграли свою положительную роль в улучшении жизни отдельных людей и всегообщества в целом.

Заключение

Выявленные нами основные вехи развития благотворительности в России, его исторические и культурные корни лишь отчасти раскрывают феномен благотворительности во всем его многообразии. Мы стремились обозначить основные особенности и тенденции, социальные устремления и культурные основы российской благотворительности на каждом этапе ее развития. Сформировавшись под влиянием социокультурной среды, она впоследствии определяла модели и традиции социального поведения. Таким образом, охарактеризовать феномен благотворительности можно с одной стороны как *свойство* российской культуры («человеколюбие», применяя терминологию прошлого), с другой – как сложный *процесс*, захвативший все слои населения в социально значимую деятельность. И если для благотворительности как свойства характерны стабильность, вневременной и всесословный характер, основная черта благотворительности как процесса – сама подвижность целей, постоянная смена приоритетов деятельности.

Встраивание благотворительности в социокультурную парадигму происходило благодаря тому, что ее принципы формировались под сильнейшим влиянием традиционных ценностей российского общества. Фундаментальную роль в этом процессе сыграло то, что на протяжении веков благотворительность велась под патронажем церкви. Именно церковь внедрила в жизнь общества практику благотворительности в виде подачи милостыни и помощи нуждающимся. Благодаря этому в сознании людей подобная деятельность ассоциировалась с праведной жизнью. Религиозное мировоззрение, присущее российскому обществу на всем протяжении исследуемого периода, сформировало систему морально-нравственных устоев, в которой «благотворение» и «человеколюбие» приобрели особенно высокий статус.

Все это нашло отражение в интерпретации понятий, входящих в лексико-семантическое поле благотворительности. «Благотворительность»,

«благотворение» и «человеколюбие», в большей степени встречающиеся в текстах конца XVIII – начала XIX века, чаще остальных единиц семантического поля благотворительность используются в значении духовной практики или свойства человеческой натуры. Однако в процессе развития самого явления усложняется и смысловое наполнение терминов, его обозначающих. И здесь сыграла свою роль традиционный для нашей страны особый статус правителя и отношение общества к власти.

Государственная власть, зачастую сливающаяся с личностью монарха, влияла на большинство социальных и культурных процессов, определяла роль и место благотворительности в жизни общества. Во-первых, деятельность членов правящего дома способствовала превращению благотворительности из сугубо религиозного служения в деятельность светскую и даже гражданскую. Во-вторых, монархия использовала властный ресурс для вовлечения дворянства и купечества в благотворительную деятельность: привлекала их к устройству и финансированию воспитательных домов, богоугодных заведений, больниц и приютов. Личным примером русские монархи представляли обществу «модель благотворительного поведения», освоение которой делало рядового благотворителя сопричастным большому государственному делу.

Признание заслуг частных благотворителей не только монархом, но и обществом в целом стало одним из инструментов интенсификации благотворительной активности в течение всего исследуемого периода. Помимо законодательно оформленных льгот и системы вознаграждений (чинами или званиями) немаловажную роль играло социальное признание в виде освещения отдельных актов благотворительности в СМИ. Их признание на общенародном уровне затрагивало патриотические настроения отдельных жертвователей.

Уже в первых десятилетиях XIX века наряду с термином «благотворительность» начинают использоваться понятия «призрение» и

«попечение», обозначающие «социальное служение». В сознании общества эти понятия никак не связаны с богатством, материальной стороной жизни.

Немаловажную роль в этом сыграло традиционное отношение российского общества к деньгам и личному богатству. Личное благосостояние воспринималось исключительно как инструмент, позволяющий реализовываться в других сферах жизни: получать образование, помогать нуждающимся, создавать что-то общественно-полезное. Более того, оно зачастую трактовалось как дар, за который предстояло держать ответ перед Богом. Деньги понимались как лишь один из инструментов оказания благотворительной помощи. Для положительной оценки общественности важен был не размер суммы, а сам факт участия в попечении о нуждающихся, именно поэтому в средствах массовой информации исследуемого периода одинаковое внимание уделяется как крупным, так и совершенно незначительным по размеру пожертвованиям. Ценностная обусловленность прослеживается также в сферах, получавших наиболее широкую благотворительную поддержку. Образование, имевшее в какой-то степени сакральное значение для русской культуры, стало одним из ключевых объектов оказания благотворительной поддержки, как со стороны государства, так и со стороны частных благотворителей.

Благотворительности как процессу свойственны всеословность, динамичность и адаптивность к разного рода политическим и экономическим явлениям, а также поэтапный характер развития.

Со второй половины XVIII – начала XIX века инициатором благотворительной деятельности выступает государство (в лице монарха и государственных учреждений и институций). Оно направляет усилия частных благотворителей на сферы, играющие ключевую роль в социальной политике. Это определяет и специфику круга первых крупных частных благотворителей – аристократию и видных представителей провинциального помещичьего дворянства, – всех тех, кто по долгу службы или социальному статусу должен

был и мог претворять в жизнь политику просвещенного абсолютизма. Что касается содержания и форм благотворительности данного этапа, то они определялись как государственными потребностями, так и сложившейся традицией. Причем в этот период под традиционными формами подразумеваются те, которые раньше были в ведении церковной благотворительности. В первую очередь это больницы и приюты для сирот, раненных воинов и вдов. На уровне государственных интересов приоритетной стала поддержка учебных заведений.

Для второго выделенного нами периода характерно более активное вовлечение представителей как крупного, так и мелкого дворянства, столичного и провинциального, а также отдельных представителей зажиточного купечества. Общественный подъем в среде образованного дворянского сословия и всплеск патриотических настроений, связанный с победой в Отечественной войне 1812 года и политикой Александра I, экономические проблемы послевоенного времени, тяготы Крымской войны возвели дело благотворительности в ранг обязательной социальной активности просвещенных кругов общества. Среди новых сфер благотворительности можно отметить снабжение армии, оказание помощи инвалидам, людям, вернувшимся в разрушенные жилища, учреждение больниц для разных социальных групп. Наиболее популярной формой оказания помощи в данный период становится учреждение на частные средства благотворительных обществ разного состава и назначения. То есть частные инициативы постепенно пытались отходить от диктуемых государством целей, но в то же время характерной приметой времени было стремление большинства вновь образованных обществ приобрести высочайшее покровительство членов императорской фамилии, либо войти в состав Мариинского ведомства.

Для третьего этапа развития феномена благотворительности важнейшей характеристикой становится заметное понижение социального и сословного

статуса основной массы жертвователей. Это было связано с рядом факторов, важнейший из которых – экономический, отодвинувший разорившееся дворянство с передовых позиций благотворительности и позволивший слою купцов и промышленников стать флагманом благотворительности. Государство как организатор благотворительных инициатив отходит на второй план, позволяя дворянству, купечеству и другим социальным группам выбирать сферы и формы реализации благотворительной поддержки. Именно с этим связано значительное расширение их диапазона: появление системы общественных банков, учреждение именных стипендий, организация благотворительных обществ сословного и корпоративного характера.

И наконец ярким показателем того, что в исследуемый период благотворительность стала важным процессом социокультурной жизни служит усиление внимания прессы. При общем стремительном росте объемов средств, жертвуемых на благотворительность, растет и освещаемость событий, с этим связанных. В первой половине XIX века растет количество отчетов различных благотворительных организаций и обществ, что связано со стремительным ростом их числа. Данная тенденция свидетельствует о том, что на протяжении второй половины XIX - начала XX века благотворительность вызывает живой интерес общества, как актуальная деятельность, призванная отвечать текущей потребностям общества и государства, как один из способов решения важных социальных задач.

Таким образом, в изучаемый период благотворительность прошла сложный путь становления и оформления в социокультурный феномен, она стала неотъемлемой частью жизни всех слоев общества, реалией социальной и культурной жизни. На ней отразились, как ценностные ориентиры российского общества, так и особенности его социальной структуры, великое разнообразие сфер и форм, в которых реализовывалась благотворительная деятельность, стала результатом вовлечения различных слоев населения, установления сложных механизмов взаимодействия между государством и

обществом. Однако феноменальность данного явления проявляется еще и в том, что благотворительность сама по себе стала культурной реалией, определяющей парадигмы социального поведения и восприятие действительности индивидуума, она внесла свою лепту в формирование культурной парадигмы в России не только в изучаемый период, но и на современном этапе развития общества.

Список источников и литературы

Источники

1. ГАРФ Ф. 640, 641, 642, 663, 1813
2. РГИА Ф. 128, 758, 761, 766, 1101, 1284, 1287, 1309
3. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (ПСЗ-I) (1648-1825). Тт. 16, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 27, 29.
4. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (ПСЗ-II) (1825-1881). Тт. 11, 12, 14, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 25, 34, 35, 42, 49.
5. Свод законов Российской империи. Т. XIII. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебный. - СПб., 1892.

Справочники и отчеты о благотворительности

6. Ашрот П.Ф., Мюнстерберг Э. Призрение бедных. - СПб., 1902.
7. Библиотека церковного реформатора на 1908 г. Т.1, Типография Императорского Человеколюбивого общества, СПб, 1908.
8. Благотворительные учреждения Российской Империи: составлено по высочайшему повелению собственной ее Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии: В 3 т. Т. 1. СПб. 1900.
9. Благотворительные общества при Санкт-Петербургских городских больницах, родильных приютах и начальных училищах. СПб. 1892
10. Благотворительность в России. В 2-х т. - СПб., 1907.
11. Ведомство учреждений императрицы Марии (1797-1897) СПб. 1897
12. Век. Русский альбом XIX-XX. Общественная жизнь. Искусство. Литература и наука. Торговля. Промышленность. Одесса, 1901. С.49
13. Вишняков Н. Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762—1847 гг.). Часть II. М., 1905. С.72.

14. Забелин А. Вековые опыты наших Воспитательных домов. СПб. 1891.
15. История Московского Купеческого Общества. Т.V. Вып. I. М., 1913.
16. Московское училище ордена св. Екатерины 1803—1903 г.г. Исторический очерк. Составлен по поручению совета училища комиссией преподавателей под общей редакцией инспектора классов В. А. Вагнера. МОСКВА 1903.
17. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т.I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905.
18. Сборника сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт Петербурге и Москве. 1899.
19. Ордин К.Ф. Попечительный совет заведений общественного призрения в Санкт-Петербурге. Очерк деятельности за 50 лет. 1828-1878 СПб. 1879.

Словари

20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, М.: Цитадель, 1998
21. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—1991
22. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.
23. Словарь церковнославянского русского языка, составленного Вторым отделением Императорской академии наук. СПб. 1847
24. Современный философский словарь М.1998
25. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.)

26. Философский словарь/под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат. 1986.
27. Ожегов, С.И.; Шведова, Н.Ю Толковый словарь русского языка.; Изд-во: М.: Аз, 1996 г.

Исторические документы и мемуарная литература

28. Барятинская М.С. Моя русская жизнь: Воспоминания великосветской дамы. 1870-1918. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
29. Бахрушин Ю.А. Воспоминания - М.: Худ. Литература, 1994 г.,
30. Бенуа А. Мои воспоминания в пяти книгах. Книга 4 и 5. М., Наука. 1980.
31. В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание общества любителей Российской словесности, 13 апреля, 1869 года. Москва. В типографии «Русскаго». 1869.
32. Верховская О.П. Картинки прошлого: Из воспоминаний детства. М.: Издание Е.Д. Трауцкой, 1913.
33. Воспоминания Бестужевых. Издательство Академии Наук СССР. Москва-Ленинград. 1951 г.
34. Гвоздев С. Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг.). М., 1911.
35. Глинка С.Н. Записки. СПб.: Русская Старина, 1895.
36. Головина В.Н. Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766-1821). М.: Сфинкс, 1911. 410 с.
37. Горький М. Книга о русских людях - М.: Вагриус, 2007
38. Данилов М.В. Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722-1762) // Безвременье и временщики. Л.: Художественная литература, 1991.
39. Дашкова Е.Р. Записки // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М.: Издательство Московского университета, 1987.

40. Дневник поручика Васильева. Памятники древней письменности. СПб. 1896.
41. Жизнь Сергея Владимировича Алексева в его добрых делах. М., 1893.
42. Как думали русские люди о милосердии двести лет назад. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1897.
43. Лабзина А.Е. Воспоминания: Описание жизни одной благородной женщины // История жизни благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
44. Москва в истории и литературе. М. 1916.
45. Немирович –Данченко. Из прошлого. М.: Кукушка, 2003
46. Нестеров М.В. О пережитом 1862-1917. Воспоминания - М.: Молодая гвардия, 2006
47. Питомцы Императорского Санкт-Петербургского Воспитательного дома в воспоминание Столетнего юбилея этого заведения СПб.1873
48. Русские мемуары 18 века. М., Правда. 1988.
49. Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825 гг. Е.Ф. Комаровский. Записки. М. Правда. 1989.
50. Романова Ольга. Сон юности. Записки дочери императора Николая I Великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж: Военная быль, 1963.
51. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Труды ГИМ. М.,2005.
52. Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение. 2001.

Периодические издания (изучены номера журналов и газет за указанные годы)

- 53. Вестник Благотворительности (1897-1902)
- 54. Вестник Европы (1802-1830; 1866-1914)
- 55. Голос (1863-1883)
- 56. Детская помощь (1885-1894)
- 57. Кошелек. Еженедельное сочинение 1774 года.
- 58. Московские ведомости (1756-1912)
- 59. Нива (1870-1916)
- 60. Русский вестник (1808-1820)
- 61. Русский инвалид (1813-1847)
- 62. Санкт-Петербургские Ведомости (1760-1910)
- 63. Северная пчела (1825-1864)
- 64. Северная почта (1809-1819)
- 65. Сын Отечества (1812-1852)
- 66. Современник (1836-1866)
- 67. Трудовая помощь (1897-1910)
- 68. Трудолюбивая пчела (1759)
- 69. Трутень. Еженедельное издание, на 1769[-1770] год.

Исследовательская литература

1. Апресян Р.Г. Дилеммы благотворительности//ОНС Общественные науки и современность М. №6, 1997.
2. Апресян, Р.Г. Филантропия: милостыня или социальная инженерия? //Общественные науки и современность. №5, 2008.
3. Аронов А.А. Золотой век русского меценатства – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1995.
4. Бабенко Н.А. Эволюция благотворительности на Ставрополье в середине XIX - начале XX веков: историко-социальный аспект.: Автореф. докт. ист. наук. — М, 2006.
5. Бадя Л.В. Благотворительность и меценатство в России. - М.: Дашков и К0, 1993.
6. Бадя Л.В. Благотворительность и нищенство в России Краткий исторический очерк - М, 1993.
7. Баринова (Кабытова), Е. П. Российское дворянство в начале XX века: социокультур- ный портрет. – Самара, 2006.
8. Благотворительность в России с древнейших времен до начала XX века. Лики России, СПб, 2011.
9. Благотворительность в России. СПб., Лики России, 2010.
10. Бурыйшкін П.А. Москва купеческая – М.: Современник, 1991,
11. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в.—1914 гг. М., 1992.
12. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России, М.: Наука, 1989.
13. Боханов А.Н. Савва Мамонтов// Вопросы истории, №11 (1990)
14. Бочарников С.И. Бедность и благотворительность. Исследование положения их в среде общества. М., 1879.
15. Вербицкий А. Эта выгодная благотворительность // Вестник благотворительности, №5 (27), 1996.
16. Власов П.В. «Благотворительность и милосердие в России». М., 2001
17. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России / П.В. Власов; общ. ред. А.К. Голицын. - М., 2001.
18. Власова А.В. Благотворительность Русской Православной Церкви в исследовательской практике дореволюционного периода// Вестник Челябинского государственного университета – 2009, №4.
19. Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.,2001.

20. Гавлин М.Л. Российские Медичи. Портреты российских предпринимателей. М., 1996.
21. Галиуллина С Д., Дегтярев А.Н. Попечительство и благотворительность в сфере образования Российской империи // Социальная политика и социальное партнерство: научно-практический журнал. - 2010.
22. Гейнике Н.А. Савва Мамонтов и его роль в истории русской оперы (ЦГТМ им.Бахрушина, ф.532, 20)
23. Громыко М.И. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII-XIX вв.//Русские: семейные и общественный быт. М., 1989
24. Гузенко Е.С. М Благотворительность в системе образования конца XIX - начала XX века: На материалах Казанской, Симбирской и Саратовской губерний: Автореф. канд.истор.наук – Саратов, 2002.
25. Горбунова Е.Ю. Благотворительность в России и ее роль в общественно-культурной жизни на рубеже XIX -XX вв.: Автореф. канд. ист. наук. – М. 1996.
26. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. М.,2001.
27. Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М.,1975.
28. Демина И.С. Благотворительная деятельность семьи принцев Ольденбургских в России: XIX - начало XX вв.: Автореф. канд. ист. наук. — СПб, 2006.
29. Демская А., Семенова Н. У Щукина, на Знаменке... . М., 1993.
30. Друговская А.Ю., Гатилова Л.С. Да не оскудеет рука дающего... (Из истории благотворительности в губерниях Центрального Черноземья в конце XIX - начале XX веков). - Курск, Изд-во КГМУ. 1999.
31. Думова Н.Г. Московские меценаты. М., 1992;
32. Загоруйко Н.М. Проблема оценки экономической эффективности корпоративной благотворительности /Н.М. Загоруйко// Благотворительность в России - СПб., 2003.
33. Залевская, А. А. Теоретические аспекты проблемы языкового сознания // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29-31 мая 2003г.
34. Залевская, А. А. Теоретические аспекты проблемы языкового сознания // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV междунар.

- симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29-31 мая 2003г.
35. Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., Языки славянской культуры. 2005.
 36. Захаров, Е.П. Организационно-экономический механизм функционирования благотворительных фондов: Автореф. дис. канд. экон. наук / Захаров, Е.П. - М. 2002.
 37. Зилоти В.П. В доме Третьякова. М. 1992.
 38. Зиновьева С.Н. Благотворительные организации Санкт-Петербурга: 1900-1917 гг.: Автореф. канд. ист. наук. — СПб, 2005.
 39. Калякина А.В. Грантовая поддержка учреждений культуры//Справочник учителя учреждения культуры, 2004, №5.
 40. Калякина А.В. Национальный музей как явление культурной жизни русского общества (середина XIX века)//Вопросы музеологии, 2015, том 12, № 2.
 41. Кафенгауз Б.Б. Купеческие мемуары//Московский край в его прошлом: очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков. М., 1928.
 42. Кириченко О.В. Дворянское благочестие XVIII века. М., 1997.
 43. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.2. М., 1999
 44. Краткая история газеты «Русский инвалид». СПб. 1848
 45. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002.
 46. Кон И. С. Национальный характер — миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9.
 47. Кононова, Т. Б. Благотворительность императорского дома (XIX в.) / Кононова Т. Б.; под общ. ред. Жукова В. И. - М.: Союз, 2003.
 48. Корф С А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762 - 1855 СПб, 1906.
 49. Коробейников Ю.В. Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления России в 1864-1917 гг. Автореф. дис. к. и. н. Ставрополь, 2003.
 50. Костина Е.Ю. Благотворительность в российском обществе как социальный институт и вид социальной деятельности: Автореф. канд. социолог. наук - Владивосток, 2005.
 51. Костомаров Н.О. Быт и нравы русского народа. М. 2006.
 52. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России, М., 1974

53. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социально-функциональные структуры//Социологические исследования №7, 2000.
54. Либоракина М.И. Социальное партнерство. Школа культурной политики. / М. И. Либоракина, М. Г. Флямер, В. Н. Якимец. - М., 1996;
55. Лихачев Д.С. О национальном характере русских// Вопросы философии. 1990. № 4.
56. Лосский Н.О. Характер русского народа. М.2005.
57. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века). СПб., 1994.
58. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер. 2007.
59. Максимов В.Е. Очерки по истории общественных работ в России. СПб. 1905.
60. Максимов Е.Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. - СПб., 1903.
61. Мельникова В.П. Холостова Е.И. История социальной работы в России. М., 2001.
62. Милуков И.И. Деятельность благотворительных организаций г. Казани: 60 годы XIX в. - начало XX в.: Автореф. канд. ист. наук. — Казань, 2006.
63. Милуков Н.П Очерки по истории русской культуры. СПб. 1896.
64. Муктан А.В. Обзор фондов Российского государственного исторического архива по истории благотворительности в России в конце XVIII – XIX вв. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003.
65. Модель И. М., Модель Б. С. Благотворительные общественные организации как институт гражданского общества // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003.
66. Назаровский С.В. Благотворительная деятельность рода Демидовых. СПб.1893
67. Ненарокова И.С. Павел Третьяков и его галерея – М.: Галарт, 1994
68. Нещеретный П.И. Исторические корни и традиции благотворительности в России. М., 1993.
69. Павловская А.В. Национальный характер в условиях глобализации: перспективы изучения//Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2004, № 1.

70. Павловский И.В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность//Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014, №№ 3,4.
71. Петрова А.В. Благотворительность как социально-ролевое взаимодействие: теория и история процесса: Автореф. канд. социол. наук – Екатеринбург, 2003.
72. Пыжов И. Нищие на святой Руси. Материалы для истории общественного и народного быта в России. М., 1862.
73. Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России. М., 1997.
74. Покотилова Т.Е. Теоретико-методологический и историографический аспекты феномена российской благотворительности. - Ставрополь: изд-во СГУ, 1998.
75. Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге.: Автореф. канд. ист. наук. — Воронеж, 2013.
76. Раевский А.А. Общественные работы, их понятие, современное положение и возможная роль в будущем
77. Разуваева Н.А. История российской благотворительности во второй половине XIX - начале XX вв.: По материалам Пензенской губернии.: Автореф. канд. ист. наук. — Пенза, 2006.
78. Разуваева Н.А. История российской благотворительности во II половине XIX – начале XX века (по материалам Пензенской губернии), дис. к. и. н., Пенза, 2006.
79. Разуваева Н.А. История российской благотворительности во II половине XIX – начале XX века (по материалам Пензенской губернии), дис. к. и. н., Пенза, 2006.
80. Ракитский Б. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Ч. 1: Социальная политика // Социальная демократия. — М., 1997. — Вып. 9.
81. Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. – Ростов-на-Дону, 1998.
82. Румянцева М.Ф. История государственной службы в России XVIII-XX вв. М.,1999.
83. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев,1912.
84. С.Г. Тер-Минасова Язык и межкультурная коммуникация. М.СЛОВО.
85. Сборник сведений благотворительности в России. СПб., 1899.

86. Скоч А.В. Меценатство и благотворительность в сфере отечественного образования: правовые основы /А.В.Скоч. М.: ПЕРСЭ, 2003.
87. Снегирев И.М. Московский почетный гражданин Сапелкин Владимир Андреевич. М., 1864. Московский Некрополь. Т.1. М., 1908. С.149.
88. Снегирев И.М. О скудельницах и убогих домах в России. Труды и записки Общества истории и древностей российских. СПб. 1826.
89. Спенсер Г. Индукция социологии // Философия и общество 1997, № 3.
90. Станиславский К.С. Собрание соч. в 8 т. Т.1 Моя жизнь в искусстве. - М.: «Искусство», 1954
91. Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства. СПб.: Лики России, 2006.
92. Соколов А.Р. Российская благотворительность. Исторические исследования. СПб, Гиперион, 2005.
93. Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм
94. Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм //Американская социологическая мысль - М.- 1996.
95. Социальная политика государства / Под ред. В.Ф. Уколова. — М., 1997.
96. Тазьмин Ю.Н. Благотворительность и меценатство в России: к вопросу о мотивациях// Социологические исследования, № 2 (2002)
97. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008.
98. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. М.,1974.
99. Толычева Т. Николай Васильевич Рукавишников (биографический очерк). М., 1878.
100. Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-1914. М., 1999.
101. Ульянова Г. Просящие Христовым именем (из истории нищенства в России) // Родина, 1993. №5.
102. Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX-начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества, Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг. Выпуск 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н.Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2000.
103. Ульянова Г.Н. Изучение истории благотворительности в России: тенденции и приоритеты (1989 – 2002 гг.) // Благотворительность в

- России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003.
104. Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII веке. М., 1999.
 105. Фалько Е.И. Из общественной жизни дореволюционной России: Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество (1895–1918)//Историческая феноменология №2, 2002.
 106. Фалько Е.И. Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество (1895-1918). (Реконструкция документального комплекса): Автореф. канд. ист. наук. — М., 2003.
 107. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700-1917. М. Русская панорама. 2003.
 108. Фомин Э.А. Благотворительность как социокультурный феномен в России / Э А Фомин, Е.З. Чикадзе – СПб. Питер, 2009.
 109. Хамова, Т.Ю. Влияние благотворительной деятельности на общество и социальные процессы // Благотворительность в России - СПб., 2001.,
 110. Хитров А.А. Российская благотворительность под покровительством Дома Романовых, СПб, Алтейя, 2015.
 111. Щапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальны и опыт и вклад в цивилизацию // Россия и XX веке. М., 1994.
 112. Якимец, В.Н. Теория и практика межсекторного социального партнерства в России: Монография / Авт.: В. Н. Якимец, Л. И. Никовская, Л. Н. Коновалова. М.: Государственный университет управления, 2004.
 113. Якубсон И.В. Благотворительность в Московской и Тульской губерниях во второй половине XIX - начале XX вв.: Автореф. канд. ист. наук. — Тула, 2011.
 114. Якушева Н. Московские дома и их хозяева//Московский вестник. 1995. № 1. С.52.
 115. Орлов Н. Жизнь и благотворительная деятельность действительного статского советника Ф.Я.Ермакова. М., 1896. С.15.
 116. Очерки русской культуры XVIII века. Т.3-4. М., 1990.